

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RAS

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ
THE ASSOCIATION OF JAPANESE STUDIES

**ЯПОНИЯ:
ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО
В ОКЕАНЕ ПРОБЛЕМ**

**JAPAN:
THE ECONOMY AND SOCIETY
IN THE OCEAN OF PROBLEMS**



Москва
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94 (520)
ББК 63.3 (5Япо)
Я70

Настоящее издание подготовлено
при финансовой поддержке
Японского фонда

Руководитель и ответственный редактор проекта
Д.В. Стрельцов

Япония: экономика и общество в океане проблем = Japan: The
economy and society in the ocean of problems / Ин-т востоковедения РАН;
Ассоциация японоведов. — М. : Вост. лит., 2012. — 206 с. — ISBN
978-5-02-036490-5

ISBN 978-5-02-036490-5

© Ассоциация японоведов, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма «Восточная литература»,
2012

Проект посвящен актуальным проблемам социально-экономического развития Японии в начале второго десятилетия XXI в. В сборнике рассмотрены вопросы нехватки трудовых ресурсов и потребности в более гибкой иммиграционной политике на фоне стареющего общества, изменений ценностных ориентиров японской молодежи, проявлений киберкультуры, нового подхода к сфере городского планирования. Особое внимание в проекте уделено анализу экономических и социальных последствий «тройного бедствия» 11 марта 2011 г., в том числе вопросам о дальнейшем пути развития национальной электроэнергетики и становлении «низкоуглеродного общества». Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся положением в современной Японии.

The project book is devoted to vital problems of socio-economic development of Japan in the beginning of the second decade of the 21st century. The project reviews the issues of labour shortages and the need for a more flexible immigration policy against the background of aging society, the changes in values of Japanese youth, manifestations of cyberculture, a new approach to the sphere of urban planning, etc. A special attention in the project is paid to analysis of the economic and social consequences of the triple disaster of March 11, 2011, including the future development of national electric power industry and the emergence of "low-carbon society." The book is addressed to a wide circle of readers interested in the problems of contemporary Japan.

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив	6
<i>D. Streltsov</i> Summary	8
<i>Е.Л. Леонтьева</i> Япония: восстановление после удара стихии	28
<i>Д.В. Стрельцов</i> Уроки Фукусимы: куда пойдет развитие национальной электроэнергетики?	41
<i>И.П. Лебедева</i> Японская система организации и управления производством: испытание глобализацией	51
<i>Т.Н. Матрусова, К.В. Курочкина</i> Изменения на рынке труда Японии в постиндустриальную эпоху	76
<i>Д.В. Стрельцов</i> О концепции «низкоуглеродного общества»	93
<i>Н.С. Григорьева</i> Охрана здоровья пожилых людей в Японии	105
<i>В.Э. Молодяков</i> Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодежи	114
<i>И.С. Тихоцкая</i> «Тихие революции» в Японии	127
<i>С.Б. Маркарьян</i> Иммигранты в японском обществе: необходимы, но нежелательны	137
<i>Э.В. Молодякова</i> Матидзукури в социальной жизни современных японцев	161
<i>Е.Л. Катасонова</i> Японцы в виртуальном пространстве	176
<i>Е.Ш. Гонтмахер</i> Проблема старения населения в России	194

CONTENTS

Authors' Team	7
<i>D. Streltsov</i> Summary	8
<i>E. Leontyeva</i> Japan: The Recovery after the Disaster	28
<i>D. Streltsov</i> The Lessons of Fukushima: What will the Future of the National Electric Power Industry be?	41
<i>I. Lebedeva</i> The Japanese System of Production Management: Tested by Globalization	51
<i>T. Matrusova, K. Kurochkina</i> Changes in the Labor Market of Japan in the Post-Industrial Epoch	76
<i>D. Streltsov</i> On the Concept of "Low-Carbon Society"	93
<i>N. Grigoryeva</i> Health Protection of Senior Citizens in Japan	105
<i>V. Molodyakov</i> The Confused Generation: Old and New Problems of the Japanese Youth	114
<i>I. Tikhotskya</i> "Quiet Revolutions" in Japan	127
<i>S. Markaryan</i> Immigrants in Japanese Society: Necessary, but Undesirable	137
<i>E. Molodyakova</i> <i>Machizukuri</i> in the Social Life of the Contemporary Japanese People	161
<i>E. Katasonova</i> The Japanese in Virtual Space	176
<i>E. Gontmakher</i> The Problem of Aging Society in Russia	194

Авторский коллектив

Гонтмахер Евгений Шлемович, доктор экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьева Наталья Сергеевна, доктор политических наук, факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Курочкина Ксения Вячеславовна, университет Васэда (Япония)

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Матрусова Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН

Молодяков Василий Элистархович, доктор политических наук, Институт востоковедения РАН

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Authors' Team

Gontmakher, Evgeny Sh., Prof. (Economics), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Grigoryeva, Natalya S., Prof. (Political Science), Faculty of Public Administration, Moscow State University named after M. Lomonosov

Katasonova, Elena L., Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Kurochkina, Kseniya V., Waseda University (Japan)

Lebedeva, Irina P., Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Leontyeva, Elena L., Ph.D. (Economics), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Markaryan, Seda B., Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Matrusova, Tatyana N., Ph.D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Molodyakov, Vasily E., Prof. (Political Science), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Molodyakova, Elgena V., Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Streltsov, Dmitry V., Prof. (History), Moscow State Institute of International Relations (University)

Tikhotskya, Irina S., Ph.D. (Economics), Geographic Faculty, Moscow State University named after M. Lomonosov

D. Streltsov

SUMMARY

In the opinion of **Elena Leontieva**, by early 2011, Japan's economy almost recovered from the global financial crisis. In FY 2010/2011, real GDP growth rate was expected to reach 3%, but in March 2011 this bright forecast was ruined by a devastating magnitude-9.0 earthquake and ensuing tsunami that pummeled the northeastern coast of Honshu.

The earthquake and tsunami wrought havoc on economic activities in a relatively small and not the most densely populated area. But this region ensured food supply to the great megapolis of Tokyo. The ruined Fukushima-1 power plant was a major power supplier to the Kanto region. Plants and factories in the northeastern Honshu supply materials and parts to huge networks of assembly lines across the world. Disrupted global technological networks gave a powerful blow to the Japanese manufacturers who faced a large-scale loss of markets.

A total estimate of direct losses in the area was calculated by the Japanese government and reached ¥33.8 trillion, or over \$430 billion. This amounts to 7.05 percent of Japan's annual GDP. In terms of money loss, the greatest damage was done to railroads and highways, communications, dwellings, farms and factories.

The top priority tasks were to restore infrastructure of transportation and communications, to resume supplies of goods and fuel and to start construction of new homes for the evacuees. This work is going on fast. It is well organized by various private businesses. This is a starting point of a construction boom. To completely clean and decontaminate the territory, to re-cultivate the farmland and to possibly change the economic pattern in the devastated area might take up to three years. A complete reconstruction of northeastern Japan may take no less than ten years.

Delays are extremely risky. Japanese corporations have been relocating their facilities abroad for many years. Disruption of supplies and power shortages tend to accelerate the current outflow of capital and loss of jobs — the “hollowing out” of the Japanese economy.

Restoration of control over nuclear power plants and coping with power shortages are the most formidable tasks. Japan had a faulty system of safety regulations in its nuclear power industry. Managers of plants covered up malfunctions of equipment and gave falsified statements to regulators, so that the regulating agencies had no true information about possible threats. Even after

© Streltsov D., 2012

the quake and tsunami, the TEPCO continued to conceal the real scale of disaster, the extent of disruption and radioactive emission. Only after a delay, they began to cool the red-hot damaged reactors with seawater, and explosions and fires could not be avoided. The four reactors at the Fukushima-1 power plant are closed and will be decommissioned in 2012.

Nuclear power generation amounts to 30 percent of the country's entire power output. Japan cannot do without nuclear power. Power shortages can hardly be covered if idled thermal plants restart operations. Transition to reliance on coal, oil and gas (all carbohydrates are imported) will involve enormous costs. So far, renewable energy sources and energy conservation cannot fill the gap in the country's energy balance.

According to the official reconstruction program, 68 percent of the huge financial plan for restoration of the quake-hit area must be used in the first decade after the disaster. The expenditures will be covered with fiscal money, namely, with taxpayers' money and with issuance of special-purpose "reconstruction bonds."

Public funding of reconstruction works at such a scale will place a heavy burden on Japan's fiscal system. Consolidated government debt is already equal to 8.8 percent of Japan's annual GDP, and the accumulated debt-to-GDP ratio has reached 217 percent. The public sector is heavily in debt, but this is outweighed by private-sector savings. Liabilities of the Japanese financial institutions, which own 95 percent of the public debt, consist mostly of time deposits of companies and households. These resources will fund reconstruction works through the market of public debt.

The government had to abandon the long-awaited program of tax cuts, which are so needed for the restart of economic growth, and cut back fiscal expenditures on many social needs. Financing of reconstruction works goes from supplementary budgets funded with special bond issues. Redemption of these bonds will begin with resumption of economic growth.

Political instability provides no benefit to public financing of reconstruction works. The main opposition Liberal Democratic Party has blocked or detained some major bills in the Diet, such as the bills on the scale of issuance of government bonds, on the transfer of funds from social programs, on the support enabling the TEPCO to cover obligations to residents in the quake-hit area. Each budget item has its opponents and lobbyists. Opponents have appeared in the ruling Democratic Party of Japan. They combined efforts to make Prime Minister Naoto Kan resign together with his Cabinet. Yoshihiko Noda has become the new head of the Government — the sixth Prime Minister in the last five years.

In a destabilized political system, people do not trust the government. Nevertheless, Japan's economy is strong enough to cope with the most difficult tasks.

The article by **Dmitry Streltsov** deals with the impact of the Fukushima disaster on the prospects of development for the national electric power industry. Future development of the electricity sector in Japan was compro-

mised most dramatically in the wake of the devastating earthquake and tsunami of March 11, 2011, that brought about the accident at the NPP “Fukushima-1,” the largest in Japanese history. Looming large on the national agenda is revision of strategic plans for energy development, in which the nuclear sector has always played a key role. Changes in the priorities are all the more likely after the accident as there are signs of an incipient reversal in the country’s public opinion in favor of giving up nuclear power.

Japan found itself forced to reckon not only with a lack of its own fossil energy sources, but also with its extremely vulnerable geo-economic position. As an island state, Japan has no links to grids in neighboring countries, nor is it in a position to purchase additional amounts of electricity, as do European countries in such circumstances. Under these conditions, the choice of available options is limited to the following: increase the import of hydrocarbons, limit energy needs by stepping up energy saving measures, or look for new reserves in the renewable energy field.

While increased imports of fossil fuels, primarily oil and natural gas, as well as coal, are likely to become the main trend in Japan’s energy strategy in the future, it has significant drawbacks.

Firstly, Japan will not be able to increase its imports of hydrocarbons, whose supplies in the vast majority of cases are fixed in contracts valid for years to come. Moreover, Japan will face stiffer competition for the right to develop new fields abroad from the world’s fast-growing economies, especially China and India.

Secondly, because the cost of electricity produced at thermal power plants is higher than that of NPP-produced power, energy-consuming industries will undoubtedly have to take on a greater financial burden. Seen from this angle, Japanese economy, now in its third decade of structural adjustment, will find itself in an unfavorable situation, which is likely to further weaken its competitive potential.

Thirdly, a transfer to hydrocarbon resources of energy will definitely raise greenhouse gas emissions. This will deal a blow to Japan’s policy to increase its contribution to the struggle against global warming.

The disaster has convincingly confirmed the correctness of earlier policy of developing renewable sources. Future steps will apparently lead to accelerated development in this area and a further buildup of Japan’s technological potential as a “green superpower.” The problem, however, is that hydropower has natural limits to its development, while production of energy from other sources, especially solar and wind energy, which are overly dependent on weather and time of day, is too unstable. In addition, the present level of technology renders alternative sources considerably more expensive than the traditional ones. At this point, therefore, renewable energy sources can only be considered an additional source of energy, which can be efficient mainly in a local-scale economy.

As for energy savings, the policies that have been going on in Japan for many decades have produced huge reserves in this area; a major contribution

toward this goal also came about as a result of changes in people's lifestyle toward energy-saving behavior. However, it is still difficult to count on a significant input of the energy conservation policy to overcoming energy deficit.

Analysis of the situation in which Japan found itself after the "triple disaster" suggests that a complete rejection of nuclear power will be much more difficult and painful for Japan than it appears at first glance.

One factor supporting the preservation of a certain number of nuclear power plants in the country energy system is the threat of losing the present technological capacity in the nuclear sphere. In addition, in view of Japan's active involvement in the international competition for the global market of nuclear power, there is some concern that the country may lose its status of a world nuclear-technology power. The military security aspect plays a part in this situation, too. After all, the scientific and technical resources accumulated in nuclear power engineering are a most important strategic reserve of Japan that can be used not only for civilian but also for military ends.

Thus, the dilemma is not whether to develop nuclear energy or not, but, rather, with what to replace its loss for the electricity sector. For its part, the Japanese leadership regards an immediate and complete rejection of nuclear energy at least as unrealistic. After the change of cabinet in August 2011, its new leader, Y. Noda, confirmed that plans to build new reactors would be suspended, but the existing reactors would be decommissioned gradually, as their resources would be progressively depleted. The first to close will be the oldest reactors whose design fails to meet modern safety requirements.

According to **Irina Lebedeva**, the processes of globalization of Japanese industry have already gone far enough. More than 14 thousand branches of Japanese industrial companies operate outside Japan, which accounts for about 17 percent of the total production of domestic and foreign enterprises.

Clearly, Japanese companies are faced with various challenges as they are setting up production in foreign countries because they have to operate in a different environment than at home. A question that arises in this connection is to what extent they are able to implement their famous system of organization and management at their foreign subsidiaries; after all, it is this system that underlies the outstanding achievements of Japanese industry in the postwar period.

Because the Japanese system of organization and management is an integral system whose elements are closely interconnected and carefully adjusted to each other, there is a risk it may be damaged or even destroyed under certain circumstances, particularly when it is transferred to a different business environment. Such, in fact, are some of the problems facing Japanese companies when, given the undoubted competitive advantages of this system, they attempt to apply it at their foreign affiliates.

Some of these problems obviously relate to the fact that in creating their system of organization and management, its architects relied on the socio-psychological characteristics of the Japanese people that have formed under the influence of national culture, such as groupism (group-oriented behavior), the

priority of collective values, striving for consensus and *wa* (harmony), the preference for long-term connections and relationships, as well as paternalism, national solidarity, egalitarian consciousness, etc. This is what provided the groundwork for a system that was not merely marked by high economic expediency, but also corresponded to the employees' notions of what a company should be and how it should be managed.

Some faults that occur in the Japanese system when it is applied in a different cultural environment are due to its national specificity. In our view, however, this factor should not be overestimated. After all, if one considers the basic elements of the organization of the production and work process in Japanese companies, one would see that their chief merits are rationality and expediency, and, therefore, their value transcends the Japanese national context.

A special Japanese Multinational Enterprise Study Group consisting of Japanese and foreign scholars and specialists was set up in the late 1980s to study the operation of the Japanese system of organization and management at foreign affiliates of Japanese companies, a matter not only of academic, but also of great practical importance. The group conducted a series of field studies in different countries and regions worldwide, and developed unified methods of estimating the extent to which the Japanese system was applicable at foreign affiliates. The results of this major work were described in several collective publications and individual monographs, which together present a fairly complete picture of this phenomenon as a whole and of its regional and country-specific characteristics.

Analysis of these studies showed that features related to local environments influenced the appearance of hybrid systems with different configurations in various countries and regions. Some elements of the Japanese system proved more acceptable to some countries, while other features were more welcome in others. The analysis indicated, however, that certain elements of the system — such as the activities of small groups — could not take root in any of the countries. At the same time, it appeared that certain elements can attain the same degree of applicability in different countries and in completely different situations.

In the years since the opening of their first overseas affiliates, Japanese managers gained valuable managerial experience of working in a foreign environment, which will certainly help over time to raise the efficiency of foreign companies. It is likewise obvious that this experience can come in handy back home — in light of the ongoing changes. In particular, the past few years saw an increasing number of young Japanese who are leaving their jobs in companies during the first three years of employment. There are signs of *kigyobanare*, or alienation of workers from companies' affairs due to greater diversification of people's needs and lifestyles. There are also indications of the growing proportion of the highly skilled personnel who often change jobs as they look for more interesting work or higher wages. Obviously, the experience gained by Japanese managers at foreign subsidiaries must suggest ways that,

in the given circumstances, may help preserve the core of the Japanese management system — the formation of multi-disciplinary training on the basis of long-term employment.

As **Tatyana Matrusova** and **Ksenia Kurochkina** put it, the employment situation is one of the most serious problems afflicting modern Japan during the crisis. The few recent years saw a growing replacement of permanent staff with temporary employees in many Japanese companies. Compared with 2000, the number of temporary personnel at enterprises employing over 30 people grew by 39 percent in 2011, while those permanently employed dropped by 4 percent. Statistics indicate that, at the beginning of 2011, one-third of Japan's labor force fell into the category of temporarily employed.

The highly specific dual labor market in Japan owes its characteristics to the fact that it has become a nearly institutional form in the postwar period. The institutional division of the labor market occurred as a result of a peculiar system of lifetime employment. The system is largely fueled by the peripheral market of temporary workers, who are deprived of many social safeties, including job security. Temporary employment is primarily the lot of women and college students. It was also largely responsible for nearly zero unemployment in Japan during almost the entire postwar period, and, at less than 1%, or around the level of statistical error, accounted for absence of any social upheavals to speak of.

Japan's increasing involvement since the mid-1980s in the process of globalization saw its entire production structure undergo more and more profound changes, as it was moving toward the so-called post-industrial society with its dropping demand for traditional industrial labor. It was also the time when dramatic polarization became evident in the structure of the country's employment and when unemployment became a problem, which claimed as its first victims people of the "problem" ages — young and older workers.

Large Japanese companies that had always oriented themselves to young people as their future permanent staff, began, during the current global financial crisis, to hire more actively temporary workers and employ fewer young people in permanent positions. The worsening situation with young labor became particularly noticeable in the 1990s. The number of "untypically employed" youth started growing since the mid-1990s. In 2007, according to the Ministry of Labor, there were 1,810,000 young people registered as the so-called "persons of free labor," or *furita* (from the English "freeter"), who, unable to find anything better, would regularly agree to work part-time. Youth unemployment has also been expanding, reaching almost 10 percent by 2009.

One of the most alarming trends in employment and youth employment, according to experts, is the increasing number of non-working young people who are not looking for work. Dubbed NEET ("Not in Education, Employment, Training"), these young people aged 15 to 34 years do not work, study, or attend training courses, are not married, do no domestic work, and are not looking for work. Between 1993 and 2007 alone, the number of NEET rose more than six times and reached 610,000 people.

One of the major causes underlying the appearance of the NEET social group and the “unusually employed” young people, in general, is the very structure of the Japanese labor market. In a crisis, companies reduce costs and hire fewer new employees, which reduces the chances of young people to find work. What makes the situation worse for young people is that the vast majority of them have little or no qualifications as they enter the labor market for the first time. The Japanese paradox here consists in that only after they get a job can young people hope to get some professional training. The main place where one can get a training today is large firms. The structural changes in the labor market that occurred as a result of technological progress and globalization, or changes in work ethic, compel the Japanese authorities today to take a different view on the policy of vocational training.

Many other problems manifest themselves more and more alongside increasing social and economic tensions. One of them is the problem of poverty. Thus, the period from the mid-1980s to mid-2010s saw increased stratification of Japanese society. With reference to relative poverty among the working population, Japan moved to one of the top places in the world. A key factor here is the stratification of the labor market and its increasing trend toward duality.

Narrowing the expanding gap between the two parts of labor market and eliminating the consequences of this dualism are, according to experts, the most important means to counter the trend towards increased inequality and greater poverty in Japanese society.

The second article by **Dmitry Streltsov** is dedicated to the problem of low-carbon society in Japan. The concept of low-carbon society stands for a new type of society, one with high environmental consciousness and aiming to phase out the use of fossil fuels. The concept is based on the realization that fossil fuels are exhaustible and their use is an important factor in global warming — one of the most serious threats facing humankind. Low-carbon society implies rejection of the consumerist approach to nature, active energy-saving measures, and a shift to alternative energy sources, which may reduce greenhouse gas emissions and thus diminish the greenhouse effect.

The problem of low-carbon society has gained particular urgency in Japan because of the implementation of the obligations it has accepted under the Kyoto Protocol.

The concept of low-carbon society implies a long-term national strategy to address three problems: 1) reducing the share of hydrocarbons in the country’s energy balance, 2) energy savings and priority development of “low-carbon technologies,” and 3) building a new society with high environmental consciousness.

Thus, the concept of low-carbon society was developed as an underlying theory justifying the theoretical possibility and necessity of a strategy aimed at combating global warming. The advancement of this strategy was intended to create an attractive image of the future social and economic system and thus give society new development guidelines while, at the same time, justify the

need for substantial financial and organizational outlays to be undertaken to achieve the designated goals.

Beginning from the early 2000s, Japan's Ministry of Environment started a major research project to identify the most significant characteristics of low-carbon society and to confirm them with relevant quantitative indicators. In 2004, a research group was set up to develop a methodology for assessing the medium- and long-term environmental policy of building low-carbon society in Japan.

Even the first interim report presented by the group, which appeared in February 2007, concluded that it was theoretically possible to reduce carbon dioxide emissions by 70 percent by the year 2050 in comparison with the 1990 levels; this can be achieved mainly by reducing energy demand by 40–45 percent. Mathematical modeling showed that energy demand in Japan can be reduced as a result of objective processes of population decline, and subjective factors; chief among the latter should be the government's active policy aimed at energy conservation and increased use of renewable energy sources.

In the industrial sector of economy, structural reforms and measures to improve energy efficiency may lead, as expected, to a 20–40 percent reduction in demand.

In the passenger transport sector, the effect of the measures being taken, including a more efficient use of territory, improvements in energy efficiency, and the non-use of hydrocarbon energy sources, can reduce demand by nearly 80 percent; a large, 60–70 percent, cut in demand can be achieved in cargo transportation, primarily due to more rational logistics and improved energy efficiency of the fleet, including reduced fuel consumption; an important result, up to 50 percent reduction in demand, may be obtained in the housing sector thanks to measures to stimulate renovation of existing buildings in accordance with modern requirements, the intensive use of modern insulating materials and technologies, and the proliferation of energy-efficient appliances and equipment.

The low-carbon society, as it is identified in the reports of the above-mentioned research group, is still a rather vague concept, however, based as it is on a set of assumptions and schematization in which the starting point is some ideal model of social development to be built by 2050.

One step towards the realization of the low-carbon society concept can be an ambitious initiative to reduce emissions by 25 percent by 2020 compared to 1990; the initiative was launched by the Japanese government after the Democratic Party had come to power. A broad discussion was commenced in the country regarding an unfair burden that Japan would be taking unilaterally if other countries refuse to make similar commitments. Given the low chance that these commitments would be implemented with the help of domestic sources alone, Japan expects to purchase emission quotas from other countries.

According to **Natalya Grigorieva**, the ever-growing number of elderly people is a characteristic feature of the current demographic situation in the

world. This prompted the international community to make considerable efforts to set up special programs to address the needs of this social group. One case in point is the Madrid International Plan of Action on Ageing, a decade since the adoption of which will be observed in 2012. Each country determines its own priorities in its implementation, but its Framework Plan is, in effect, universal. It identified three priority areas of fundamental importance: older persons and development; promoting better health and well-being in old age and ensuring that these people live in a healthy sustainable environment; and promoting their participation in society.

Japan is one of the countries that had begun to realize these measures long before the international community launched an action plan on aging. For more than one decade Japan has occupied the first position on life expectancy, which has increased since the 1950s by 30 years. Not only do the Japanese live long, but they also remain active after reaching the retirement age: 72 percent of the Japanese aged over 65 are still working (this category of older people makes only 17 percent among the French and the English). Thus, Japan holds the first place in the world according to this indicator.

Even today there are nearly 25 million “silver-haired workaholics” in Japan, whose number is expected to grow 1.5 times in another 20 years. One must be healthy to carry on, however, and, as regards health status, Japan is one of the most successful countries in the world, a country where the health of older people has been one of the main strategies of the national healthcare system for almost thirty years.

The law of health services for older people was put into effect in Japan in 1983. Since then, though repeatedly supplemented, it has remained unchanged in its essence — a comprehensive and integrated implementation of health measures ranging from prevention of diseases to a system of medical and social rehabilitation. Since the beginning of the 1990s, Japan’s priority were measures promoting social welfare and care services and improving care for patients at home.

The system providing health care and care for the elderly is a general national insurance fund, “Roken,” which is essentially a form of social solidarity of citizens. It offers medical services on the basis of specialized health programs whose main goal is to maintain the health of people of mature age and supervise prevention, early diagnosis, and prompt treatment of diseases related to unhealthy lifestyle, etc. In addition, these programs are geared to prevent older people from getting into conditions in which they may require long-term medical care, as well as to advance and promote their independence. Along with this, there is a list of medical services that are integral components of a number of systems of preventive care.

Changes in Japan’s health care system for seniors were of a progressive nature and relied on planning: from 1982 on, they were consistently included in the country’s special plans for care system reform.

The main objective posed in Japan’s Act on the structural health care reform of 2006 was how to reduce the portion of health costs that was covered

with budgetary allocations. Japan typically spends about 8 percent of its GDP on health care. This is the second lowest rate (after the UK) in the ranking of OECD member countries.

New issues on the agenda for future development of the Japanese health system include: a reform of the process of developing policies to protect public health (especially as regards the participation of patients) and a reform of the distribution of health care costs.

Japanese medicine today is among the most technologically advanced in the world. With great attention being paid to investment in fixed assets, Japan is not inferior to the United States in terms of availability of modern technology for the citizens. Japan set up a national electronic health record (EHR) much earlier than other countries. Much has been done to introduce health information systems in hospitals, even though some Japanese hospitals did not adopt electronic medical records (EMR). The government continues to move in this direction, however, by undertaking initiatives such as “New IT — a Strategy for Reform” as part of the Japanese strategy for 2015. It is emphasized that IT will be used primarily for early diagnosis and disease prevention. A TV-care program for home use has been going on for several years now, and the Japanese are planning to extend it everywhere in their healthcare sphere. Although healthcare costs keep rising, it is not as rapid in Japan as in other countries, and so far the Japanese have been able to keep it under control. If its structural health-care reforms are successful, the 21st century may well see Japan become the world center of high-quality health care and a haven for the elderly.

Organization of health care for older people is a promising direction in the development of healthcare in Russia, in terms of providing both health and social services. It follows the experience of Japan, which has been successfully implementing such programs for 30 years now, and can serve a worthy example for the Russian health care.

Vasily Molodyakov's article addresses the problems of contemporary Japanese youth. Today's students, schoolchildren, young “white” and “blue collar” workers will in time become ministers, heads of corporations, ambassadors, professors, and writers, and will determine the country's destiny. Among other things, people aged 15 to 30 years will have to shoulder the care of their steadily aging society. In this issue, the author focuses only on three aspects of life of Japanese youth, the three most important indicators of its value orientations: (1) education and careers, (2) sex, marriage and family, and (3) leisure and entertainment.

Education has always been one of the key social values in Japan. Existing laws provide for nine years of compulsory secondary education (children who are unable to attend regular school for health reasons are taught at home or in special schools), the lack of which is a social anomaly. Higher education has a direct impact on financial security in all spheres of activity. Different educational qualifications contribute to further social stratification, therefore, competition in the most famous universities is very high — this despite the down-

ward trend in the total number of applicants due to demographic reasons and a chronic “shortage” of students at the less prestigious universities in recent years. Thus, the social value of education is more important for the Japanese than its professional value.

The positive sequence of school–university–career is upset by people belonging to the categories *furita* (from the English “freeter”) and NIIT (from the English acronym NEET: “not in education, employment or training”). *Furita* refers to free-lancers who earn their upkeep but do not have a permanent job. The NIIT people never work or study and are not going to do it. Not all *furita* and NIITs belong to the “golden youth” or are convinced parasites; some of them have not yet found a job to their taste or have not yet decided what they want to do, while others earn enough money for doing things they like, but these jobs have not become their major source of income (for example, rock music, or drawing manga). Their characteristic is absence of career ambitions in the conventional sense, which often means the lack of any ambitions whatsoever.

A nation’s biological, physical and mental health is essential to its economic and social prosperity. Though Japan consistently ranks among the first nations in the world in terms of life expectancy and one of the last as regards infant mortality, its birth rate shows a consistent downward trend. There are fewer marriages, the age of the first marriage and divorce rates are on the rise, and polls indicate the Japanese are losing interest in sex. Psychologists and sexologists see this as another sign of prolonged infantilism, which is not affected by sexually-oriented advertising or a current flood of TV series “about love.”

The Japanese notions about sex, marriage, and family may seem contradictory. Traditionally, Japanese society has been and largely remains morally-oriented and inclined to condemn those who depart from the canons of sexual or family-marriage behavior. In reality, however, it has always been marked by moral relativism and the emphasis on the need to strengthen family and maintain its traditional structure went side by side with the recognition of the right (albeit only for men) not only to sexual relations before marriage, but also to relative freedom after marriage, while divorce was for a long time regarded as amoral and antisocial.

Japanese youth loves and knows how to relax and have fun, although the current forms of preferred entertainment differ markedly from those popular with older generations. Youth subculture in Japan is not unique or highly diverse and original. Yet it gained world renown, having received much publicity at the state level and on a global scale. Youth subculture is defined as “a set of values, traditions, customs characterizing young people for whom leisure and recreation have replaced work as the most important needs.” The above refers to only about 30 percent of the younger generation in the developed countries; yet it is the “subculture youth” that often sets the tone and fashions for the majority of their peers, thereby affecting the state of society in general. Departure for the virtual world, which is characteristic for a large part of Japa-

nese youth, causes concern of psychologists and sociologists, who fear their return to reality may prove disastrous.

Such are the most pressing problems faced by “the confused generation,” which is sometimes not aware of their importance and even danger. The prolonged infantilism of the Japanese is attributed to the fact that the national “childhood period” has become longer with the extension of the life cycle to eighty years.

In her article, **Irina Tikhotskaya** reviews the problems of the so-called “quiet revolutions” in Japan.

Japan is not just a country of ancient traditions, but one where deep-rooted traditions actually pervade people’s everyday lives and are venerated by them; a country where evolutionary development has been preferred throughout history. Inquisitive and pragmatic, the Japanese are known worldwide as great imitators with a flair for all things new and promising, a people who can bring everything to perfection. Always and in all their undertakings, they would first study and analyze the matter at hand as thoroughly as they know how, and only then transform an alien idea into a product that the entire world will perceive as a novelty and absolutely Japanese at that. The word *kakumei*, or “revolution” is used in Japan solely in reference to events abroad, never to denote any change in their own country, radical as it might be. In a vivid example, the revolutionary events of the Meiji era are known as *Meiji kakushin* (“reform” or “update”).

Things started changing in the 20th century: first, in the 1960s and 70s, when the phrase *kagaku giziutsu kakumei* (or STR) came into use and Japan, a defeated, war-torn country, began to contribute more and more to STR accomplishments until it eventually emerged as one of the world’s economic leaders. These developments brought about radical changes in Japanese society, significantly increasing people’s living standards as well as the shape of communities and lifestyles of their inhabitants. As a result, fractures began to manifest themselves in the current men-centric society as a growing number of women refused to be limited to care about family and home, and sought to express and assert themselves. Another characteristic was the disintegration of the pattern of women’s behavior that had formed in the postwar period of rapid economic growth — when women were leaving work after marriage and childbirth, becoming *sengyo shufu* (“professional housewives”). This development stemmed from the changed social structure of Japanese society as a result of the radical economic restructuring, which, with the majority of those employed becoming hired workers, no longer compelled wives to remain involved in family businesses. The entire Japanese system of employment became largely re-oriented toward men, while women, in contrast to former times, engaged exclusively in home-making and children-raising.

Employment opportunities for women began to increase dramatically alongside the gradual expansion of services, wider application of information technologies in the economy, and the appearance of more part-time jobs. The emergence of women on the scene, their changing roles, and active behavior

affected the process of changes in Japanese society so much that, at the turn of the 1990s the well-known Japanese sociologist Iwao Sumiko called the process a “quiet revolution.”

Likewise, perfectly matching the designation of a “quiet revolution” were changes that became apparent after Japanese society had experienced the prolonged depression of the 1990s. The Japanese youth, very passive in social and political terms at the end of the 20th century, would now prefer to “live to work” rather than “work to live,” as was typical of their fathers (especially true as regards males); far more than previously they value leisure, material wealth, and independence, as well as situations where one need not be concerned about anyone else. Dubbed “the lost generation,” the Japanese youth today is more prone to individualism and gratification of their aspirations and interests, and are less likely to sacrifice personal interests for the sake of the collective. Young men pay much more attention to their looks, dyeing hair, using makeup, and choosing clothes that are either more stylish, or, conversely, more catchy and deliberately more casual — all for the purpose of enhancing their visibility; furthermore, they watch their weight more than the girls do. Many socially unacceptable, deviant modes of behavior that evoke concern in society are signs of protest against the life of their fathers and of frustration that their adulthood occurred after the collapse of the bubble economy, and, hence, they were left face to face with its negative consequences (primarily unemployment and the absence of former stability, which deprives them of hope) and not having been able to enjoy the excitement that prevailed during the “bubble” years. The passivity of young men is also, apparently, a response to the increasingly self-confident behavior of women. Thus, Japanese society has developed designations “carnivores” for young women and “herbivores” for young men.

The end of the first decade of the new century witnessed something that might be called a “quiet revolution” in politics — the electoral defeat of the Liberal Democratic Party of Japan, a party that remained dominant throughout most of the postwar years. The victory of the young Democratic Party of Japan in the 2009 election was largely due to the fact that many people (by their own admission in interviews with this author) voted for it out of curiosity: the prolonged depression of the 1990s and the conservation of outstanding economic and social problems cast doubt upon the LDP’s ability to change the situation.

Concluding her analysis, I. Tikhotskaya notes that the changing role of women in Japanese society, the deviant modes of behavior of young people, and the new developments in Japan’s political life all point to Japan’s inherent flexibility and adaptability to changing internal and external conditions. Moreover, in contrast to what was once “instilled in the Japanese from the top” (like the notion that it is “indecent to go around naked or in inappropriate clothes”), equal social rights for men and women, solution of young people’s problems, assistance to families with children, and even changes in political life, now follow changes in society. Hence, the term “quiet revolution” seems a most appropri-

ate metaphor for the essence of the changes in present-day Japanese society, whose paradigm is increasingly determined by women, its most active group.

With the ethnic Japanese making up to 99 percent of its population, Japan, according to **Seda Markaryan**, is perhaps one of the few mono-ethnic countries in existence; it is the only such country in the developed world. Despite extensive borrowings from foreign cultures and adapting them to their civilization, historically, the Japanese have had little contact with their agents. Few foreigners ever came and stayed there, and for centuries, Japan remained a “closed country” in the literal and figurative sense. It was only in the wake of the Meiji Restoration that specialists from Western countries and foreign workers started coming there to help the Japanese master Western technological innovations.

Japan’s emergence as a leading regional and, subsequently, world power, the development of transnational corporations, the growing number of mergers of Japanese and foreign firms coupled with the plight of workers in developing countries caused a major influx of foreigners, with which Japan already had to reckon. Moreover, its desire to take a leading position in Asian economies compelled Japan to position itself as an active member of the club of developed countries. Yet another strong inducement to receive foreign workers were changes in the country’s demographic situation.

In effect, it was the demographic shifts that proved the primary motivation behind gradual changes in the immigration policy of the Japanese leadership. What characterizes the country’s current demographic situation is its transition to lower fertility levels and higher life expectancy, dramatic changes in age structure of the population, and, above all, the diminishing numbers of the young and the growing number of the elderly, i.e., a general tendency towards an absolute decrease in the population (which was first noted in 2005).

This demographic situation is fraught with serious problems for society in general and for its economic development, in particular. Especially important is the trend toward the decline in the working-age population. Not only will this directly impact GDP, but it will also generate an increase in the amount of social benefits and, accordingly, increase the burden on the group which is to provide social protection for the growing number of retirees.

Until recently, the question of labor was not high on the agenda. Even during the period of high growth rates, the demand was met in sufficient quantities thanks to the influx of people from the countryside and a large number of working hours (including overtime). By now, however, this source has been essentially exhausted. A certain remaining reserve of labor is presented by women, who are gradually becoming more involved in working activities, and by the elderly, many of whom wish to work and have no health-based restrictions on doing so even after retirement age. Moreover, the introduction of innovations will help alleviate labor shortages as it did earlier. Still, Japan is unlikely to manage without immigrants. In fact, the new Japanese strategy of economic growth (2006) called immigration a basis for sustained development in the face of population decline.

The government policy toward foreign nationals is defined by the Immigration Control and Refugee Recognition Act (it was adopted in 1951, but in 1982 it was renamed when Japan joined the UN Convention on the Status of Refugees). Since the early 1980s to the present time, the law was changed repeatedly — in response to the sharp increase of immigrants: restrictions on obtaining work were relaxed; foreigners were permitted to stay longer and their status was redefined; obtaining permission to enter the country became easier; conditions for legal residents were improved and, conversely, harsher terms were introduced for those with expired visas.

With fewer than two percent registered foreign residents in Japan in 2008, their total number is rather small, especially compared to the situation in other developed countries. Even so — and before their number would rise, as is expected, by several times — foreigners pose a number of serious problems to the country's leadership. Whereas business and those who realistically assess the demographic shifts in the country, are well-disposed toward the growing numbers of foreign labor (primarily, the skilled workers), the attitude of the vast majority of the population toward immigrants is negative; people do not accept foreign subculture and associate foreigners with growing crime.

The government, local authorities, and a number of NGOs have taken steps to smooth the emerging conflicts and create normal conditions for work and residence of foreign workers, but so far the number of the Japanese who believe that immigrants are not needed to "maintain the economic viability," continues to grow. Hence, the country is in a dire need of developing strategic guidelines on the immigration issues.

According to **Elgena Molodyakova**, the 1990s witnessed a consolidation in the life of Japanese society of the concept of *machizukuri* (literally, 'city construction' or 'urban development'), which covers both physical space and local communities. *Machi* stands both for a small territorial unit, the physical space, and a social system, such as a district or neighborhood. *Zukuri* implies meaningful actions by groups of people on a particular territory, and they are not an ad hoc action, but an ongoing process; in other words, we are talking about activities of a local community.

Local communities in present-day Japan are breeding grounds for various movements with which people seek to improve the quality of their environment and manage this process. One example is *machizukuri*, which first came into being as a protest against the state system of urban planning; today, *machizukuri* encompasses nearly all local communal processes and is an important element of local politics and urban governance. In practical terms, this is an indication of a changing correlation between central and local authorities in the management of a given locale. The *machizukuri* process is a trend in people's participation in managing the process of changing the urban environment.

There are many *machizukuri* processes going on across the country; this is a reflection of the people's desire to participate in the life of their local communities and ensure favorable conditions for themselves. Over the decades,

the concept of *machizukuri* kept acquiring new content generated by many changes in the life of Japanese society. By 2010, it had acquired a broad range of meanings mirroring the diversity of real life. Indeed, the concept is directly related to the three most important and topical problems, important not only for Japan but for all the countries. The first problem concerns creation of more live-able urban habitats which could maintain their live-ability; the second one concerns issues of local governance, the changing correlation between central government and local authorities, and between State and citizens; and the third one is related to the changing role of civil society in local governance.

One can distinguish three phases of *machizukuri*: The first is associated with its emergence as a form of protest against the traditional manner of planning from the top that came into being in the 1960-1970s. It was a time of broad civil movements, mainly environmental, and *machizukuri* largely accepted this legacy of struggle.

The second phase, the 1980s, saw the establishment of the *machizukuri* movement as an alternative to the old urban development system. Different kinds of constructive partnership in planning between the administration and citizens began to appear at the local level. In fact the very concept of *machizukuri* implies creativity of local residents who wish to refurbish their habitat.

Beginning in the 1990s and in the context of the administrative reform, *machizukuri* becomes more prominent in local governance. Public opinion reflects the wish of residents to create favorable conditions for developing local initiatives. Yet despite legislative progress, the participation of local residents continued to be nominal: the authorities would merely share information with them.

Citizen participation in any project calls for certain local government bodies to take certain actions. First, they have to provide sufficient information about projects of urban planning and about general activities of the local administration. Second, local government employees should know the views of their residents, while the latter, in turn, should be able to make their views known — through surveys, public hearings, etc. Such actions stimulate citizens' activity. The central question for *machizukuri* is to obtain the right to vote in the management of a particular habitat.

The *machizukuri* movement is spreading to various spheres of life and may help in solving important social and economic problems. For example, in solving the problems of homelessness and poverty, youth problems and children's rights, in issues of linkage between economies of local communities with rural producers, even though many of these producers retain control of processing and marketing, in creating platforms for communication with urban localities, in promoting volunteer activities, etc.

Changing the role of civil society in local governance is central to political reforms in Japan. Serious attention is being paid in this process to creating new management practices and establishing priorities at the level of local urban communities by means of the *machizukuri* movement.

To date, however, there is still much uncertainty regarding *machizukuri*. For example, the extent to which this process contributes to the growth and development of civil society; do civil society actors have a real voice in management or do they only get powers that are of no interest to the State, whether their rights are formalized or they get to use them in the process of management. The central question for *machizukuri* is to obtain the right to vote in the management of living space, therefore interaction with the existing administrative system for urban planning and urban development will inevitably arise.

The study of *machizukuri* helps to understand the extent to which the activists get the voting right in local government, how new priorities get approved, and whether the policy of decentralization of the 1990s influenced expansion of space for new political approaches by local authorities and citizens' groups, or whether it is still dominated by control from above. The *machizukuri* phenomenon helps to understand political changes in Japan. It is not accidental that the Democrats' government pays close attention to this phenomenon.

Elena Katasonova considers the problem of cyber-culture in the Japanese society. Cyber-culture, a new civilizational phenomenon that came into our lives in about twenty or so recent years, emerged as a global phenomenon thanks to the Internet. Hence, the history of its development is closely related to the evolutionary stages of the new global network; this is quite true in Japan. Paradoxically, the emergence and flourishing of a new Japanese digital culture occurred in the 1990s, which won the grim designation of the "lost decade," an outcome of prolonged economic depression that swept the country.

It was a time when personal computers and the Internet began spreading throughout the country, which immediately and dramatically changed the lives of the Japanese. They say that the Internet was a "sign of victory of the forces of decentralization, individualism, and a separate community over centralization, the market, and the State". True as this seems to be, it was the Internet, on the other hand, that turned the world into one globally integrated unit by tightly girding it with a huge world-wide web, and allowing each member of this new community to freely express him or herself and find like-minded associates.

New technologies reduced the distance between people: e-mail made it possible to communicate with the entire world, exchanging scientific and cultural information, discussing common problems, even joint artistic projects, creating one's own sites and thus opening still newer, unlimited possibilities for presenting one's own artistic achievements, etc.

The ongoing boom of Japanese popular culture among the young people overseas is clearly reflected in the number of corresponding sites in the Google search engine in English. For example, on June 27, 2007, the number of web-sites related to manga was 132,170 thousand, to karaoke, 86,930 thousand, and to anime, 25,480 thousand, etc.

A new and profoundly important step in the development of the Internet in Japan is associated with transition to mobile communications. The number of

mobile Internet users exceeds 90 million. Mobile phones are an indispensable part of today's urban life in Japan, while the young people simply cannot imagine themselves without this modern invention, whose services include the everyday working, social, and private contacts, and all kinds of entertainment in time of leisure.

Mobile phones have clearly divided Japanese society into the younger generation of mobile Internet users and the older age group. Young Japanese have been creating a new lifestyle and, in fact, a whole new subculture based on mobile communication, a subculture that uses the great potential of new technology to articulate their individuality.

There is more to a mobile phone in Japan, however; it is an object of design quest for most of its owners. The main criterion which guides mobile phone owners is to make this object of their amateur creativity fit in with the concept of *kawaii*, or 'cute' in English, the main aesthetic category in present-day Japanese youth culture. In observing ways the recent technological advances are being absorbed by Japanese youth culture, foreign researchers proposed a new concept, "techno-cute," a combination of two essentially contrasting aesthetics - cold machine intelligence and warm human perception. Mobile phones have affected virtually all aspects of Japanese culture and actually created new genres, such as a mobile novel, a mobile movie, etc. In a short time, progress was made from primitive single-tone ring tones and simple monochrome screen images, logos, and screensavers to polyphonic ring-tones and full audio mp3 files, Java-color pictures, color photos and videos and, finally, to television videos of broadcast programs, etc. To sum up, dramatic changes in the world around us have induced culture to fit in new conditions. Whether we like it or not, the course of events is not to be reversed. Cyberculture, including its mobile segment, has emerged as a fully established new reality of our times, one of the main vectors of modern civilization.

Yevgeny Gontmakher devoted his paper to the problem of population aging in Russia. Population aging is a global problem. This is true, above all, of the most developed countries, including Japan, where it is one of the strongest challenges to the economy and social sphere, and even political life. No wonder Japan constantly looks for answers to this challenge. The problem of population aging is becoming more acute in Russia, too, and the Japanese experience of dealing with it can be extremely useful. A broad exchange of views between the authorities and experts on both sides can be most welcome in this field. To give a start to such exchange the author offers his analysis of the aging population in Russia.

According to international standards, a country's population is considered old if the proportion of people aged 65 years or more in the total population is in exceeds seven percent. In early 2010, nearly one in eight Russians, i.e. 12.9 percent of the population, was 65 years old or older, says the Federal State Statistics Service. In the future, the number of aging Russians will become even greater.

The following are the main challenges to global economic, social and political institutions related to aging, which are relevant to Russia:

- The deterioration of the correlation between the number of workers and unemployed people, which leads to higher taxes;
- Increases in outlays on old-age pensions, health and social services, which requires adequate sources of additional funding (see previous item);
- Changes in favor of the elderly in the structure of the electorate, which makes this segment of society a powerful political force.

In Russia, the retirement age established in the middle of the 20th century, is 55 years for women and 60 men. Moreover, large groups of employees are entitled to early retirement (those who were employed in hazardous working conditions, in the Far North and similar areas). In addition, last year 3.9 million Russians received disability pensions and 1.7 million were recipients of the survivor's pension. At the same time, decline of the number of working-age people has been a long-term trend in Russia since 2010.

An obvious way out of this situation would be to raise the retirement age, as is the case in the majority of developed countries. Serious obstacles block this course of action, however.

First is the current institution of disability benefits, which makes it very easy to obtain the appropriate status accompanied by a pension and a range of social benefits.

Second is the situation on the labor market, where many workers over 50 years of age are no longer competitive and occupy low-paid jobs.

What would be ways to lead out of the situation?

First of all, one should note that all such measures can only produce a significant effect in the medium term.

The first question for discussion here is what role international migration may have to improve the ratio of employees and non-working members of society. In the 1990s-2000s, increasing migration greatly alleviated the natural decline in the Russian population. In 2009, the population increased by 10.5 thousand, or 0.01 percent, the first such rise since 1994. We believe that the trend to make Russia a more attractive place for migrants should be encouraged by sound public policy.

The second important factor that requires consideration relates to the structure of the Russian economy and productivity levels. If there are not enough people working, is it possible to make up for the shortage with increased productivity of the available workforce?

If productivity in Russia were at least twice higher than it is, it would be possible to move a significant portion of those employed in industry, agriculture, transport, and construction, to high-paying jobs in the service economy. In order to achieve such an economic breakthrough requires implementation of systematic measures, which feature in the agenda of modernization of the country's life as a whole.

An important factor with regard to the aging population is health care outlays and pensions.

Russia spends much less on health than other countries of the Big Eight. An economic modernization based on rapid growth of productivity should lead, among other things, to a considerable increase in medical spending. To achieve progress in this sphere, the Russian health care system has to be reformed in line with a model capable of meeting today's challenges.

The country's current pension system, which is based on two powerful subsystems (the basic one and the one based on insurance), still relies on the principle of solidarity between generations, which has proved unable to weaken the powerful effects of the inevitable long-term demographic factor of aging.

In effect, this puts on the agenda a new stage of reforming the pension system. The new system should be transformed from an instrument of reducing poverty to a system based on insurance and savings.

The aging population creates serious challenges to the political system. Not only are there more and more elderly people among the electorate, but their influence at election times is actually greater because older people are most active in terms of voter turnout.

Moreover, it is not so much the issue of numbers alone, but of political preferences of the elderly population. With reference to Russia, most common in this electoral segment is sympathy for parties with either national-conservative platforms or those representing the powers-that-be.

These factors seriously complicate efforts to build a broad social coalition for reforms, and it is true not only in Russia, but also in any of the other G8 countries. The political class will need to reconsider many apparently obvious circumstances in order to respond adequately to this challenge.

For example, older people should be more actively involved not only as voters, but also as deputies of the legislative bodies of all levels. It is essential to initiate a computer literacy campaign for the elderly: to provide them with cheap computers, to train them to work, and to offer them subsidized access to the Internet. But most important is to develop and implement policies to improve the situation with pensions and health and social services, so that the elderly will be able to see for themselves that the country wants them to support much-needed modernization of Russia.

Е.Л. Леонтьева

**ЯПОНИЯ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОСЛЕ УДАРА СТИХИИ**

К началу 2011 г. экономика Японии практически оправилась от последствий мирового финансового кризиса. ВВП достиг предкризисного уровня, а объем промышленного производства не добрал до него 11 процентных пунктов, хотя и вырос за год на 16% (после падения в 2009 г. на 22%). Товарный экспорт восстановился на 80% благодаря высокой конъюнктуре в Китае, Южной Корее и других развивающихся странах Восточной Азии.

В последнем квартале 2010 г. начал увеличиваться объем частных инвестиций в основной капитал, а по прогнозам экспертов в 2010–2011 фин. гг. рост ВВП ожидался на уровне 3%, инвестиций в основной капитал — на 5,4, потребительских расходов населения — на 1,3 и экспорта — на 17,8%¹. Но этот благополучный прогноз рухнул 11 марта, когда северо-восточное побережье острова Хонсю было разрушено катастрофическим землетрясением магнитудой в 9 баллов и накрыто волнами цунами.

От стихии больше всего пострадали три префектуры района Тохоку — Иватэ, Мияги и Фукусима. Частичные разрушения произошли в префектурах Аомори, Акита и Ямагата (север и северо-запад Хонсю), Ниигата (побережье Японского моря), Ибараки, Тотиги, Гумма, Сайтама, Тиба (префектуры севернее Токио), а также Канагава и Сидзуока (побережье Тихого океана юго-западнее Токио). Волны цунами местами достигали 38 м в высоту и проходили до 10 км в глубину территории.

**География пострадавшего района
и характер ущерба**

Землетрясение и цунами выключили из хозяйственного оборота сравнительно небольшой и не самый густонаселенный район. Зона, пострадавшая от ударов стихии, производит всего 2,5% валового внутреннего продукта Японии². Побережье префектур Иватэ и Фукусима представляет собой узкую полосу, шириной от 10 до 50 км, упирающуюся в горы. Прибрежная часть префектуры Мияги — неширокая равнина.

© Леонтьева Е.Л., 2012

Деревни и поселки на береговой линии были буквально сметены с лица земли. Разрушены и повреждены 475 тыс. жилых домов, 18 тыс. школ, больницы и административные здания³. Повреждены железнодорожная магистраль и скоростное шоссе, соединяющие Токио с г. Аомори на севере Хонсю. Разрушены взлетно-посадочные полосы аэропорта города Сэндай. Пострадали местные автомобильные дороги и коротковолновые радиостанции, линии фиксированной и базовые станции сотовой связи, водопровод, сеть бензоколонок, торговые предприятия и склады. Все 600 км берега были завалены неопишимым количеством мусора.

Но экономика этих мест имела развитую многоотраслевую структуру. Здесь был район интенсивного сельского хозяйства, снабжавшего рисом и овощами не только местные города (Сэндай, Мориока, Фукусима), но также 32-миллионную городскую агломерацию равнины Канто (Токио, Иокогама, Ёкосука, Кавасаки, Урава, Тиба). Поливные рисовые поля и оросительные каналы в береговой полосе оказались покрытыми соленой водой и илом, часть земельных участков стала непригодной для обработки. Здесь была важнейшая в Японии зона прибрежного рыболовства. Волны цунами полностью разрушили береговые ограждения и волнорезы, 319 рыбных портов и оптовые рыбные рынки, утопили и разбили 21 700 рыболовных судов⁴. Из-за повреждения причалов и пожаров остановились четыре нефтеперегонных завода и несколько терминалов по приему импортного сжиженного газа. Нанесен ущерб индустрии туризма, хорошо развитой в этом районе.

При землетрясении атомные блоки пяти АЭС на побережье («Токай», «Хигаси-Дори», «Онагава», «Фукусима-1» и «Фукусима-2») автоматически отключились от внешней сети энергоснабжения и запасные дизельные генераторы привели в действие насосы водяного охлаждения топливных сборок. Но на станции «Фукусима-1», принадлежащей компании «Токуо Electric Power Co» (TEPCO), примерно через час после толчка 14-метровые волны цунами перехлестнули через защитную стену и залили дизельные генераторы и насосы, выведя из строя циркуляцию воды в корпусах реакторов⁵. В трех реакторах этой станции расплавились топливные стержни, угрожая разрушением корпусов. Почва в радиусе 30–50 км вокруг станции была заражена радиоактивными выбросами, радиоактивная вода попала в океан. Из 30-километровой зоны вокруг станции было срочно эвакуировано 140 тыс. жителей.

Авария на АЭС «Фукусима-1» дестабилизировала подачу электроэнергии на густонаселенную территорию района Канто — мегаполис Токио и префектуры вокруг Токио. Из-за перебоев в работе транспорта и подаче электроэнергии и нехватки бензина остановились бумагоделательные, стекольные и цементные заводы.

В мае 2011 г. правительство распорядилось полностью закрыть атомную электростанцию в Хамаока к юго-западу от Токио, снабжающую район Кинки в центре Хонсю (префектуры Сидзуока, Айти, город Нагоя). Сейсмологи считают, что прямо под АЭС в Хамаока будет находиться

эпицентр следующего землетрясения, вероятность которого в ближайшие 30 лет оценивается в 87%.

Атомная энергетика до 11 марта 2011 г. покрывала около 30% потребности Японии в электроэнергии. Перебрасывать электроэнергию в район дефицита трудно, так как региональные сети не замкнуты в единое кольцо и работают на разных частотах: северная и восточная — на частоте в 50 Гц, а остальные — на частоте в 60 Гц. Между ними есть станции преобразования частот, но их мощность невелика.

Международный резонанс этой катастрофы был огромен. В отличие от СССР, окружившего чернобыльскую катастрофу, случившуюся четверть века назад, завесой секретности, правительство Японии открыло миру информацию о стихийном бедствии. Масштабы радиоактивного заражения атмосферы, воды и почвы в Тохоку были намного меньше, чем в Чернобыле. Вопрос в том, какие механизмы распространили последствия разрушений далеко за пределы Японии? Это не вода и не ветер — это глобальные технологические связи.

Мировое машиностроение работает на плотно сплетенных сетях снабжения, соединяющих все стадии обработки, сборки и продаж. Массовое производство среднего уровня довольно легко построить за границей, что и сделали японские корпорации, перенеся сборочные заводы ближе к зарубежным потребителям. Небольшой регион северо-востока Японии включен в эти трансграничные цепочки, растянувшиеся от Китая до Южной Америки, от Соединенных Штатов до Европы.

В Тохоку расположены небольшие предприятия, выпускающие по заказам автомобильных компаний “Toyota”, “Suzuki”, “Honda”, “Mazda”, “Nissan” и “Mitsubishi” материалы, детали и компоненты, пигменты для красок, присадки для резины и прочую недорогую, низкотехнологичную, но незаменимую продукцию для множества моделей и модификаций машин. Остановка поставок этой продукции застопорила движение сборочных конвейеров на головных предприятиях. В марте–апреле легковых автомобилей было произведено на 59% меньше, чем год назад. За границей продается около 30% машин, изготовленных на заводах внутри страны. Экспорт автомобилей в марте–апреле упал на 47%, а экспорт электронных компонентов сократился на 18,5% по сравнению с тем же периодом 2010 г.

Комплектуемые выпускаются и за границей, однако их «локализация» не является полной. По имеющимся оценкам, около 20% узлов и деталей поставляется из Японии, где легче гарантировать точность обработки и сборки. В префектурах Мияги, Иватэ и Фукусима выпускается электронное оборудование и точные приборы на сумму в 3,2 трлн. иен (примерно 42 млрд. долл.) в год, и 92% этой продукции вывозится за пределы данного региона. Это крупная статья внешней торговли: на одни только детали и узлы для автомобилей и компоненты для электронного оборудования приходится более 10% японского экспорта⁶.

Производство автомобилей по принципу just-in-time, разработанному компанией “Toyota” еще в 1970-х годах, организовано на основе поста-

вок без складирования и отличается жесткостью: сборщики держат минимальные запасы узлов и деталей. Этот принцип организации производства, как самый экономичный, принят во всех отраслях массового машиностроения многих стран мира. Катастрофа в Тохоку показала, что в глобальной экономике принцип работы «с колес» весьма уязвим как для поставщиков, так и для сборщиков. Чтобы не потерять место на рынке, японские компании стали спешно искать и создавать поставщиков для себя в Бразилии, Испании, России, Таиланде, Индии.

Аналогичный удар испытали высокотехнологичные производства, по которым Япония лидирует в мире⁷. Японские ТНК должны отвоевать свои позиции на глобальных рынках и вернуть доверие к качеству своих товаров — свой brand image. Возникли новые трудности в конкуренции с Китаем за лидерство в Тихоокеанской Азии.

Стихийное бедствие нанесло тяжелый удар по ресурсам страховых компаний, не только местных, но и международных: крупные заводы и грузы у океанских перевозчиков, застрахованные в стране, перестрахованы за рубежом у глобальных страховых компаний — такова мировая практика.

Сокращение поставок автомобилей и электронных компонентов было главной причиной падения стоимости товарного экспорта (на 12,4% в апреле и на 10,3% в мае). Импорт увеличился соответственно на 12,3 и 8,9% под влиянием роста мировых цен на нефть и цветные металлы, а также в силу того, что компании стран Юго-Восточной Азии организовали срочные поставки продовольствия и строительных материалов в пострадавшие районы Японии.

В результате в апреле–июне 2011 г. торговый баланс страны сводился с большим дефицитом. Несмотря на торговый дефицит, курс иены к доллару США подскочил до небывалой высоты в 76 иен за доллар (в конце 2010 г. — 82 иены). Спекулянты на мировом валютном рынке ожидали, что страховые компании начнут массовые платежи своим клиентам для покрытия ущерба, и стали скупать иены, действуя «на опережение». 18 марта скоординированная интервенция центральных банков «Большой семерки» вернула курс на более или менее стабильный уровень 79–82 иены за доллар. Но ситуация на валютном рынке осталась неблагоприятной для страны: в июле–августе курс иены вернулся на уровень 76–77 иен за доллар, так как японская валюта стала «прибежищем» для валютных спекулянтов, уходящих от доллара и евро, которые слабеют из-за долгового кризиса в США и странах Евросоюза. Вторая интервенция была проведена Банком Японии 4 августа.

Оценка ущерба и задачи восстановления

Первую, предварительную оценку ущерба дал Всемирный банк 21 марта. Эксперты банка взяли за точку отсчета затраты на восстановление после землетрясения магнитудой в 6,9 балла, случившегося

в 1996 г. в г. Кобэ. Они оценили прямой ущерб в широкой «вилке» от 120 млрд. до 235 млрд. долл., или от 2 до 4% ВВП Японии⁸.

Первая оценка прямого ущерба, сделанная экономистами правительства Японии, уложилась в эту «вилку». Так был оценен ущерб, нанесенный дорогам, портам, жилищному фонду, нежилым зданиям и крестьянским хозяйствам на побережье Тихого океана от префектуры Аомори до префектуры Тиба. В оценку был включен ущерб, причиненный АЭС «Фукусима-1», но не вошли расходы, которые трудно было оценить заранее: на расчистку и обеззараживание территории, на расселение людей и возможное перепрофилирование экономики на опустошенной земле.

Более полная оценка прямых потерь была рассчитана правительством в июне 2011 г. как сумма затрат на восстановление в зоне побережья Тихого океана от г. Аомори до г. Тиба плюс префектуры Тотиги и Нагано внутри Хонсю и Ниигата на побережье Японского моря. Ущерб дорогам, жилым домам и фермам составил 16,9 трлн. иен. На восстановление нежилых зданий, складов, фабрик и заводов потребуется 10,4 трлн. иен. Атомные электростанции, жизненно важные коммуникации (водо- и газопроводы) понесли ущерб в 1,3 трлн. иен, аэропорт Сэндай, береговые укрепления и дамбы — 2,2 трлн. иен. На сельскохозяйственные земли, леса и рыболовные хозяйства пришлось 1,9 трлн. иен, на прочие объекты — еще 1,1 трлн. Суммарная величина составила 33,8 трлн. иен, или более 430 млрд. долл. Это 7,05% годового ВВП Японии (479,1 трлн. иен в 2010 г.)⁹.

По мере восстановления базовых функций экономики в районе Тохоку предстоит решать сложный набор задач. Первоочередными задачами считаются восстановление инфраструктуры транспорта и связи в пострадавших районах и возобновление поставок товаров и электроэнергии. Крупные компании уже не первый год выводят свои производственные мощности за границу. Перебои в снабжении и дефицит электроэнергии только ускоряют это бегство.

Оценив риски промедления, правительство сразу начало организацию восстановительных работ. Уже 11 марта был создан оперативный штаб под началом премьер-министра. Штаб взял на себя оценку ситуации на аварийной АЭС, подготовку законопроектов о порядке покрытия ущерба населению и компаниям и выплате 200 млрд. иен (2,44 млрд. долл.) из бюджетного резерва на первоочередные расходы. В конце июня было учреждено Агентство по делам восстановления.

Агентство определило главные принципы действий правительства:

1. Правительство должно поставить под контроль аварийные реакторы и исходить из того, что аналогичная катастрофа может повториться в любой момент.

2. Правительство отвечает за финансирование восстановления экономики пострадавшего района. Для этого необходимо выпустить облигации целевого займа на определенный срок и выкупать их, повысив основные налоги. На время восстановления придется урезать расточи-

тельные бюджетные расходы и создать специальные зоны с облегченным режимом налогообложения.

3. В зоне бедствия предстоит решать, что восстанавливать, что переносить, что строить заново. Нельзя восстановить все, как было. Предлагается построить волноломы вдоль всего побережья, проложить основные дороги дальше от берега, поднять центральные районы городов и поселков выше на горные склоны, оставив на побережье только рыболовные порты и курорты. Другой вариант — поднять фундаменты зданий на несколько метров над землей. Это трудные в исполнении и дорогие проекты, так как многие городки затоплены, грунт «плышет», и всему предгорью в префектурах Аомори, Иватэ, и Фукусима угрожают оползни. Строить должны будут государственно-частные партнерства. На полное переустройство северо-востока Японии уйдет не меньше 10 лет.

Очистка земли, восстановление водоснабжения и канализации, автомобильных дорог, связи, налаживание поставок топлива — все это отнесено к компетенции префектур и частных компаний. На полную расчистку территории с сортировкой и утилизацией обломков уйдет не менее двух лет. Обломки древесины будут использоваться как топливо для тепловых электростанций.

Работа пошла быстрее, чем ожидали власти. Для эвакуированных жителей строятся 62 тыс. временных домов. Они будут сдаваться внаем по низким ценам и передаваться в собственность жителям через 7 лет. Получив страховку за разрушенное жилье, люди смогут строить постоянные дома.

На скоростном шоссе, шедшем вдоль берега, сделаны объезды и построены новые мосты. Аэропорт города Сэндай возобновил полеты. Восстановлены нефтяные терминалы на побережье Тихого океана. Однако многие частные компании, уже испытав прелести отключения электричества, уходят из района Большого Токио в западную часть страны.

Ведущие автомобильные компании планируют возобновить выпуск продукции в прежнем объеме к концу 2011 г. и договариваются о стандартизации некоторых деталей и узлов независимо от марки машин, чтобы быстрее восстановить цепочки поставок. «Toyota Motor Corp.» планирует вернуть свою 15%-ную долю американского рынка.

Текущие данные говорят о близком инвестиционном подъеме. По итогам июньского опроса газеты «Никкэй», частные компании планируют в 2011/12 фин. г. увеличить капиталовложения на 15,5% в расчете на предстоящий строительный бум и восстановление цепочек снабжения машиностроительных предприятий. Лидируют строительная индустрия, производство стройматериалов и металлургия. Опрос, проведенный на предприятиях промышленности, торговли и сферы услуг в районе, пострадавшем от землетрясения и цунами, показал, что к 1 августа 93% этих предприятий возобновили работу. Многие нашли замену источников снабжения, и ожидается, что 70% предприятий восстановят нормальный уровень производства до конца 2011 г.¹⁰.

Однако власти все больше беспокоятся по поводу «ухода» промышленных предприятий с территории страны — «вымывания» индустрии (по расхожому выражению, hollowing out). Помимо трудностей со снабжением и дефицита электроэнергии, для этого процесса есть еще несколько причин. Это резкий рост курса иены, удорожающий цену труда, высокие ставки налога на прибыль и промедление властей с заключением соглашений о свободе торговли с зарубежными странами. Например, у Сеула есть серия таких соглашений с Соединенными Штатами, странами Евросоюза и Южной Америки. Южнокорейским автомобильным компаниям на 10 следующих лет обеспечен сбыт машин в этих странах без пошлин или по сниженным ставкам пошлин. Все, что могут сделать японские автомобильные компании, — это купить небольшие корейские фирмы, для того чтобы превратить их в базу экспорта из Южной Кореи. Мало того что тарифы на электроэнергию в этой стране вдвое ниже, чем в Японии, так южнокорейское правительство еще и дает японским компаниям налоговые льготы.

Пока идет восстановление, группы японских менеджеров разъезжают по странам Азии, от Арабских Эмиратов и Катара до Вьетнама и Гонконга, в поисках выгодных мест, и в этом им помогает Торгово-промышленная палата Японии. Она формирует эти группы и организует для них курсы английского и китайского языков.

Новый виток глобализации японского бизнеса — это лишь отчасти эхо землетрясения и цунами.

Судьба аварийных реакторов и перспективы японской энергетики

Самыми тяжелыми из поставленных задач являются контроль над атомной энергетикой и восполнение дефицита электроэнергии.

Отказаться от атомной энергетики страна не может. Вряд ли возможно компенсировать дефицит электроэнергии работой тепловых электростанций. Японский центр экономических исследований подсчитал, что переход на уголь, нефть и газ (все углеводороды импортируются) в 2012–2020 гг. обойдется экономике в 90 млрд. долл. ежегодно, отчего торговый баланс будет постоянно отрицательным¹¹. Альтернативные источники энергии и экономия энергии потребителями не могут закрыть брешь в энергобалансе.

Выбор в пользу атомной энергетики был сделан после нефтяных кризисов 1973–1974 и 1979–1980 гг., когда со всей очевидностью проявилась необходимость диверсификации источников энергии, чтобы резкие скачки мировых цен на углеводородное топливо не дестабилизировали энергоснабжение Японии и всю структуру цен в ее экономике. В то время считалось, что нефть можно с успехом заменить природным газом и ядерным топливом. Доля потребления нефти в качестве топливного ресурса для электростанций сократилась с 60% в 1973 г. до 6% в 2010 г.

Япония приняла обязательства по протоколу Конвенции ООН о борьбе против глобального потепления (Киотскому протоколу) в 2002 г. В национальной энергетической стратегии, принятой в мае 2006 г., атомная энергетика выбрана приоритетной отраслью как самая экологически чистая. Ее долю в выработке электроэнергии предполагалось поднять к 2030 г. с 30 до 40%¹². А в 2009 г. кабинет Юкио Хатояма принял обязательство снизить выброс углекислого газа в атмосферу к 2020 г. на 25%, а к 2050 г. — на 80% от уровня 1990 г. Для этого на АЭС должно вырабатываться до 40% электроэнергии уже в 2020 г.

В Японии работают 17 атомных электростанций, принадлежащих девяти региональным энергетическим компаниям. Общее число реакторов на этих станциях — 55.

Еще в 1950 г. оккупационная администрация приватизировала государственную энергосистему “Nippon Hassoden”, разделив ее между региональными компаниями. Это региональные монополисты, владеющие коммерческими электростанциями всех видов и распределительными сетями. Все АЭС построены на береговой линии. Они работают на охлаждении морской водой и защищены от волн бетонными стенками высотой от 5 до 12 м, явно не рассчитанными на высоту цунами, обрушившегося 11 марта.

Выработка электроэнергии на АЭС обходится довольно дорого: 1 кВт·ч стоит 7 иен, в то время как на электростанциях, работающих на угле, — 6 иен, а на сжиженном природном газе — 5 иен. Цена электроэнергии, полученной на нефтяном топливе, нестабильна: от 7 до 20 иен в зависимости от цены нефти¹³. АЭС могли бы давать более дешевый ток, будь они загружены на 85%, как в среднем в странах-членах ОЭСР. Но коэффициент использования мощностей японских АЭС ниже 60%¹⁴. Причина состоит в устройстве АЭС и режиме регулирования их работы.

Надзором за ядерной энергетикой до последнего времени занималось Агентство ядерной и промышленной безопасности, входящее в структуру Министерства экономики, торговли и промышленности (METI). Агентство отвечало за выполнение технических регламентов и инструкций, вело плановые проверки, принимало и проверяло отчетность энергетических компаний по работе АЭС. Над ним стояла Комиссия по ядерной безопасности, подчиненная Канцелярии премьер-министра. Она составляла технические регламенты и инструкции, готовила рекомендации от имени премьер-министра и ревизовала результаты плановых проверок, проводимых Агентством. На вершине пирамиды регулирующих инстанций стояло Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

Несмотря на такую пирамиду инстанций, регулирующие нормативы в Японии не соответствуют международным нормам. Здесь положено останавливать реакторы на плановую проверку каждый 13-й месяц для спокойствия местных властей, озабоченных безопасностью АЭС из-за сильной оппозиции населения. Каждый раз реакторы останавливают на два-три месяца, и они простаивают в среднем по 140 дней в году

(в США — по 38 дней)¹⁵. Разрешение на их запуск запрашивается у местных властей.

Отношения между компаниями–операторами АЭС и регулирующими инстанциями были сильно напряжены. Агентство обнаруживало десятки фальшивых отчетов. Компании очень не любят давать местным властям повод для вмешательства. Но каждый раз, когда подделки обнаруживались, в прессе разражался скандал.

Эксперты МАГАТЭ, ознакомившись на месте со всеми материалами и положением на станции «Фукусима-1», пришли к выводу, что в беде виноваты не реакторы и не операторы станции, а волны цунами, которые лишили операторов инструментов контроля над ситуацией. Эта опасность была недооценена. На экспертов произвела впечатление прекрасно организованная властями защита населения — эвакуация, забота о потерпевших и наблюдение за их состоянием¹⁶.

Правительство постаралось давать стране и миру максимум информации. Оно больше всего опасалось паники среди населения, слухов и набегов на банки. Но ТЕРСО и после землетрясения и цунами продолжала скрывать истинные масштабы бедствия, масштаб разрушений и радиационных выбросов. Скорее всего, менеджеры (независимых директоров там нет) боялись санкций и национализации АЭС, а это очень крупный актив и источник денежной выручки для компании. Поэтому уже 12 марта премьер-министр Наото Кан устроил разнос руководству этой компании и потребовал немедленно начать тушение раскаленного энергоблока. Но его начали заливать морской водой только на следующий день, после взрыва и пожара на четвертом реакторе станции. Считается, что из-за промедления в первые дни в энергоблоках началось расплавление топливных сборок. Четыре реактора станции «Фукусима-1» готовятся к закрытию и к демонтажу в 2012 г.

Тем временем 35 из 54 реакторов были остановлены для проверки по повышенным критериям безопасности (“stress test”). Весной 2012 г. будут проверены все остальные. На время летнего пика потребления электроэнергии в регионе Канто были введены «веерные» отключения от сети по квотам для различных потребителей¹⁷.

Все планы строительства новых атомных электростанций отменены. В финансовых и правительственных кругах появились предложения национализировать компанию ТЕРСО либо поставить ее под временный государственный контроль. В пользу этого решения были опасения, что компания не выдержит бремени огромных финансовых претензий: она должна выплатить компенсации 80 тыс. эвакуированных жителей, местным крестьянским хозяйствам и т.д. Против этого решения — интересы держателей облигаций ТЕРСО (ее долговые обязательства больше, чем у любой японской компании) и 800 тыс. ее акционеров. Дело в том, что это огромная организация — четвертая энергетическая компания в мире, занимающая 124-е место в списке 500 крупнейших корпораций журнала “Fortune”.

Национализация такой корпорации путем выкупа ее акций, пусть даже упавших в цене, — это огромная нагрузка на государственный бюджет. Процедура ее банкротства по суду с назначением кризисного управляющего только ухудшила бы нарушенное снабжение региона Канто электроэнергией. А без стабильного энергоснабжения бегство капитала за границу может ускориться.

Поэтому ТЕРСО пришлось спасать. Правительство организовало финансовую помощь компании через государственный Банк развития, а восемь крупных частных банков открыли для компании кредитный пул.

В стране идут лихорадочные поиски преодоления дефицита электроэнергии. У многих промышленных компаний есть свои запасные генераторы, но они работают на угле и не рассчитаны на постоянную нагрузку. Возобновляемые энергоресурсы не предназначены для использования на крупных станциях с передачей генерируемой электроэнергии потребителям через большие сети. Энергия солнца, ветра, термальных вод будет использоваться локально. Это означает, что организация отрасли со временем сильно изменится в пользу множества местных производителей и небольших местных распределительных сетей.

Новая энергетическая стратегия пока существует в виде лозунгов и предложений. Так, премьер-министр Наото Кан опубликовал предложение начать свертывать атомную энергетику и довести выработку электроэнергии из возобновляемых источников с 1% в 2010 г. до 13% в 2020 г. Эксперты считают, что этого можно будет добиться не раньше 2030 г. Предложение Кана противоречит интересам таких компаний, как “Mitsubishi Heavy Industries” и “Toshiba”, которые успешно экспортируют ядерные технологии и оборудование для АЭС.

Если энергетические компании запустят старые, законсервированные тепловые станции, стоимость потребляемых энергоресурсов увеличится на 2 трлн. иен (26,3 млрд. долл.), а стоимость тока для потребителей может возрасти на 40%. Если Япония полностью откажется от атомной энергетики в пользу сжигания природного газа, стране потребуется 52 млн. т сжиженного природного газа в год. А это 29% мирового потребления газа.

Порядок государственного регулирования атомной энергетики будет изменен. Вместо двух ведомств под эгидой Министерства экономики, торговли и промышленности и Канцелярии премьер-министра, которые сочетали контроль с развитием этой отрасли, в апреле 2012 г. заработает новое агентство по ядерной безопасности в составе Министерства по охране окружающей среды. Старые АЭС будут постепенно выводиться из эксплуатации, а новые строиться не будут — 12 подготовленных проектов положены на полку.

Работа над коммерческим применением альтернативных видов энергии ведется с удвоенной силой. Согласно закону о возобновляемых энергоресурсах, принятому 26 августа, энергетические компании будут обязаны покупать электроэнергию у компаний, работающих на таких ре-

сурсах, по ценам с надбавкой. За надбавку будут расплачиваться конечные потребители.

Бюджетные ассигнования на науку перераспределяются в пользу исследований в области возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий. Но возобновляемые источники не скоро еще смогут полностью компенсировать дефицит электроэнергии. Поэтому маловероятно, что Япония в ближайшем будущем откажется от ядерной энергетики. Можно рассчитывать только на сочетание различных энергоисточников, включая минеральное топливо и атомную энергию.

Все направления выхода из энергетического кризиса, будь то запуск старых тепловых станций, переход на сжиженный природный газ или развитие альтернативных ресурсов, обойдутся Японии очень недешево.

Финансирование восстановления

Согласно планам правительства, из гигантской суммы расходов на полное восстановление от ущерба 68% должно быть использовано в первые десять лет. На это пойдут бюджетные средства — деньги налогоплательщиков и средства целевого «восстановительного займа».

Государственное финансирование работ такого масштаба кажется невыполнимой задачей из-за бюджетного дефицита, сложившегося за последние двадцать лет. Дефицит консолидированного бюджета Японии огромен: он равен 8,6% ВВП, а накопленный долг — 217% ВВП¹⁸. Но долг рассредоточен во времени: две трети облигаций выпускаются на срок от 10 до 50 лет.

Японии не угрожает суверенный дефолт, так как иностранным держателям принадлежит всего 5% долговых облигаций японского правительства, тогда как в США иностранцы финансируют государственный дефицит на 47,7%, в Испании — на 50%, а в Греции — на все 70%. Почти три четверти долгосрочного долга правительства обычно держит небольшая группа японских финансовых учреждений. Их ресурсная база на треть состоит из срочных вкладов юридических и физических лиц. Эти ресурсы будут направляться на цели восстановления через рынок государственного долга.

Восстановление финансируется через дополнительные бюджеты, для которых должны выпускаться целевые займы, а когда возобновится экономический рост, то начнутся налоговые поступления. В 2010 г. предполагалось снижение прямых налогов для стимулирования экономического роста. Но от этого пришлось отказаться. Правительство пошло на секвестр расходов по некоторым статьям бюджета 2010/11 фин. г. Секвестр покрыл только первоочередные расходы.

Страховые выплаты полагаются полумиллиону домовладельцев, даже тем, у кого пропали страховые полисы. Японские страховые компании располагают ресурсами в 115 млрд. иен, но общая сумма страховых выплат может составить 1 трлн. иен. Недостаток средств у страховщиков

будет покрыт из резервов государственного бюджета. Масштабы выплат по страхованию личного имущества, внешнеторговых перевозок и т.д. могут достигнуть астрономических сумм.

Политическая нестабильность

Восстановление после удара стихии ведется организованно и без паники силами частного бизнеса в сотрудничестве с администрацией префектур и городов. Но правительство никак нельзя обвинить в бездействии. Это видят зарубежные обозреватели. «Хотя японское правительство, может быть, и не образец эффективного управления и искусства связи с общественностью, но оно никак не соответствует тому карикатурному образу бестолковости и некомпетентности, которое рисуют некоторые средства массовой информации в США и Японии», — пишет американский корреспондент японского журнала «Сюкан тоё кэйдзай»¹⁹. Именно в СМИ был раздут скандал вокруг премьер-министра Наото Кан, на чью долю досталась тяжелейшая работа.

В первые дни после катастрофы Наото Кан призвал оппозиционную Либерально-демократическую партию, еще недавно стоявшую у власти, к созданию правительства национального единства. Руководство ЛДП отказалось, не зная, какие из 17 министерских портфелей им достанутся, но заявило, что будет сотрудничать во всем и не станет вставлять палки в колеса при прохождении законопроектов через парламент.

Тем не менее оппозиция блокировала или тормозила прохождение важнейших законодательных актов: о размерах эмиссии государственных облигаций, о поддержке использования возобновляемых энергоресурсов, о переводе средств из социальных программ, о дотациях компании ТЕРСО и др. У каждой строки бюджета есть свои сторонники и противники, свои лоббисты. Противники появились и в рядах правящей Демократической партии Японии.

Дело в том, что ДПЯ была составлена накануне выборов 2010 г. из осколков старых партий и группировок левого направления. Группа парламентариев в собственной партии Кан — Итиро Одзава, старый соперник Кан, Юкио Хатояма, потерпевший поражение от Кан в июне 2010 г., и другие — задумали взять реванш, не выдвигая никаких позитивных решений.

Попытка оппозиции 2 июня объявить премьер-министру вотум недоверия не имела успеха, но ему пришлось уйти в отставку вместе со своим кабинетом по итогам выборов руководства ДПЯ. Однако группе Одзава не удалось провести на пост главы ДПЯ своего ставленника. На этот пост и, соответственно, премьер-министром был избран Ёсихико Нода, бывший министром финансов в кабинете Кан. Он стал шестым премьером за последние пять лет.

«Люди все еще не доверяют правительству, даже при ДПЯ, — заметил токийский журналист Минуру Накамура. — Но их реакция на кризис показывает, что они доверяют самим себе»²⁰.

Примечания

¹ Никкэй симбун. 11.02.2011.

² Government of Japan. Economic Impact of the Great East Japan Earthquake and Current Status of Recovery. May 30, 2011 (www.cao.go.jp).

³ В 1981 г. были ужесточены стандарты сейсмостойкости построек, но около 10 млн. жилых домов и примерно 80 тыс. больниц, школ и других зданий были построены еще по старым нормативам и не выдержали толчков.

⁴ Данные обследования, проведенного Министерством экономики, торговли и промышленности в первые дни после землетрясения (Overview of Damage Situation and METI Measures as of March 24).

⁵ Ministry of Economy, Trade and Industry. Great East Japan Earthquake and the Seismic Damage to the NPSs. June 5, 2011. Report to IAEA.

⁶ Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан 2011 (Японский статистический ежегодник 2011). Токио, 2011, с. 462.

⁷ Это предприятия, выпускающие критически важные материалы: алюминиевые субстраты и детали для драйверов жестких компьютерных дисков (“Kobe Steel”, “Nikko Works” и “Furukawa Electric” держат до 60% мирового рынка этих материалов), кремниевые пластины для смартфонов (“Shin-Etsu Handotai” дает 15% их мирового выпуска), микросхемы для автомобильных навигационных приборов (60% их производства приходится на “Renesas Electronics”). Корпорация IHI (“Ishikawajima-Harima”) — ведущий поставщик деталей для авиационных двигателей американского авиагиганта “Boeing Co”.

⁸ World Bank. The Recent Earthquake and Tsunami in Japan: Implications for East Asia. March 21, 2011 (www.worldbank.org).

⁹ Japan Monthly Statistics. July 2011 (www.stat.go.jp).

¹⁰ Results of an Emergency Survey on the Actual Status of Industries after the Great East Japan Earthquake (2). Ministry of Economy, Trade and Industry. August 2011 (www.meti.go.jp).

¹¹ JCER Update of 37th Medium Term Forecast for the Japanese Economy: 2011–2020. Full Nuclear Shutdown would Cost Economy 77 trln a Year. June 11, 2011 (www.jcer.or.jp).

¹² The New National Energy Strategy. METI. May 2006, p. 14 (www.meti.go.jp).

¹³ *Scalise P.* Whatever Happened to Japan’s Energy Deregulation? — The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). June 24, 2009.

¹⁴ Для выполнения обязательства по Киотскому протоколу энергетическим компаниям потребовалось бы построить девять новых АЭС.

¹⁵ В июле 2007 г. при землетрясении в префектуре Ниигата автоматически полностью отключились семь реакторов на станции Касивадзаки-Карива, и загрузка мощностей АЭС компании TEPCO упала до 43%. Реактор был пущен снова только в феврале 2009 г.

¹⁶ IAEA Expert Mission to Japan. Preliminary Summary. Tokyo, June 1, 2011 (www.meti.go.jp/english).

¹⁷ Крупных потребителей отключали в принудительном порядке, а мелкие компании и бытовых потребителей просили добровольно ограничить пользование электричеством на 15%.

¹⁸ Данные Министерства финансов Японии (www.mof.go.jp).

¹⁹ Цит. по: *Ennis P.* Recovering Nation: Battered Japan Searches for Bearings. — Weekly Toyo Keizai. April 2011.

²⁰ Ibid.

Д.В. Стрельцов

**УРОКИ ФУКУСИМЫ:
КУДА ПОЙДЕТ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ?**

Крупнейшее в Японии землетрясение со всей остротой поставило перед страной вопрос о дальнейших путях развития электроэнергетической сферы. Особенность событий заключалась в том, что на стихийную катастрофу наложилась техногенная — авария на атомной электростанции «Фукусима-1». Десятки лет японцам внушали мысль о надежности и безальтернативности атомной энергетики для Японии, лишенной собственных источников энергии. Трагедия заставила задуматься о том, сможет ли человечество позволить себе развивать атомную энергетику без учета возможных катастрофических последствий подобных аварий, а от них, как выясняется, не застрахована даже такая передовая в техническом отношении страна, как Япония. Под серьезные сомнения было поставлено наличие у атомной энергетики черт, которые однозначно представлялись ее сторонниками в качестве ее преимуществ, а именно — высокой безопасности и низкой себестоимости производимой электроэнергии.

Следует отметить, что Япония в своей энергетической политике традиционно делала ставку на атомные электростанции, рассматривая их как источник относительно чистого вида энергии. Особенно акцент на развитие АЭС стал проявляться по мере того, как энергетическая политика Японии начала увязываться с борьбой против глобального потепления. В этой связи приоритет в долгосрочных планах развития электроэнергетики стал отдаваться атомным станциям, вносящим минимальный, по сравнению с другими видами энергетики, «вклад» в эмиссию парниковых газов. Если в 2007 г. АЭС обеспечивали 26% объема производства электроэнергии в стране, то к 2050 г. этот показатель планировалось повысить до 53%. Одновременно за тот же период предполагалось снизить долю нефти с 13 до 2%, природного газа — с 28 до 13%, каменного угля — с 25 до 11%, повысив долю возобновляемых источников с 9 до 21%¹. В дополнение к существующим 54 атомным реакторам до 2030 г. должны были быть построены еще 14.

© Стрельцов Д.В., 2012

Между тем все три серьезных энергетических кризиса, которые Япония испытала в начале 2000-х годов, были так или иначе связаны с АЭС. Так, в 2002 г. вследствие неполадок на управляемых электроэнергетической компанией ТЕРСО атомных станциях были временно остановлены все реакторы. Новый энергетический кризис произошел в 2007 г., когда ТЕРСО из-за землетрясения в преф. Нагасаки была вынуждена остановить работу станции в Касивадзаки-Карима. Катастрофа 2011 г. оказалась наиболее серьезной в этом ряду, став причиной серьезнейших перебоев в снабжении электроэнергией всего столичного региона. Таким образом, ядерная энергия является, по выражению газеты «Асахи», «слабым звеном» в системе производства электроэнергии².

На повестку дня встал вопрос о пересмотре самих стратегических планов развития энергетики, в которых атомный сектор играл ключевую роль. Изменению приоритетов способствовал и наметившийся после аварии перелом в общественном мнении страны в пользу отказа от атома. Это наглядно продемонстрировали социологические опросы, прошедшие в стране летом 2011 г. Так, в ходе общенационального опроса, проведенного газетой «Майнити» 16–17 апреля 2011 г., т.е. вскоре после аварии, «неизбежным» нынешний 30%-ный уровень зависимости Японии от атомной энергетики назвали 40% японцев, тогда как 41% респондентов выступили за снижение этой зависимости, а 13% — за немедленный полный отказ от всех имеющихся АЭС³.

Более детально о позиции японского общественного мнения можно судить по опросу, проведенному 14 июня 2011 г. газетой «Асахи». К этому времени правительство уже приостановило деятельность почти всех реакторов на профилактический осмотр и проведение «стресс-тестов», представляющих собой компьютерное моделирование чрезвычайной ситуации на АЭС. Положительный ответ на вопрос: «Согласны ли вы с тем, чтобы в стране использовалась атомная энергия?» — дали 37% респондентов, отрицательный — 42%. С возобновлением работы атомных станций, прошедших регулярную профилактику и выполнивших все требования правительства, согласились 51% опрошенных, не согласились — 35%.

По мере развития ситуации вокруг аварии на АЭС, в частности после обнародования данных о масштабах радиационной трагедии, общественное мнение постепенно становилось все более непримиримым. Например, опросы газеты «Асахи» от 18 апреля, 16 мая и 14 июня 2011 г. показали, что доля противников атомной энергетики постепенно росла, составляя соответственно 32, 36 и 42%, а доля ее сторонников сокращалась (50, 43 и 37%)⁴.

Наибольший уровень поддержки — 74% — получил в ходе опроса 14 июня положительный ответ на вопрос, следует ли взять курс на постепенный вывод АЭС из эксплуатации с конечной целью полного отказа от атомной энергетики (не согласились с этим курсом 14% респондентов). В целом опросы продемонстрировали, что от 75 до 80% японцев

выступают за полную остановку всех атомных реакторов по мере выработки их ресурса⁵. Это особенно примечательно, если учесть, что, например, в ходе опроса, проведенного Агентством по атомной энергии Японии в 2005 г., 82% японцев поддержали курс на расширенное развитие атомной энергетики, подразумевающий эксплуатацию действующих и строительство новых реакторов⁶.

В ходе опроса 14 июня на вопрос, смогут ли возобновляемые источники заменить ядерную энергию, «да» ответили 64% респондентов, «нет» — 24%⁷. Иначе говоря, многие в Японии считают, что возобновляемая энергетика может стать действенной альтернативой атомной.

В целом опросы показали, что большинство респондентов негативно относятся к прежней политике ускоренного развития атомной энергетики, хотя и не согласны с требованием немедленного закрытия всех атомных станций. На этом фоне 10 мая 2011 г. премьер-министр Японии Н. Кан заявил о намерении кардинально пересмотреть принятый годом ранее «Базовый план по энергетике» с целью существенного ослабления зависимости от атомной энергии в первичном энергобалансе страны. По словам главы кабинета министров, наибольшее внимание со стороны правительства получают возобновляемые источники энергии, например ветра или солнца, которые будут включены в число «основных источников энергии»⁸.

К сентябрю 2011 г. из 54 реакторов продолжали функционировать только 12, остальные же были приостановлены. Поскольку никто не мог дать гарантий, что правительство проявит достаточный уровень политической решимости, чтобы возобновить их работу, многие стали поговаривать о том, что к марту 2012 г. Япония вообще останется без атомной энергетики.

При этом Япония оказалась вынужденной считаться с тем обстоятельством, что она не только лишена собственных ископаемых энергетических источников, но и находится в крайне уязвимом геоэкономическом положении. Будучи островным государством, не связанным энергосетями с соседними странами, Япония не имеет возможности закупать дополнительные объемы электроэнергии, как это делают в подобных обстоятельствах европейские страны⁹. В этих условиях остается выбирать из нескольких доступных путей: наращивать импорт углеводородов, ограничивать свои энергетические потребности, усиливая курс на энергосбережение, либо находить новые резервы в сфере возобновляемой энергетики.

Что касается наращивания импорта ископаемых энергоресурсов, и прежде всего нефти и газа, а также угля, это направление, судя по всему, станет основным в дальнейшей энергетической стратегии Японии. Вместе с тем этот путь имеет ряд существенных минусов и проблемных точек.

Во-первых, Япония не сможет резко увеличить импорт углеводородов, поставки которых в подавляющем большинстве законтрактованы на годы вперед. Следует учесть и то, что Японии придется столкнуться с ужесточе-

нием конкуренции с быстро растущими мировыми экономиками, и прежде всего Китаем и Индией, за право разработки новых месторождений за рубежом, которые ограничены в количественном отношении и сосредоточены в основном в политически нестабильных странах и регионах. Например, почти 90% нефти приходит в Японию из стран Ближнего и Среднего Востока. Большие проблемы создает и растянута транспортных коммуникаций, по которым в страну поставляется энергосырье, что отвлекает большие ресурсы на обеспечение их безопасности. В этих условиях делать в долгосрочной стратегии ставку на углеводороды оказывается сопряжено с высоким риском и потому является политически недальновидным.

Во-вторых, поскольку себестоимость производства электроэнергии на тепловых электростанциях выше, чем на АЭС (без учета расходов на преодоление последствий аварий), это, бесспорно, увеличит финансовую нагрузку на энергопотребляющие отрасли промышленности, и прежде всего черную и цветную металлургию, химическую промышленность, производство строительных материалов и т.д. Следует учесть также глобальную тенденцию к дальнейшему повышению цен на углеводороды. На этом фоне японская экономика, вот уже третье десятилетие переживающая период структурной перестройки, окажется в невыигрышных условиях и, как можно предположить, ее конкурентный потенциал ослабнет.

В-третьих, перевод электроэнергетики на углеводородные источники, вне всякого сомнения, приведет к увеличению эмиссии парниковых газов. Это ударит по всей ранее проводившейся политике, направленной на повышение вклада страны в борьбу с глобальным потеплением. В сентябре 2009 г. премьер-министр Японии Ю. Хатояма заявил с трибуны ООН о намерении страны сократить к 2020 г. эмиссию на 25% по сравнению с уровнем 1990 г. (или на 30% по сравнению с уровнем 2005 г.). Хотя инициатива была обусловлена наличием системы международных обязательств с участием основных стран-поллютантов, она по-прежнему воспринимается в мире в качестве ключевого международного обязательства Японии, которое хотя и не оформлено юридически, налагает на нее определенные самоограничения. По оценке Института Брейксру — независимого центра, занимающегося экологической проблематикой, замещение АЭС тепловыми станциями, работающими на сжиженном природном газе и угле, приведет по меньшей мере к 10%-ному росту эмиссии парниковых газов. Если перевести на ископаемое топливо всю долю электроэнергетики, которую к 2030 г. планировалось перевести на атом (т.е. не менее половины мощностей), это даст от 25 до 37% дополнительной эмиссии¹⁰

Таким образом, уязвимость ставки на традиционные источники оказывается очевидной. А как обстоит дело с возобновляемой энергетикой?

Безусловно, «тройное бедствие» со всей убедительностью подтвердило правильность проводившейся ранее политики в сфере развития

возобновляемых источников энергии. Одним из его последствий, по всей видимости, станет ускорение разработок в этой области и дальнейшее наращивание Японией ее технологического потенциала как «зеленой сверхдержавы». В пользу «чистых» источников говорит то, что себестоимость производимой на них электроэнергии в мире в последние годы существенно снижается, а уровень инвестиций неуклонно растет. По данным корпорации «Clean Edge», специализирующейся на проблематике экологически чистых технологий, за одно лишь десятилетие — с 2000 по 2010 г. — объем глобальных инвестиций в сферу гелиоэнергетики вырос с 2,5 млрд. до 71,2 млрд. долл., в сферу ветряной энергетики — с 4 млрд. до 60,5 млрд. долл.¹¹. При этом обращает на себя внимание тот факт, что привлечение на эти рынки частных инвестиций, идущих как со стороны корпораций, так и со стороны различных пенсионных фондов, обходится без крупных государственных мер помощи.

Между тем Япония пока не может похвастаться большими успехами в деле использования возобновляемых источников. Достигнутый в Японии уровень существенно ниже, чем в большинстве развитых стран. Уступает Япония как по абсолютным показателям совокупных мощностей по выработке «зеленой электроэнергии», так и по среднегодовым темпам роста ее производства. Доля возобновляемых источников в балансе электроэнергетики составляет чуть более 1%, а с учетом гидроэнергии — чуть более 9%.

Вместе с тем в соответствии с мировой тенденцией повышения роли возобновляемых источников в энергобалансе развитых стран Япония прилагает значительные усилия для преодоления возникшего отставания. К настоящему времени сформирована нормативно-правовая база, стимулирующая приоритетное развитие альтернативных источников в энергетическом секторе страны. В этих же целях введены несколько целевых налогов, включая налог на стимулирование разработки новых источников электроэнергии и экологический налог. В конце августа 2011 г. парламентом был принят закон о возобновляемых источниках энергии, предусматривающий введение «зеленого тарифа» на электроэнергию, в соответствии с которым производители «зеленой энергии» будут иметь гарантированный доступ к энергосетям, пользоваться правом заключения долгосрочных контрактов на поставки и установления приемлемых для них цен. В соответствии с законом предприятия электроэнергетического сектора должны иметь в своем топливном балансе определенную минимальную долю возобновляемых источников энергии.

В результате применения мер нормативно-законодательного и налогового-финансового стимулирования совокупный объем электроэнергии, произведенной на возобновляемых источниках, увеличился с уровня 4,05 гВт (или 0,39% от общего объема произведенной в стране электроэнергии) в 2003 фин.г. до 12,2 гВт (1,35%) в 2010 фин.г., т.е. практически в три раза¹². К 2014 фин.г. мощность производства должна составить 16 гВт, что, по оценке специалистов, будет соответствовать примерно

1,3% общего производства электроэнергии в стране¹³. При этом долю возобновляемых источников в электроэнергетическом балансе страны планируется нарастить с нынешних 10% до 20% к 2020 г.

Многие эксперты указывают на то, что закупка углеводородов за границей означает лишь перекачку денег за пределы страны, в то время как развитие альтернативных источников обладает гораздо большим, нежели атомная энергетика, потенциалом распространения смежных технологий и способно принести национальной экономике гораздо больше новых рабочих мест. Например, если 1 млн. долл. инвестиций в атомную энергетику создает 4,2 рабочих места, то в ветряную — 13,3, а в солнечную — 17,7 рабочих места¹⁴. Кроме того, возобновляемая энергетика, развиваясь на базе локальных электрогенерирующих установок малой мощности, дает импульс развитию прежде всего региональной экономики, что имеет большое значение для Японии, стоящей перед проблемой стимулирования экономического развития в депрессивных регионах страны¹⁵.

В Японии активно разрабатываются долгосрочные планы перевода на возобновляемые источники, разрабатываемые несколькими независимыми группами исследователей. В их числе — Институт устойчивой энергетической политики (Institute for Sustainable Energy — ISEP). Согласно разработанному институтом плану долгосрочного развития, озаглавленному «От незапланированных сбоев в развитии — к стратегическому сдвигу в сфере энергетике», к 2050 г. Япония сможет добиться полной энергетической самообеспеченности путем постепенного наращивания потенциала «зеленой энергетике» и сокращения электропотребления на 50% по сравнению с уровнем 2010 г.¹⁶.

С 2008 г. в Японии действует «Платформа энергетической политики на базе возобновляемых источников», в рамках которой консолидируются несколько профессиональных ассоциаций, действующих в сфере возобновляемых источников, включая Японскую ассоциацию ветряной энергетике, Японское исследовательское общество геотермальной энергетике и Ассоциацию развития гелиоэнергетике¹⁷. Данная организация провозгласила своей целью разработку концепции развития возобновляемой энергетике до 2050 г., согласно которой Япония сможет довести долю «зеленой энергетике» в общем балансе до 67%¹⁸.

Вместе с тем многие эксперты справедливо указывают и на то, что на ближне- и среднесрочную перспективу ставка лишь на альтернативную энергетике не является для Японии в полной мере жизнеспособной идеей. В числе минусов обычно отмечают, что гидроэнергетика имеет естественные пределы для своего развития, а остальные источники, и прежде всего солнечной и ветряной энергии, слишком зависят от погодных условий и времени суток и потому слишком нестабильны. Значительное увеличение мощностей в силу природно-климатических, географических и технологических обстоятельств оказывается поэтому трудноосуществимым, не говоря уж о том, что на современном технологическом уровне

они пока еще существенно дороже традиционных источников. Например, по данным Института Брейксру, чтобы дополнительно произвести на солнечных панелях 203 гВт электроэнергии для заполнения возникшего в результате кризиса атомной энергетики энергодефицита, Японии понадобится около 1,01 трлн. долл. (почти четверть ее ВВП). Если же делать ставку на ветряные установки, 152 гВт новых мощностей будут стоить 375 млрд. долл. и потребуют около 50% всей территории Японии¹⁹.

Большую техническую проблему составляет ограниченная совместимость «зеленой энергетики» и действующих линий электропередачи, а также необходимость создания дорогостоящих и объемных аккумулирующих мощностей, которые бы позволили обеспечить более ритмичную и стабильную подачу в сеть «зеленой электроэнергии» вне зависимости от погоды и времени суток. К тому же повышение доли «зеленой электроэнергии» в общем энергобалансе чревато повышением нагрузки на окружающую среду, так как после определенного уровня возобновляемые источники оказываются более существенным фактором экологического риска, включая эмиссию парниковых газов, нежели, например, атомная энергетика²⁰.

Меры налогового-финансового стимулирования также нельзя оценить как однозначно эффективные с точки зрения привлечения инвестиций. Рынок «зеленой энергетики» сдерживают крупные институциональные, инфраструктурные и технологические ограничения. В их числе — раздробленность национального электроэнергетического рынка, поделенного между собой региональными электрогенерирующими компаниями. В условиях многих неопределенностей ничто не может заставить эти компании признать «зеленую электроэнергетику» привлекательным объектом для инвестиций. К тому же закон о «зеленом тарифе» позволяет отказываться им от закупок в случаях, когда это «затрудняет нормальную работу» энергосети. Фактически это означает огромную дыру в законе, поскольку для независимых производителей электроэнергии продажа последней региональному монополисту становится единственным способом восполнения понесенных издержек. Большую проблему для рынка электроэнергии создает и раскол страны на две практически не совместимые между собой зоны энергопотребления, различающиеся по частоте тока (50 и 60 Гц).

Трудно пока назвать убедительными прочие меры стимулирования возобновляемой энергетики, включая экологический налог или национальную систему торговли квотами на эмиссию парниковых газов, аналогичную той, что действует на международном уровне в рамках системы Киотского протокола. Введение обязательных для исполнения нормативов сокращения эмиссии, которое бы заставило энергопроизводителей переключаться на возобновляемые источники, оказывается под вопросом в свете ужесточающейся налоговой нагрузки на корпоративный сектор, вынужденный брать на себя дополнительное финансовое бремя по восстановлению экономики после «тройного бедствия».

В целом можно заключить, что возобновляемые источники пока еще являются дополнительным источником энергии, эффективно действующим лишь в масштабе локальной экономики. Малые генерирующие мощности, разбросанные по всей стране, могут лишь на узком временном и географическом пространстве решить проблему энергодефицита. В любом случае, на ближайшую перспективу их однозначно нельзя воспринимать в качестве полноценной замены АЭС.

В этом плане хороший пример подает Германия, где возобновляемая энергетика существует в виде огромного количества ветряков, а также небольших гелиосистем, расположенных на крышах домов, во дворах и открытых площадках. Ее субъектом являются мелкие предприятия, фермеры, местные власти, НПО и иные самостоятельные организации, а также рядовые граждане страны. Существуя в виде «побочного бизнеса», «зеленая энергетика» дает небольшой, но стабильный доход и с этой точки зрения поддерживает развитие локальной экономики. Кроме того, поскольку электрогенерирующие мощности действуют в автономном режиме, они оказываются хорошо защищены от крупных аварий в сверхцентрализованных энергосетях — черта особенно актуальная для Японии, где, как показали события марта 2011 г., именно стихийные бедствия представляют собой фактор серьезного риска.

Что же касается энергосбережения, то огромные резервы в этой области заложены как в проводящейся в Японии на протяжении многих десятилетий политике, так и в изменении стиля жизни людей, переходе на жизненный алгоритм энергосбережения. Большие успехи в этой связи демонстрируют проводимые ежегодно кампании по энергосбережению в жаркое время года, получившие название «Прохладное дело» (Cool biz). Например, летом 2011 г. комплексные меры экономии энергии в промышленном, бытовом и коммерческом секторах позволили с запасом решить поставленную японским правительством задачу сокращения электропотребления на 15%. В рамках данной кампании офисные служащие меньше, чем обычно, пользовались кондиционерами в летнюю жару, отказываясь при этом от привычных пиджака и галстука, использовали менее энергозатратный режим электрических приборов, а при возможности — старались обходиться без них вообще. В жилых и офисных зданиях, на железнодорожных станциях и на промышленных предприятиях отключались лифты, эскалаторы, осветительные и иные приборы, без которых можно было обойтись.

Однако рассчитывать на то, что дефицит электроэнергии удастся в существенной мере погасить за счет политики энергосбережения, было бы слишком опрометчивым. Анализ ситуации, в которой Япония оказалась после «тройного бедствия», позволяет говорить и о том, что полный отказ от атомной энергетике будет для Японии гораздо более трудным и болезненным, чем это кажется на первый взгляд. В силу ряда обстоятельств Япония, скорее всего, не сможет отойти от атома.

Во-первых, сохранение некоторого количества АЭС в энергобалансе страны необходимо, чтобы не утратить технологический потенциал в ядерной области. Воплощенные в стране технологии атомного цикла отличаются тем, что развиваться они могут только при сохранении научного, технологического, промышленно-технического и кадрового обеспечения. Даже на время отказавшись от атомных технологий (например, в ожидании момента, когда в мире будут разработаны повышенные стандарты безопасности на АЭС, приспособленные к природным условиям страны), Япония рискует навсегда лишиться лидерских позиций по многим параметрам технологического развития. Экспертов особенно тревожит риск утраты квалифицированных кадров, связанный с тем, что значительная часть инженерно-технического персонала, работающего в атомной отрасли, будет вынуждена поменять свою специальность либо, чтобы не потерять квалификацию, искать работу за границей. В этих условиях, как отмечал исследователь Японского института международных проблем Тэцуя Эндо, Японии «будет исключительно трудно вернуться к ядерной энергетике после решения об отказе от нее»²¹.

Во-вторых, большие опасения вызывает перспектива потери страной статуса крупной атомно-технологической державы и по экономической причине — вследствие того, что страна участвует в международной конкурентной борьбе за рынок атомной энергетики в третьих странах, и прежде всего странах Азии, например во Вьетнаме. Ряд японских корпораций («Хитати», «Тосиба» и др.) уже имеют контрактные обязательства по поставке реакторных и иных атомных технологий за рубеж. Между тем отказ Японии от атомной энергетики приведет к потере рыночных позиций, поскольку страны-реципиенты будут с недоверием относиться к тем технологиям, которые не получили должного апробирования в стране их происхождения.

В-третьих, свою роль играет и аспект военной безопасности. Некоторые эксперты говорят о том, что развитие атомной энергетики является для Японии сознательной формой сохранения потенциала создания ядерного оружия в случае непредсказуемого развития ситуации²². В любом случае, научно-технические ресурсы, накопленные атомной энергетикой, являются важнейшим стратегическим резервом Японии, который, помимо гражданского, безусловно, может использоваться и в военных целях. В условиях обострения международной ситуации, связанного, например, с эскалацией ситуации на Корейском полуострове, атомный потенциал служит своего рода «страховочной сеткой», позволяющей Японии чувствовать себя более уверенно в своих отношениях с соседями.

Уже сейчас ясно, что курс на отказ от приоритетного развития АЭС является для страны практически безальтернативным. Создавшаяся дилемма заключалась не в том, развивать ли атомную энергетику, а в том, чем заменить ее потерю для электроэнергетического сектора страны. Однако немедленный полный отказ от атомной энергетики представля-

ется японскому руководству нереалистичным. После смены кабинета в августе 2011 г. его новый лидер Ё. Нода подтвердил, что строительство новых реакторов будет приостановлено, однако имеющиеся реакторы будут выводиться из эксплуатации постепенно, по мере выработки их ресурса. В первую очередь будут закрываться самые старые реакторы, конструкция которых не отвечает современным требованиям безопасности.

Примечания

¹ См.: http://www.brookings.edu/~media/Files/events/2011/0909_japan_recovery/0909_japan_recovery.pdf

² Асахи симбун. 12.05.2011.

³ <http://www.thebulletin.org/web-edition/features/nuclear-power-and-the-public>

⁴ Ibid.

⁵ Christian Science Monitor. 20.06. 2011.

⁶ <http://www.thebulletin.org/web-edition/features/nuclear-power-and-the-public>

⁷ http://www.jaif.or.jp/english/news_images/pdf/ENGNEWS02_1312778417P.pdf#search=%27Opinion%20poll%20Japan%20after%20Fukushima%20nuclear%20stations%20energy%27

⁸ Асахи симбун. 12.05.2011.

⁹ Например, Германия, заявив о намерении отказаться от планов развития атомной энергетики, при неблагоприятном для себя развитии событий может закупать электроэнергию в соседней Франции, где АЭС составляют основу электроэнергетического комплекса.

¹⁰ http://thebreakthrough.org/blog//2011/04/replacing_japans_nuclear_power-print.html. Институт Брейксру (от англ. 'breakthrough' — «прорыв») — американский независимый экспертный центр, занимающийся вопросами изменения климата и энергетическими проблемами. Подробнее см.: <http://thebreakthrough.org/about.shtml>

¹¹ <http://cleanedge.com/reports/reports-trends2011.php>

¹² Сигэн сэкоку ниппон-но тэсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов). Токио, 2007, с. 138.

¹³ Energy Policies of IEA Countries. Japan. — Review Energy. 2008, p. 153.

¹⁴ <http://www.peri.umass.edu/236/hash/efc9f7456a/publication/333/>

¹⁵ <http://www.nikkeibp.com/news/100927.html>

¹⁶ <http://www.isep.or.jp/images/press/110323ISEPpressEng.pdf>

¹⁷ См. веб-сайт Платформы : <http://www.re-policy.jp/>

¹⁸ <http://www.re-policy.jp/2050vision/index.html>

¹⁹ http://thebreakthrough.org/blog/2011/04/replacing_japans_nuclear_power.shtml

²⁰ <http://ourworld.unu.edu/en/can-japan-go-100-renewable-by-2050/>

²¹ <http://www.eastasiaforum.org/2011/09/23/japan-should-not-abandon-nuclear-power/>

²² Для примера можно привести выступление профессора Токийского университета Тидзукэ Уэно «Япония на пороге кризисной черты» на 13-й конференции Европейской ассоциации японоведения 24 августа 2011 г. в Таллине.

И.П. Лебедева

**ЯПОНСКАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ
И УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ:
ИСПЫТАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ**

К настоящему времени процессы глобализации японской промышленности зашли уже достаточно далеко. За пределами Японии функционируют более 14 тыс. филиалов японских промышленных компаний, на долю которых приходится около 18% совокупного объема производства национальных и зарубежных предприятий.

Понятно, что при налаживании производства в других странах японские компании сталкиваются с самыми разными проблемами, поскольку вынуждены оперировать в среде, отличающейся от той, с которой они имеют дело в Японии. В связи с этим встает вопрос о том, в какой степени им удастся использовать на зарубежных филиалах свою знаменитую систему организации и управления производством, поскольку, как известно, выдающиеся достижения японской промышленности в послевоенный период в значительной степени были связаны именно с функционированием этой системы.

При этом, на наш взгляд, особый интерес представляет то, как складывается ситуация в японских филиалах, расположенных в США и Европе, т.е. регионах, не только удаленных от Японии географически, но и заметно отличающихся от нее с точки зрения культуры, истории, особенностей социальных отношений, национального менталитета и т.д.

Прежде чем перейти к вопросу о возможности применения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах японских компаний, напомним, из каких элементов она состоит и на каких принципах основывается.

С точки зрения организации собственно процесса производства эта система характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, она ориентирована на производство малыми партиями разнообразной продукции, частую смену продуктового ряда, выпуск разнообразных продуктов на одной и той же производственной линии. Технические возможности для этого создает использование многофункционального оборудования, оснащенного различными микроэлектронными устройствами, позволяющими осуществлять его быструю переналадку.

© Лебедева И.П., 2012

Во-вторых, она нацелена на минимизацию запасов деталей и материалов, используемых в процессе производства, на управление их поставками в режиме реального времени (по принципу *камбан* или “just in time”). Это стало возможным благодаря формированию особого типа отношений между головными компаниями и их поставщиками, которые носят долговременный характер и основаны на постоянном тесном сотрудничестве между ними, начиная с самых первых стадий разработки продукта.

В-третьих, характерной чертой этой системы является встроенность функции контроля качества в производственный процесс. В отличие от западных компаний, где контроль качества возложен на специальные подразделения и осуществляется на конечной стадии производственного процесса, на японских предприятиях он носит тотальный и перманентный характер и охватывает все стадии производства — начиная с проверки качества материалов, используемых для изготовления деталей, и кончая контролем качества конечной продукции. При этом к контролю качества привлекаются, по сути, все категории работников (прежде всего производственные рабочие), а устранение выявленных недостатков осуществляется при тесной кооперации различных звеньев производства (производителей деталей, производственных цехов, проектных отделов и т.д.).

Наконец, в-четвертых, отличительной чертой японской системы является безупречное состояние производственного аппарата. Оно обеспечивается не только за счет постоянного контроля за состоянием оборудования со стороны специально обученных работников и широкого использования практики превентивного ремонта, но и за счет того, что сами рабочие тщательно ухаживают за ним, следят за работой различных механизмов, самостоятельно устраняя мелкие неполадки.

Наряду с отмеченными выше технико-организационными особенностями производства огромную роль в обеспечении высокой международной конкурентоспособности японских компаний играет и применяемая ими система организации труда, также отличающаяся большой спецификой. Этой системе присущи следующие характерные черты.

1. Гибкая организация процесса труда, хрупкость (нежесткость) горизонтальных и вертикальных перегородок между различными видами работ. В отличие от западных компаний, где сферы компетенции и ответственности каждого работника четко определены, в японских фирмах обязанности, вменяемые каждому отдельному работнику, не фиксируются жестко. Производственные задания поручаются не отдельному работнику, а группе (*хан* или *куми*), в рамках которой и происходит распределение работы между работниками в соответствии с их квалификацией. При этом в процессе труда содержание работы может меняться и работники могут пробовать свои силы в разных видах работ. Гораздо менее жестки, чем в западных компаниях, и вертикальные границы. Так, рядовой рабочий может подняться до уровня мастера участка — нижней сту-

пени управленческой иерархии — и даже выше. А для белых воротничков существует возможность добраться до самых высоких ступеней управленческой вертикали, поскольку высшие посты в японских фирмах заполняются, как правило, «людьми компании», а не нанятыми со стороны специалистами.

2. Формирование у работников многопрофильной квалификации. Японские компании уделяют этому аспекту особое внимание, поскольку считают, что многопрофильная квалификация не только помогает преодолеть рутинность работы, свойственную многим видам физического труда, но и способствует более полному раскрытию возможностей каждого работника, а также повышает его самооценку. Помимо гибкой организации процесса труда овладению рядовыми работниками несколькими видами рабочих профессий способствует система ротации (т.е. периодической смены рабочего места), а также система внутрифирменного обучения.

3. Использование системы заработной платы и продвижения по службе, ориентированной на учет индивидуальных показателей. Вопреки широко распространенному мнению, что основным элементом, определяющим уровень заработной платы в японских компаниях, является длительность трудового стажа, многие исследования показывают, что японская система управления уделяет огромное внимание индивидуальным достижениям работника — как при определении траектории его продвижения по служебной лестнице, так и при установлении заработной платы. Но при этом в отличие от западных компаний, где в расчет принимаются лишь результаты труда, в японских фирмах наряду с конкретными результатами труда работника учитываются его опыт, технические навыки, профессиональные знания, способности к творчеству, лидерские качества, чувство ответственности, активность, готовность к сотрудничеству, участие в обучении молодых работников и т.д. Иными словами, в японских компаниях система заработной платы и продвижения по служебной лестнице основана на оценке общего потенциала работника, а не выполняемой им работы.

4. Особый характер отношений между менеджментом и рядовыми работниками. В японских компаниях отношения между синими и белыми воротничками лишены налета конфронтационности, типичного для западных фирм. И те и другие являются членами одного и того же профсоюза, носят одинаковую униформу (различающуюся лишь по цвету), пользуются одними и теми же столовыми и автостоянками. Разница в оплате труда между менеджерами и рядовыми работниками в японских фирмах существенно меньше, чем в западных компаниях. Они сообща решают возникающие в процессе производства проблемы, при этом, как правило, инженеры и управленцы приходят к рабочим в цех (а не наоборот), подчеркивая тем самым высокий статус последних в компании и демонстрируя свое уважение к их мнению.

5. Продолжительный характер отношений между компанией и наемными работниками. Как известно, в крупных японских компаниях на ос-

новой персонал распространяется практика так называемого пожизненного найма, предполагающая, что всю свою трудовую жизнь (с момента окончания учебного заведения и до выхода на пенсию) работник будет трудиться в одной и той же фирме. Не вдаваясь в анализ основных элементов этой системы и базовых принципов ее функционирования¹, отметим лишь, что только при долгосрочных формах найма персонала оказываются экономически целесообразными отмеченные выше особенности организации процесса труда в японских компаниях, и прежде всего их усилия по формированию у работников многопрофильной квалификации. С другой стороны, очевидно, что гарантии долгосрочной занятости, подкрепляемые целым пакетом мер материального и нематериального стимулирования, повышают трудовую мотивацию работников, побуждают их к тому, чтобы не только принять, но и активно участвовать в тех формах организации труда, которые предлагаются менеджментом².

Очевидно, что японская система организации и управления производством представляет собой целостную структуру, все элементы которой тесно взаимосвязаны и тщательно подогнаны друг к другу. Как справедливо отмечает профессор Т. Кавамура, из-за тщательной конструкции этой системы существует опасность ее повреждения и даже разрушения при тех или иных обстоятельствах, в частности при ее переносе в другую бизнес-среду³. Именно с такого рода проблемами и сталкиваются японские компании, когда пытаются, учитывая несомненные конкурентные преимущества этой системы, применять ее на своих зарубежных филиалах.

Очевидно, что часть этих проблем связана с тем обстоятельством, что в процессе создания японской системы организации и управления производством ее творцы опирались на социопсихологические характеристики японской нации, сформировавшиеся под влиянием национальной культуры страны — группизм, приоритет коллективных ценностей, стремление к консенсусу и *ва* (гармонии), предпочтение долгосрочных связей и отношений, патернализм, национальная солидарность, эгалитарное сознание и т.д. Благодаря этому им удалось создать систему, которая не только отличалась экономической целесообразностью, но и отвечала представлениям работников о том, что такое компания и как она должна управляться⁴.

Понятно, что часть сбоев, которые происходят в японской системе при переносе ее на другую национальную почву, в другую культурную среду, связана именно с ее национальной спецификой. Однако, на наш взгляд, значение этого фактора все-таки не следует переоценивать. Ведь если обратиться к основным элементам, формирующим основу как системы организации процесса производства, так и системы организации труда в японских компаниях, то нетрудно заметить, что все они отличаются рациональностью и целесообразностью, а следовательно, представляют ценность и вне национального японского контекста.

Поскольку вопрос о возможности применения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах японских компаний представляет не только чисто академический, но и большой практический интерес, для его изучения в конце 1980-х годов была создана специальная группа — “Japanese Multinational Enterprise Study Group”, состоявшая из японских и зарубежных ученых и специалистов. Этой группой была разработана единая методика оценки степени применения японской системы на зарубежных филиалах и был проведен ряд полевых исследований в разных странах и регионах мира. Результатом этой большой работы стала публикация нескольких коллективных трудов и ряда индивидуальных монографий, которые в совокупности дают достаточно полное представление как об общем характере изучаемого явления, так и о его региональных и страновых особенностях⁵.

Суть методики, использовавшейся названной выше группой, состояла в следующем. Японская система организации и управления производством была расчленена на 23 базовых элемента, степень переноса которых в другую бизнес-среду оценивалась по пятибалльной шкале. Если тот или иной элемент применялся на зарубежных филиалах в абсолютно таком же виде, что и на национальных предприятиях, он получал 5 баллов, означавших высшую степень его аппликативности в местных условиях. А 1 балл означал, что ввиду невозможности внедрения того или иного элемента японской системы он был заменен одним из элементов местной системы управления, т.е. произошла полная адаптация японской модели к местным условиям. Оценки от 2 до 4 баллов получали различные варианты соотношений между аппликативностью и адаптивностью японской модели⁶.

Выделенные в качестве базовых 23 элемента японской системы организации и управления производством с учетом их взаимозависимости и взаимодополняемости были объединены в шесть групп. При этом показатели аппликативности японской системы рассчитывались как по каждому элементу, так и по каждой группе, а также в целом — как среднее арифметическое групповых значений.

Примененная исследователями классификация элементов японской системы организации и управления производством выглядит следующим образом.

Группа 1. Организация процесса труда.

1. Классификация видов работ (учитывается количество квалификационных разрядов и уровней заработной платы).

2. Формирование многопрофильной квалификации (оцениваются широта кругозора и умение работников разрешать проблемы за счет повышения квалификации в процессе ротации).

3. Система образования и обучения (оцениваются возможности организации внутрифирменного обучения в различных формах, включая и переподготовку в Японии).

4. Система заработной платы (учитывается, насколько система заработной платы стимулирует работника к приобретению многопрофильной квалификации, в какой степени принимаются во внимание стаж, квалификация и трудовые показатели).

5. Система продвижения по службе (оцениваются критерии, на основании которых принимаются решения о продвижении работника, и сама система продвижения).

6. Роль мастера участка (принимаются во внимание квалификация и функции мастера участка, а также то, рекрутируется ли он из числа работников компании или нанимается со стороны).

Группа 2. Управление производством.

7. Производственное оборудование (определяется, ввезено ли установленное оборудование из Японии или приобретено на местных заводах, и если да — то в какой степени оно соответствует японскому аналогу).

8. Ремонт и поддержание оборудования (оценивается, в какой степени в этом участвуют производственные рабочие, готовятся ли специалисты, занимающиеся ремонтно-профилактическими работами, в самой компании или нанимаются со стороны).

9. Контроль качества (оцениваются такие аспекты, как разделение труда между контролерами и производственными рабочими, уровень брака на различных стадиях производства, уровень качества конечной продукции).

10. Управление производственным оборудованием (оценивается использование технических возможностей для организации производства разнообразной продукции мелкими партиями, для перестройки работы при меняющихся объемах выпуска и т.д.).

Группа 3. Поставки деталей и материалов.

11. Доля местных поставок в их общем объеме.

12. Доля поставок из Японии или от местных японских субподрядчиков.

13. Условия поставок (оцениваются продолжительность отношений между головной фирмой и ее поставщиками, а также степень применения системы “just in time”).

Группа 4. Групповое сознание.

14. Деятельность малых групп (оценивается степень участия в них работников).

15. Обмен информацией (оцениваются интенсивность обмена информацией между работниками и методы, используемые компанией для стимулирования такого обмена).

16. Чувство единства (учитываются такие моменты, как наличие общих для всех работников столовых, обеспечение персонала фирменной одеждой, использование менеджментом открытых кабинетов, проведение совместных мероприятий).

Группа 5. Трудовые отношения.

17. Процедура найма.

18. Характер занятости (оцениваются показатели текучести кадров и усилия менеджмента по удержанию работников в компании).

19. Гармоничность трудовых отношений (принимается во внимание характер вопросов, выносимых на обсуждение между менеджментом и рядовыми работниками, а также ситуация с забастовками).

20. Разрешение конфликтов (определяется, каким образом разрешаются конфликты и снимается недовольство работников — через мастера участка, профсоюз или другими способами).

Группа 6. Отношения между материнской компанией и ее зарубежным филиалом.

21. Доля японцев в общем числе занятых.

22. Степень независимости филиала (оцениваются делегированный филиалу объем полномочий и степень самостоятельности его менеджмента в выборе продуктов, вопросах инвестирования и найма персонала).

23. Позиции местных управленцев (учитывается доля местных специалистов на постах президента, вице-президента, начальников отделений)⁷.

Поскольку невозможно изложить конкретные методы определения степени аппликативности японской модели по всем 23 элементам, приведем лишь несколько примеров, дающих представление о подходах и принципах, применявшихся исследователями.

Элемент 2. Формирование многопрофильной квалификации.

5 баллов — система ротации, степень участия производственных рабочих в контроле качества и поддержании хорошего состояния оборудования полностью идентичны японским;

4 балла — система ротации существует, но в основном в пределах группы, производственные рабочие в определенной степени принимают участие в контроле качества и следят за состоянием оборудования;

3 балла — ротация осуществляется только в пределах рабочей группы, иногда работники участвуют в контроле качества и поддержании хорошего состояния оборудования;

2 балла — ротация не является обычной практикой, но производственные задания могут меняться в зависимости от изменения спроса, модельного ряда и т.д.; как правило, производственные рабочие не участвуют в контроле качества и поддержании оборудования;

1 балл — ротация не применяется, трудовые обязанности фиксированы, для осуществления контроля качества и ремонтно-профилактических работ используются специально обученные работники.

Элемент 4. Система заработной платы.

5 баллов — система в своей основе соответствует японской: уровень заработной платы зависит от возраста, положения, квалификации и способностей работника; различия между системами заработной платы синих и белых воротничков минимальны;

4 балла — уровень заработной платы отражает возраст и положение работника; доля дополнительных выплат в общей сумме заработной платы меньше, чем в Японии, но в них существенная часть связана с оценкой индивидуальных способностей;

3 балла — система заработной платы в основном соответствует практике данной страны, но одновременно применяются дополнительные выплаты, учитывающие главным образом способности работника;

2 балла — система заработной платы определяется практикой данной страны, объем дополнительных выплат незначителен и не зависит от способностей работника;

1 балл — система заработной платы полностью соответствует практике данной страны.

Элемент 5. Система продвижения по службе.

5 баллов — производственные рабочие могут быть продвинуты до уровня мастера участка, а иногда — и на должности управленцев среднего звена; продвижение в определенной степени зависит от продолжительности работы в данной компании; для производственных рабочих обязательна рекомендация мастера участка;

4 балла — в целом такая же система, но наиболее высокий пост для продвижения производственных рабочих — мастер участка;

3 балла — позиции менеджеров, включая и мастера участка, занимают работники как подготовленные в компании, так и нанятые со стороны; производственные рабочие получают более высокие разряды с учетом продолжительности стажа и трудовых показателей;

2 балла — продвижение по службе внутри компании применяется частично, существуют различия в принципах продвижения для синих и белых воротничков; система продвижения основана на учете уровня образования и квалификации, приобретенной вне компании;

1 балл — система соответствует местной практике.

Элемент 7. Производственное оборудование.

5 баллов — оборудование полностью идентично используемому на японских заводах;

4 балла — 75% оборудования идентично японскому; все оборудование идентично японскому, но несколько старше последнего или в меньшей степени автоматизировано;

3 балла — 50% оборудования соответствует используемому на японских заводах;

2 балла — 25% оборудования соответствует используемому на японских заводах;

1 балл — оборудование отличается от используемого в Японии.

Элемент 11. Доля местных поставок (деталей и материалов) в их общем объеме.

5 баллов — менее 20%;

4 балла — 20–39%;

3 балла — 40–59%;

2 балла — 60–79%;

1 балл — более 80%⁸.

Очевидно, что в разработанной исследователями классификации большая часть элементов японской системы организации и управления производством, которые принимались во внимание (прежде всего элементы групп 1, 4 и 5), либо прямо, либо косвенно связана с особенностями социальных отношений и социально-экономической среды, сформировавшихся в Японии в послевоенный период. И хотя, как уже отмечалось, с экономической точки зрения эти элементы вполне рациональны и целесообразны, понятно, что они не могут быть напрямую встроены в другую социально-экономическую среду, в другую культуру управления. Это наглядно подтверждают и данные приводимой ниже таблицы.

Степень внедрения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах промышленных компаний (средний балл)*

Регион, страна	Группа элементов						Средний балл
	1	2	3	4	5	6	
Континентальная Европа	3,0	3,1	2,8	2,7	3,2	3,0	3,0
Великобритания	3,4	3,5	2,5	3,3	3,5	2,8	3,2
Европа в целом	3,1	3,3	2,7	2,9	3,3	2,9	3,1
США	2,9	3,3	3,0	3,2	3,6	3,6	3,3
НИС	3,7	3,5	3,2	3,4	3,4	2,3	3,3
АСЕАН	3,3	3,4	3,2	3,2	3,1	2,9	3,2
Китай	3,5	3,3	3,0	3,0	3,1	2,7	3,2

* Japanese Hybrid Factories (A Comparison of Global Production Strategies). Ed. by Tetsuo Abo. Hampshire, 2007, p. 134–135, 156–157.

Итак, во всех странах и регионах средний показатель степени внедрения японской системы составляет немногим более 3 баллов. Это оз-

начает, что нигде в мире японская система не была перенесена на местные филиалы в полном объеме, а применяемая на них система управления представляет собой некий гибрид, немногим более чем наполовину состоящий из японских элементов и немногим менее чем наполовину — из местных.

Близость показателей, характеризующих степень внедрения японской системы в разных странах и регионах мира, имеет свое объяснение. По-видимому, в силу высокой взаимозависимости и взаимоподдержки всех элементов японской системы невозможность внедрения в чужеродной среде тех из них, которые в наибольшей степени обусловлены социокультурными особенностями японской нации, неизбежно приводит к снижению степени аппликативности и элементов, вполне нейтральных к влиянию этих особенностей. При этом общий для всех регионов показатель, несколько превышающий 3-балльную отметку, отражает, вероятно, существование неких объективных пределов применимости японской системы в другой среде.

Очевидно также, что гибридные системы управления, сформировавшиеся на разных зарубежных японских филиалах, существенно различаются между собой по степени аппликативности тех или иных элементов японской системы, что является прямым следствием различий между странами и регионами с точки зрения культуры, практики управления, уровня социально-экономического развития, характера социальных связей и отношений и т.д. Ниже будут рассмотрены особенности гибридных систем американских и европейских филиалов, а также проанализированы факторы, предопределившие их формирование.

Соединенные Штаты Америки

Как видно из помещенной выше таблицы, оценка степени внедрения японской системы организации и управления производством на американских филиалах — 3,3 балла — является одной из наиболее высоких. Между тем в США японские компании столкнулись едва ли не с самыми серьезными препятствиями при переносе в местную среду своих методов управления. Это было связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, массовое создание японских промышленных филиалов в Америке началось раньше, чем в других странах, когда японские фирмы еще не имели достаточного опыта в этой области. Так, число японских предприятий в США стало быстро нарастать еще с начала 1980-х годов в ответ на принятие Японией так называемых добровольных экспортных ограничений (1981–1993), в то время как в Азии и Европе бум открытия японских филиалов пришелся на конец 1980-х — 1990-е годы.

Во-вторых, в Америке японские компании столкнулись с сильным сопротивлением со стороны глубоко укоренившейся в послевоенный период системы управления массовым производством Форда-Тэйлора.

Преодоление этого сопротивления осложнялось тем, что именно благодаря системе Форда-Тэйлора Америка достигла самых высоких в мире показателей производительности труда в целом ряде отраслей и обеспечила высокую международную конкурентоспособность своей продукции.

В-третьих, многие японские компании, стремясь снизить степень риска, связанного с открытием дела в чужеродной бизнес-среде, на первых порах предпочитали выступать не самостоятельно, а в партнерстве с американскими фирмами — либо используя существующие предприятия (по типу brown field), либо строя новые (по типу green field). Понятно, что это существенно ограничивало возможности применения японской стороной своих методов организации и управления производством.

Однако, существовали и обстоятельства, которые, напротив, благоприятствовали внедрению японской системы на американских филиалах.

Ко времени, когда началось массовое открытие в Америке филиалов японских промышленных компаний, т.е. к началу 1980-х годов, японская система организации и управления производством уже успела снискать репутацию хотя и специфической, но весьма эффективной модели управления. Этому способствовал стремительный прорыв японских компаний на мировые рынки, ставший возможным благодаря организации выпуска миллионными партиями широкого спектра высококачественной продукции при более низких, чем у конкурентов, издержках. С другой стороны, изменения, происходившие в структуре мирового спроса — сокращение жизненного цикла продуктов, ускорение обновления товарной номенклатуры, все большая сегментация производственного спроса и все большая индивидуализация потребительских предпочтений, — объективно усиливали конкурентные преимущества японской системы гибкого мелкосерийного производства и, напротив, ослабляли позиции американской системы массового производства, требуя ее определенной трансформации. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в отраслевом составе филиальной сети японских компаний в США с самого начала доминирующие позиции заняло автомобилестроение (в 2008 г. на него приходилось около 60% общего объема производства и 45% занятых на всех японских промышленных филиалах в США⁹), т.е. отрасль, в которой конкурентные преимущества японских компаний и японской системы управления были наиболее очевидны.

Как видно из данных приведенной выше таблицы, на американских гибридах наименьший балл аппликативности — 2,9 — получила группа 1, включающая элементы, связанные с организацией процесса труда. Очевидно, что этот факт является отражением глубоких различий между базовой логикой американской системы организации процесса труда и принципами, лежащими в основе японской системы.

Интересно отметить: для того чтобы уменьшить «дурное» влияние американской системы организации труда и поддерживавших ее американских

профсоюзов, японские компании — независимо от того, в какой отрасли они оперировали — предпочитали открывать предприятия в местах, отдаленных от традиционных промышленных центров. В частности, автомобильные компании всячески избегали района Детройта, а отдавали предпочтение аграрным районам, хотя неразвитость в них отраслей, смежных с автомобилестроением, создавала дополнительные проблемы¹⁰.

Среди элементов группы 1 самые низкие баллы получили 4-й (Система заработной платы) и 2-й (Формирование многопрофильной квалификации) — 2,4 и 2,6 балла соответственно. Что касается организации заработной платы, то традиционная американская система представляла классический вариант системы, ориентированной на выполняемую работу (а не на работника, как в Японии). Она основывалась на детальной классификации видов работ, каждому из которых соответствовал определенный уровень заработной платы. Классификация видов работ и соответствующая ей шкала заработной платы отличались громоздкостью и сложностью и практически исключали использование такого важного элемента японской системы, как оценка способностей работника и вознаграждение его за усердие, квалификацию и профессионализм.

Как показали результаты проведенных на американских филиалах исследований, с течением времени японским управленцам удалось несколько упростить систему классификации работ и заработной платы на своих филиалах (в частности, за счет введения «единого статуса» для всех производственных рабочих), но в то же время их усилия внедрить систему оценки способностей и усердия работников практически не дали результатов.

То же самое можно сказать и о формировании многопрофильной квалификации — основы основ японской системы организации труда. Традиционная американская система, в которой каждый работник (а не группа, как в Японии) выполняет четко определенный вид работы, соответствующий его квалификации, объективно ограничивает поле деятельности работников, а следовательно — и возможности формирования многопрофильной квалификации. При этом и профсоюзы тщательно следят за тем, чтобы каждый выполнял только предписанную ему работу. Ротация видов работ — важный инструмент формирования многопрофильной квалификации в японских фирмах — на американских филиалах также имеет чисто номинальное значение. В автомобильной промышленности, например, она подменяется практикой смены работы каждые два часа с целью выравнивания трудовой нагрузки¹¹.

Однако на некоторых направлениях японский менеджмент был более успешен. Так, например, на многих филиалах удалось организовать систему внутрифирменного обучения (преимущественно на рабочем месте), хотя эта практика и не носит систематического характера. Довольно успешными оказались и попытки внедрить японскую систему формирования квалификации на рабочем месте путем использования местной практики детального описания видов работы, а именно путем включения

в соответствующие руководства в качестве обязательных новых приемов и методов работы. Наконец, на многих заводах удалось за счет упрощения и придания большей гибкости американской системе увязать местную норму продвижения на основе принципа старшинства (связанную с детальным описанием работы) с общей оценкой потенциала работника при переводе его на более высокооплачиваемую работу или при продвижении по службе¹².

Традиционная американская система организации труда сказала на показателях аппликативности и ряда других элементов. Так, очевидно, что низкая оценка (2,5 балла) степени внедрения 14-го элемента (Деятельность малых групп), которая в Японии, как известно, осуществляется в нерабочее время, на добровольной и безвозмездной основе, отражает невозможность его применения на американских филиалах как из-за жесткой позиции профсоюзов в отношении продолжительности и оплаты сверхурочных работ, так и в силу особенностей менталитета американских рабочих (таких, например, как конфронтационность отношений с менеджментом, отчужденность от дел компании и т.д.). На тех предприятиях, где эта система была внедрена, она охватывает крайне незначительное число работников, участие в ней носит обязательный характер, а выносимые на обсуждение проблемы касаются главным образом рабочей атмосферы.

Очевидна также прямая связь между низкой (2,6 балла) оценкой степени внедрения 8-го элемента (Ремонт и поддержание оборудования) и американской системой детальной классификации работ, при которой практически невозможно убедить производственных рабочих взять на себя дополнительные функции по поддержанию и профилактическому ремонту оборудования, что является обычной практикой на национальных японских предприятиях¹³.

Не прижилась на американских филиалах и японская система контроля качества, основанная на принципе встроенности этой функции в процесс производства. Оценка 3,4 балла, полученная 9-м элементом, означает, что внедрение принципов японской системы контроля качества наталкивается здесь на значительные трудности, что процент брака в производстве выше, чем на национальных японских предприятиях, и что для контроля качества как на промежуточных стадиях, так и на конечной требуются специально обученные работники и в количестве существенно большем, чем в Японии¹⁴. Очевидно, что наряду с практикой детальной классификации работ трудности на пути внедрения японских принципов контроля качества на местных филиалах создает и получившая широкое распространение в американской промышленности в послевоенный период система статистического контроля качества, впервые примененная на военных заводах еще в годы Второй мировой войны.

Как показывают данные рассматриваемой таблицы, на американских филиалах наряду с группой 1 наименьшей степенью аппликативности отличается также группа 3 (Поставки деталей и материалов) — 3,0 балла.

При этом среди входящих в эту группу элементов самую низкую оценку получил 13-й (Условия поставок) — 2,5 балла. Это означает, что, хотя среди местных поставщиков значительную часть составляют пришедшие в Америку субподрядчики головных японских компаний, здесь не удалось распространить на всю сеть субподрядных работ широко известную японскую систему “just in time”, предполагающую полную синхронизацию работы головной фирмы и ее поставщиков различных уровней. Правда, в США вследствие высокого технического уровня национальных предприятий и их готовности сотрудничать с головными фирмами японские компании практически не имеют проблем с качеством деталей и материалов, благодаря чему доля местных поставок в общем их объеме неуклонно возрастает (в последние годы она составляла уже порядка 80%).

Отличительной особенностью американского гибрида является также более высокая, чем в других странах и регионах, степень аппликативности элементов группы 6 (Отношения между материнской компанией и ее зарубежным филиалом) — 3,6 балла. Входящие в эту группу элементы измеряют степень независимости филиала в принятии разного рода управленческих решений и то, насколько велика доля японцев среди персонала, в частности на высших управленческих постах. При этом система оценок выстроена таким образом, что чем более зависим филиал и чем больше представителей материнской фирмы работает на нем, тем выше и показатель аппликативности. С учетом этого можно сделать вывод, что в Америке из-за сильного сопротивления местной среды японские компании для внедрения своей системы организации и управления производством вынуждены были полагаться на японских специалистов и управленцев в гораздо большей степени, чем в других регионах. В частности, в Америке им пришлось столкнуться с неприятием местными менеджерами японских принципов взаимоотношений между белыми и синими воротничками, их нежеланием поступиться своими привилегиями (отдельными стоянками для автомобилей, богато обставленными кабинетами, отдельными столовыми и т.д.), не говоря уже об их сопротивлении сокращению разрыва в заработной плате и размерах бонусов между ними и производственными рабочими.

Что же касается отношений между менеджментом и рядовыми работниками на американских филиалах, то они, напротив, носят вполне гармоничный характер, о чем свидетельствует достаточно высокий балл (3,6), полученный элементами группы 5 (Трудовые отношения). При этом наивысший балл (4,4) получил 19-й элемент (Гармоничность трудовых отношений), оценивающий характер отношений между менеджментом, с одной стороны, и профсоюзом и работниками — с другой и усилия менеджмента по созданию благоприятной атмосферы на предприятии. Это означает, что в отличие от местных специалистов и менеджеров рядовые работники американских филиалов вполне позитивно восприняли японские принципы внутрифирменных отноше-

ний — факт, который может расцениваться как большой успех японского менеджмента, тем более что на национальных американских предприятиях, как известно, эти отношения носят обычно ярко выраженный конфронтационный характер.

Итак, выше были рассмотрены наиболее характерные черты гибридной модели организации и управления производством, сформировавшейся на американских филиалах японских промышленных компаний. Хотя эта модель существенно отличается от своего японского прототипа, с экономической точки зрения она, по-видимому, достаточно эффективна, поскольку число японских филиалов в США непрерывно увеличивается, а масштабы их операций и доля на американском рынке возрастают.

При этом следует отметить, что японская система организации и управления производством не только изменила управленческую среду на самих филиалах, но и оказала влияние на ситуацию в независимых американских компаниях, приведя к определенной «японизации» их систем управления. Поскольку эта тема выходит за рамки задач данной работы, приведем лишь некоторые примеры. Так, три ведущие автомобильные компании США еще в 1980-е годы стали применять на своих заводах «концепцию команд». Команда, состоящая из 8–15 человек и возглавляемая координатором, решает разного рода вопросы — от производственных до социальных (распределение производственных заданий, определение режима сверхурочных работ, составление графика отпусков, взаимодействие с другими командами и т.д.). Одновременно была существенно упрощена классификация видов работ и введена надбавка за получение дополнительных знаний (pay-for-knowledge). Более того, были даже организованы общие для всех парковки и столовые, а также введена простая фирменная одежда для менеджеров и специалистов¹⁵.

Европа

Европа стала рассматриваться японскими промышленными компаниями как важное направление в их стратегии глобализации с конца 1980-х годов, чему способствовали факторы как общего порядка (обострение торговых противоречий и рост курса иены), так и специфические, связанные с ожиданиями дополнительных выгод от европейской экономической интеграции. При этом особенностью макросреды, с которой столкнулись здесь японские компании, было то, что в отличие от США, где не было никаких ограничений в отношении японских прямых инвестиций, в Европе сначала на национальном уровне, а после происшедшего в 1992 г. объединения — на общеевропейском существовало жесткое регулирование их режима (главным образом в автомобилестроении и электромашиностроении). Ограничения касались размеров инвестиций, доли японских компаний на местных рынках и в экспорте и даже местоположения предприятий. Кроме того, во всех странах были установ-

лены довольно высокие нормы в отношении доли местного компонента в стоимости продукции. При этом часто в обмен на разрешение открыть предприятие японские компании вынуждены были брать на себя обязательства об ограничении экспорта в страну-реципиент тех или иных товаров. Эти ограничения продолжали действовать вплоть до конца 1990-х годов, и только в начале 2000-х в связи с усилением и укреплением Евросоюза и в ответ на ужесточение глобальной конкуренции японские инвестиции стали, напротив, приветствоваться и поощряться и режим регулирования был отменен¹⁶.

С учетом ограничений, существовавших в Европе, а также с целью избежать прямой конкуренции с местными производителями японские компании предпочитали открывать филиалы в форме совместных предприятий, причем, как правило, некрупных размеров. Очевидно, что наряду с особенностями местной среды этот факт также оказал влияние на отличительные черты гибридной модели, сформировавшейся в Европе.

Как видно из данных анализируемой таблицы, при изучении положения дел на европейских филиалах исследователями были выделены две гибридные модели — британская и континентальная, довольно заметно различающиеся по степени аппликативности отдельных групп элементов. При этом британская модель с точки зрения японцев — почти идеальна. С одной стороны, здесь в достаточно высокой степени внедрены базовые элементы японской системы организации и управления производством (группы 1 и 2), а с другой — достигнута высокая доля местных поставок деталей и материалов и сведено к минимуму число японцев среди управленцев и специалистов, что позволяет снизить издержки производства и гармонично вписаться в местную бизнес-среду¹⁷.

Остановимся вначале на отличительных чертах британской модели. Прежде всего следует отметить, что в немалой степени успехи японских компаний во внедрении своей системы в Великобритании связаны с тем, что здесь они с самого начала были гораздо более активны, чем в странах континентальной Европы. По масштабам инвестиций и по размерам предприятий британские филиалы значительно превосходили те, что создавались на континенте, поэтому и заинтересованность менеджмента во внедрении японской системы была здесь существенно выше. Кроме того, местная среда была достаточно благоприятна для японских компаний, так как из-за падения международной конкурентоспособности английской промышленности бизнес активно искал пути повышения эффективности национальной системы управления и был открыт для инноваций.

Как показывают данные таблицы, средняя по британскому гибриду оценка аппликативности японской системы составляет 3,2 балла, в том числе по группе 1 (Организация процесса труда) — 3,4 балла, по группе 2 (Управление производством) — 3,5 балла, по группе 4 (Групповое сознание) — 3,3 балла, по группе 5 (Трудовые отношения) — 3,5 балла.

В группе 1 наивысший балл аппликативности получил 1-й элемент (Классификация видов работ) — 4,4 балла, а наинизший — 4-й элемент

(Система заработной платы) — 2,8 балла. Поскольку эти элементы тесно связаны между собой, столь существенная разница в степени их аппликативности нуждается в пояснении.

В Великобритании, в отличие от США и континентальной Европы, влияние общепрофессиональных профсоюзов на определение условий труда невелико, и на практике каждая компания имеет свою собственную систему классификации видов работ и соответствующую ей шкалу заработной платы. При этом существуют отдельные системы классификации работ для производственных рабочих, работников, занятых ремонтно-профилактическими работами, и контролерами. Однако, поскольку изначально эта система была не так громоздка и жестка, как в США, японским компаниям не потребовалось больших усилий, чтобы упростить ее еще больше и приблизить к японской системе (прежде всего в автомобильной промышленности, где для «синих воротничков» было введено всего два статуса — производственные рабочие и квалифицированные специалисты).

Что же касается заработной платы, то за основу была принята национальная система, подвергшаяся лишь небольшим изменениям. Хотя эта система ориентирована на оценку не работника, а выполняемой им работы, она оставляет довольно широкий простор для применения японских принципов. Так, несмотря на то что уровень заработной платы соответствует определенной квалификации, здесь практиковался и учет результатов работы, поэтому у японских компаний на британских филиалах не было проблем с внедрением принципа учета качества выполнения работы. В результате разница в заработной плате у работников одинаковой квалификации доходила до 25%¹⁸. Кроме того, местные правила, запрещающие смену работы при сохранении прежнего уровня заработной платы, были использованы японским менеджментом для стимулирования формирования многопрофильной квалификации. Без особого сопротивления со стороны менеджмента на британских филиалах были также унифицированы системы оплаты труда для синих и белых воротничков (прежде синие воротнички получали почасовую заработную плату, а белые — жалованье). Но в то же время японцам не удалось изменить особый подход местного менеджмента к техническим специалистам. Если в Японии производственные рабочие и персонал, занимающийся ремонтом и поддержанием оборудования, нанимаются на одинаковых условиях и разницы между ними в оплате труда не существует, то в Великобритании эти различия весьма велики и закладываются еще на рынке труда.

Среди прочих местных особенностей, способствовавших формированию на британских филиалах «близкого к идеальному» гибрида, следует назвать также существующие здесь традиции повышения квалификации производственных рабочих на основе системы ученичества, что предопределило весьма высокую степень аппликативности 3-го элемента (Система образования и обучения) — 3,5 балла. Более гибкий, чем в США,

подход к классификации видов работ и высокая культура производства позволили также достичь здесь более высоких результатов с точки зрения встраивания контроля качества в производственный процесс (3,6 балла), хотя процент брака на британских предприятиях все-таки выше, чем в Японии, а контрольными функциями занята существенно большая доля работников, чем на национальных японских предприятиях. Наконец, благодаря существованию в Великобритании института рабочих советов, выбираемых рядовыми работниками для переговоров с менеджментом об условиях труда, которые японские управленцы стали использовать как аналог японской системы консультаций, высокие оценки на британских филиалах получили элементы группы 5, характеризующие сферу трудовых отношений, в частности наиболее высокий балл — 4,2 — получил 19-й элемент (Гармоничность трудовых отношений).

Очевидно, что на эти оценки повлияли также усилия японской стороны преодолеть характерные для британского общества и национального сознания социально-классовые барьеры. И хотя местные менеджеры и специалисты рассматривали эти усилия как «лишенные здравого смысла», они, в отличие от их американских коллег, не слишком противились организации общих столовых и парковок и введению обязательной для всех фирменной одежды¹⁹.

Среди прочих особенностей британского гибрида следует отметить весьма низкую (2,7 балла) оценку степени аппликативности 14-го элемента — Деятельность малых групп. Как и в случае США, она отражает существование глубоких различий в ментальности японских и британских рабочих, в их ощущении своего места и роли в процессе производства, в оценке значения работы в компании для них самих и для членов их семей.

Что касается континентальной Европы, то, хотя европейские страны заметно различаются между собой с точки зрения уровня социально-экономического развития, особенностей деловых отношений, истории, культуры и т.д., между ними есть и много общего. Это и позволило исследователям выделить сформировавшийся здесь гибрид в отдельный тип, структуру которого формируют средние для этой группы стран показатели.

Как показывают данные рассматриваемой таблицы, гибрид, сформировавшийся в странах континентальной Европы, существенно отличается от британского. Причем в первую очередь эти отличия касаются основополагающих элементов японской системы, а именно элементов групп 1, 2, 4 и 5.

Степень аппликативности элементов группы 1 (Организация процесса труда) составляет 3,0 балла, в том числе по 1-му элементу (Классификация видов работ) — 3,2 балла, по 2-му элементу (Формирование многопрофильной квалификации) — 2,8 балла, по 4-му элементу (Система заработной платы) — 2,8 балла.

Как и в Великобритании, в странах континентальной Европы существует система классификации работ и привязанная к ней шкала заработ-

ной платы, ориентированная на оценку работы, а не работника. Однако в отличие от Великобритании, где каждая компания достаточно свободна в своей трудовой политике, здесь существуют национальные системы регулирования трудовых отношений, и все компании должны следовать установленным нормам. Так, например, заработная плата устанавливается в соответствии с классификацией видов работ и шкалой заработной платы, определяемых отдельно для каждой отрасли на основе соглашений между отраслевыми профсоюзами и менеджментом. Однако при этом компании имеют возможность вносить в систему классификации работ некоторые изменения (дробить или, наоборот, сокращать число позиций)²⁰. Именно благодаря этой практике японским компаниям удалось заметно упростить эту систему на своих европейских филиалах.

Что касается заработной платы, то местные системы, ориентированные на оценку работы и опирающиеся на общенациональные соглашения, в основе своей остались неизменными. Однако характерный для этих систем учет наряду с квалификацией работника и результатов его труда позволил японским менеджерам несколько приблизить их к японской модели за счет введения дополнительных выплат, увязанных с оценкой индивидуальных качеств работника (усердие, ответственность и т.д.). Благодаря этому разница в оплате работников одинаковой квалификации стала составлять от 5 до 25%.

С немалыми трудностями были сопряжены и попытки японских компаний внедрить принцип формирования многопрофильной квалификации. Следует отметить, что в разных европейских странах существуют различные системы получения признаваемой на национальном уровне квалификации. В Германии, например, она приобретает главным образом в школах профессионального обучения, а во Франции сочетается обучение в компании с профессиональным обучением. При этом, не говоря уже о квалификации, полученной в системе профессионального обучения, квалификация, приобретенная в компании, является общественно признаваемой и становится основанием для получения соответствующего ей рабочего места в любой компании отрасли. Хотя с точки зрения японских управленцев общественно признаваемая квалификация выглядит по меньшей мере странно, они вынуждены были полагаться на существующую практику, одновременно пытаясь внедрить различные способы повышения квалификации на самих филиалах. Так, с помощью введения специальных доплат была организована система внутрифирменного обучения для производственных рабочих (но не на системной основе, как в Японии, а на периодической и главным образом на рабочем месте), а мастера участков и технические специалисты, занятые ремонтно-профилактическими работами, иногда даже направляются на заводы в Японию. Кроме того, для целей формирования многопрофильной квалификации в качестве стимулов в определенной степени были использованы укоренившаяся здесь практика признания на общенацио-

нальном уровне квалификации, приобретенной в компании, а также принцип повышения заработной платы в соответствии с ростом квалификации, лежащий в основе местных систем классификации видов работ и заработной платы. Что же касается еще одного метода формирования многопрофильной квалификации — ротации, то на европейских филиалах она происходит главным образом в пределах группы и не является, как в Японии, средством овладения новыми профессиями.

Невысоки показатели внедрения японской системы и по таким элементам, как участие производственных рабочих в поддержании хорошего состояния оборудования (2,8 балла) и деятельность малых групп (2,5 балла). Несколько лучше обстоят дела в области встраивания контроля качества в производственный процесс (3,1 балла) и с точки зрения результативности усилий менеджмента по удержанию нужных работников в фирме (3,2 балла). В частности, что касается последнего элемента, то благоприятную почву для усилий японских менеджеров создала распространенная в Европе практика строгого регулирования сокращения штатов и контроля за увольнениями со стороны отраслевых профсоюзов²¹.

Наконец, как и в Великобритании, в странах континентальной Европы японцы обнаружили систему рабочих советов (достаточно независимых от профсоюзов и гораздо менее воинственных, чем последние), которые они стали использовать для решения разного рода производственных вопросов. И хотя 19-й элемент (Гармоничность трудовых отношений) получил здесь более низкий балл, чем в Великобритании (соответственно 3,5 и 4,2), в целом подходы японцев к сфере трудовых отношений воспринимаются благожелательно не только синими, но и белыми воротничками.

Таким образом, в Европе вопреки ожиданиям, что в результате внедрения в послевоенный период американских технологий и методов массового производства местная система управления должна быть подобна американской, японцы обнаружили модель, существенно отличающуюся от последней. При этом оказалось, что она обладает рядом черт, сходных с японской системой. Так, достаточно широко распространенная практика накопления производственного опыта в процессе внутрифирменного обучения, по мнению японских менеджеров, соответствует логике японской системы формирования многопрофильной квалификации. Дифференциация заработной платы работников одной и той же квалификации в зависимости от результатов их труда не противоречит принципу оценки индивидуальных способностей, лежащему в основе японской системы заработной платы. Наконец, институт рабочих советов, выбираемых для переговоров с менеджментом об условиях труда, по сути выполняет функции японских пофирменных профсоюзов. Иными словами, отличаясь по форме от японских, по своим функциям эти элементы европейской системы весьма близки к ним, т.е. являются их функциональными эквивалентами, что, несомненно, облегчило задачу внедрения японской системы на европейских филиалах²².

Завершая раздел о внедрении японской системы организации и управления производством на европейских филиалах, остановимся на вопросе о том, как обстоят дела в этой сфере на филиалах, расположенных в странах Центральной и Восточной Европы.

В этом регионе массовое создание японских предприятий началось в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда, с одной стороны, бывшие социалистические страны уже прошли самый сложный этап переходного периода, а с другой — полным ходом шла подготовка к их вступлению в Евросоюз. В стратегии глобализации японских промышленных компаний этот регион стал рассматриваться как опора для завоевания огромного рынка, охватывающего как Евросоюз, так и бывшие республики СССР. Большинство открытых здесь японских филиалов заняты в производстве деталей для электромашиностроения и автомобилестроения, хотя есть и несколько крупных сборочных заводов. При этом основная часть инвестиций и филиалов сконцентрирована в трех странах — Чехии, Польше и Венгрии.

Особенностью макросреды, с которой столкнулись здесь японские компании, было сохранение в разных областях наследия плановой экономики и неполное соответствие рыночной модели (в частности, в области трудовых отношений). В то же время с началом переходного периода сюда устремился западный капитал, принесший с собой и свою систему организации и управления производством. Поэтому, для того чтобы внедрить на местных филиалах японскую систему управления, компании с самого начала сделали ставку на создание предприятий, полностью находящихся в их собственности.

Гибридная модель, сформировавшаяся в этом регионе, с точки зрения аппликативности получила такие баллы²³:

Группа элементов	Средний балл
Группа 1 (Организация процесса труда)	3,3
Группа 2 (Управление производством)	3,3
Группа 3 (Поставки деталей и материалов)	2,6
Группа 4 (Групповое сознание)	2,8
Группа 5 (Трудовые отношения)	3,3
Группа 6 (Отношения между материнской компанией и ее зарубежным филиалом)	2,8

Если сопоставить эти оценки с оценками, полученными филиалами в Великобритании и странах Западной Европы, то окажется, что восточ-

ноевропейский гибрид занимает промежуточное положение, а по своим характеристикам он ближе к «почти идеальной» британской модели, чем западноевропейский гибрид.

Среди элементов группы 1 наивысшую степень аппликативности — 4,1 балла — получил 1-й элемент (Классификация видов работ). Для японских менеджеров тот факт, что японская система классификации была принята здесь без какого-либо сопротивления, был довольно неожиданным, поскольку в странах Восточной Европы, как известно, долгое время господствовала советская версия американской системы массового производства.

В то же время тесно связанный с классификацией работ 4-й элемент (Система заработной платы) получил лишь 2,9 балла. Однако это не означает, что на восточноевропейских филиалах не практикуется учет индивидуальных достижений и способностей работника. Так, на многих филиалах для этих целей используется система дифференцированных бонусов, выплачиваемых дважды в год.

Весьма высокая оценка (3,4 балла), полученная 3-м элементом (Образование и обучение), говорит о достаточно широком распространении системы внутрифирменного обучения. «Тоёта», например, на своих восточноевропейских заводах для работников, занятых на конвейере, ввела правило — уметь выполнять не менее двух видов работ, а для того, чтобы дорасти до уровня мастера участка, нужно освоить не менее восьми видов работ. Обучение происходит главным образом на рабочем месте, но некоторые работники направляются на западноевропейские филиалы или в Японию²⁴.

Организация внутрифирменного обучения позволила обеспечить неплохой результат и по аппликативности 5-го элемента (Система продвижения по службе) — 3,3 балла. Хотя ввиду недолгого срока работы филиалов на управленческие должности часто нанимаются специалисты со стороны, усиливается значение внутрифирменного продвижения. В частности, на должности мастеров все чаще стали продвигаться наиболее способные производственные рабочие.

Внутрифирменное обучение пока остается и основным способом формирования многопрофильной квалификации (получившей 2,8 балла), поскольку система ротации носит весьма ограниченный характер и происходит в основном в пределах рабочей группы. Это связано, с одной стороны, с недолгим сроком работы филиалов, а с другой — с наличием определенных ограничений. В частности, здесь распространена практика заключения индивидуальных контрактов между работником и предприятием, в котором оговаривается и характер выполняемой работы, причем, как правило, запрещается внесение изменений в содержание работы в одностороннем порядке²⁵.

Достаточно высокая степень аппликативности элементов группы 2 (Управление производством) обеспечена прежде всего за счет установки на местных филиалах оборудования, по уровню соответствую-

щего японским требованиям (7-й элемент, 4,0 балла), а также за счет высокой культуры производства и профессионализма местных рабочих и технических специалистов, позволяющих им грамотно и оперативно решать возникающие производственные проблемы (10-й элемент, 3,4 балла).

Что же касается участия производственных рабочих в поддержании хорошего состояния оборудования, то низкая степень аппликативности этого элемента (2,8 балла) является следствием укоренившейся еще со времени плановой экономики практики раздельного найма и обучения производственных рабочих и наладчиков оборудования (социальный статус последних существенно выше).

С трудом приживается на восточноевропейских филиалах и японский принцип встроенности контроля качества в производственный процесс (3,0 балла). Обычно здесь практикуются два вида контроля: выборочный контроль на промежуточных стадиях и контроль качества каждого продукта на завершающей стадии, что требует содержания в штате значительного числа специально обученных работников. Интересно отметить, что с целью снижения уровня брака японские менеджеры заимствовали из «тоталитарного прошлого» этих стран такой инструмент воздействия, как вывешивание на всеобщее обозрение фотографий работников, допустивших наибольший процент брака²⁶.

Что же касается достаточно высокой оценки, полученной элементами группы 5 (Трудовые отношения) — 3,3 балла, и прежде всего 19-м элементом (Гармоничность трудовых отношений) — 3,8 балла, то усилиям японских менеджеров по созданию благоприятной атмосферы на местных филиалах способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, из-за переходного характера восточноевропейских экономик здесь нет системы жесткого государственного регулирования социальной сферы, а также сильных отраслевых профсоюзов. Во-вторых, вследствие высокого уровня безработицы среди молодежи японские компании через систему тщательного отбора имеют возможность нанять людей, наиболее соответствующих их представлениям о хорошем человеке и хорошем работнике. В-третьих, после вхождения в Евросоюз в соответствии с общими для всех стран-членов требованиями на местных предприятиях были организованы рабочие советы, которые отличаются «миролюбивым характером» и используются для урегулирования отношений между менеджментом и рядовыми работниками.

Наконец, для здешних филиалов японских компаний характерны высокий уровень местных поставок в общем объеме закупок деталей и материалов (более 60%, что объясняется стремлением японских компаний получить налоговые льготы, увязанные с уровнем местного компонента в стоимости продукции), а также крайне незначительное число японцев среди управленцев и специалистов. Последнее обстоятельство говорит не только о высоком профессиональном уровне местных специалистов, на которых вполне можно положиться, но и об их в целом благожелатель-

ном отношении к внедрению японской системы организации и управления производством²⁷.

Таким образом, стремясь использовать на зарубежных филиалах конкурентные преимущества своей национальной системы организации и управления производством, японские промышленные компании сталкиваются с самыми разными проблемами и обстоятельствами. Одни страны оказываются более восприимчивы к японской системе, другие достаточно жестко отторгают ее. Прошедшие со времени открытия первых филиалов годы позволили японским менеджерам накопить ценный опыт управления в чужеродной среде, что, несомненно, позволит поднять эффективность деятельности зарубежных предприятий. В то же время очевидно, что этот опыт может им пригодиться и на отечественных предприятиях, для адаптации национальной системы управления к изменениям, происходящим в самой Японии.

Примечания

¹ См.: *Матрусова Т.Н.* Изменения на рынке труда и в системе управления кадрами в фирмах Японии. — Япония: смена модели экономического роста. М., 1990; *она же.* Японская система управления персоналом в условиях экономической депрессии. — Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998 и др. работы автора.

² *The Japanese Production System. Hybrid Factories in East Asia.* Ed. by Hiroshi Itagaki. Hampshire, 1997, p. 15–24; *The Hybrid Factory in Europe (The Japanese Management and Production System Transferred).* Ed. by Hiroshi Kumoh, Tetsuo Abo. Hampshire, 2004, с. 1–6; *Кавамура Тэцудзи.* Гуробару кайдзай сита-но Америка никкэй кодзё (Японские предприятия в Америке в условиях глобальной экономики). Токио, 2005, с. 366–377.

³ Кавамура Тэцудзи. Цит. соч., с. 54.

⁴ Подробно см.: Японский феномен. М., 1996, гл. 4, п. 3, 4.

⁵ См.: *Japanese Hybrid Factories (A Comparison of Global Production Strategies).* Ed. by Tetsuo Abo. Hampshire, 2007; *The Hybrid Factory in Europe; The Japanese Production System. Hybrid Factories in East Asia; Кавамура Тэцудзи.* Цит. соч.; Тюттоо-но никкэй хайбриддо кодзё (Японские гибридные заводы в Центральной и Восточной Европе). Токио, 2006; *Кёдайкасуру Тюгоку кайдзай то никкэй хайбриддо кодзё (Растущая китайская экономика и японские гибридные заводы).* Под ред. Камияма Кунио. Токио, 2005 и др. работы.

⁶ *The Hybrid Factory in Europe*, p. 8.

⁷ *Ibid.*, p. 9–12.

⁸ *Ibid.*, p. 19–29.

⁹ *Trends in Overseas Subsidiaries.* METI, February 2009, с. 5–6.

¹⁰ *Кавамура Тэцудзи.* Цит. соч., с. 110–111.

¹¹ *Japanese Hybrid Factories*, p. 47–48.

¹² *Ibid.*, p. 54–56.

¹³ *Ibid.*, p. 156.

¹⁴ *The Hybrid Factory in Europe*, p. 24.

¹⁵ *Sheder P.D.* *Industrial Restructuring and Industrial Relations at Three American Firms.* International Labour Office. Geneva, 1991, p. 19–20.

¹⁶ *Japanese Hybrid Factories*, p. 146–151.

¹⁷ *The Hybrid Factory in Europe*, p. 50.

¹⁸ *Japanese Hybrid Factories*, p. 159–160.

¹⁹ *Ibid.*, p. 166.

²⁰ The Hybrid Factory in Europe, p. 6, 19.

²¹ Ibid., p. 9–10.

²² Japanese Hybrid Factories, p. 152.

²³ Тьютоо-но никкэй хайбриддо кодзё, с. 154.

²⁴ Japanese Hybrid Factories, p. 186.

²⁵ Ibid., p. 185.

²⁶ Ibid., p. 186–187.

²⁷ Тьютоо-но никкэй хайбриддо кодзё, с. 154, 158–163.

Т.Н. Матрусова, К.В. Курочкина

ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА ЯПОНИИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

По существу не преодолев последствий экономического спада 1990-х годов, Япония была втянута в орбиту новых потрясений. Мировой финансовый кризис 2008 г. затронул в полной мере и Японские острова. В 2011 г. негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране оказали землетрясение и последовавшие трагические события на атомной станции «Фукусима-1». В этих кризисных условиях наиболее серьезной проблемой в Японии продолжает оставаться положение с занятостью. В стране гремят громкие скандалы с увольнениями персонала из крупнейших фирм, которые всегда являлись форпостами своих отраслей и опорой всей экономики страны.

С 2005 по 2011 г. компания «Фудзи», самый известный в мире производитель фотоносителей и цифровых фотокамер, не выдержав финансов проблем, уволила более 10 тыс. работников¹.

В 2009 г. знаменитые радиоэлектронные компании «Сони» и «Тосиба» радикально сократили свои штаты: «Сони» уволила 16 тыс. человек, в «Тосиба» сокращения коснулись 4,5 тыс. сотрудников. Причем «Сони» пошла на беспрецедентный шаг: из всех уволенных половина являлись ее постоянными сотрудниками, т.е. были наняты по бессрочным контрактам. В докризисной Японии такие сотрудники ни при каких обстоятельствах не подлежали бы увольнениям² В 2010 г. крупнейший в Японии авиаперевозчик компания JAL, потерпев финансовый крах, уволила около 16 тыс. человек³.

В марте 2011 г. генеральный директор «Панасоник», Дзюньитиро Китагава, объявил, что в результате землетрясения пострадало три завода компании и это, скорее всего, приведет к резкому снижению объема продаж цифровых фотоаппаратов. В результате уже в апреле эта корпорация, один из крупнейших в мире производителей бытовой техники и электронных товаров, перешла к радикальным сокращениям своего штата. До марта 2013 г. «Панасоник» планирует уволить 40 тыс. человек как с японских, так и со своих зарубежных предприятий, что составляет около 10% численности персонала этой компании⁴.

© Матрусова Т.Н., Курочкина К.В., 2012

В последние годы политика японских компаний характеризуется усилением замены постоянного персонала на временный или на другой нерегулярно занятый контингент. С 2000 по 2011 г. на предприятиях с числом занятых более 30 человек численность временного персонала выросла на 39%, а постоянного — сократилась на 4%⁵.

Об изменениях, происходящих в настоящее время в структуре занятости рабочей силы в различных отраслях японской экономики, можно судить по данным табл. 1. С 2010 по 2011 г. на предприятиях страны в целом численность временного персонала возросла на 2,7%, тогда как постоянно занятого уменьшилась на 0,1%. В среднем по отраслям наблюдается более значительный прирост занятых по временным контрактам (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа занятых в Японии (февраль 2011 г.)*

Отрасль, предприятия, учреждения	Всего занятых		Занятые полное рабочее время		Занятые неполное рабочее время	
	тыс.	%**	тыс.	%**	тыс.	%**
Все отрасли	44 155	+0,7	31 705	-0,1	12 449	+2,7
Горнодобывающая	23	-2,2	22	-3	1	+16,3
Строительство	2 547	+0,3	2 423	+0,6	125	-5,8
Обрабатывающая	8 232	-0,2	7 100	-0,4	1 132	+0,6
Электро-, газо- и водоснабжение	270	-0,1	262	+0,1	8	-8,0
Связь и информация	1 422	-1,0	1 340	-1,1	81	+0,5
Транспорт	2 627	-0,1	2 237	-0,4	390	+1,6
Торговля	8 542	-0,6	4 898	-1,6	3 644	+0,9
Финансы и страхование	1 412	-0,1	1 250	-0,4	162	+2,2
Недвижимость	667	+0,7	502	-2,3	165	+11,5
Гостиницы, предприятия питания	3 713	+2,1	1 027	+5,8	2 686	+0,7
Медицина, социальное страхование	5 399	+3,6	3 847	+2,0	1 552	+7,7
Образовательные учреждения	2 829	+2,1	2 043	+0,6	786	+6,3
Научные исследования, профессиональные и технические услуги	1 224	+0,8	1 101	-0,5	123	+14,4
Индустрия развлечений и индивидуальных услуг	1 560	+0,7	857	-1,4	703	+3,3
Сфера услуг	687	+3,4	611	+3,4	76	+3,6
Прочие отрасли	3 001	+1,3	2 186	-1,0	814	+7,9

* <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/23/2302pe/2302re.html>. Учтены предприятия с числом занятых 5 и более.

** Изменение по сравнению с февралем 2010 г.

Согласно данным статистики на начало 2011 г., третья часть наемной рабочей силы в Японии относилась к категории частично или временно занятой⁶. Рынок труда становится все более нестабильным, и риск того, что его двойственность получит дальнейшее развитие, очень велик, особенно если учесть тот факт, что в настоящее время лишь небольшой части нерегулярных работников удастся получить постоянную работу.

Двойственный рынок труда при капитализме — отнюдь не редкость, однако в Японии это явление отличается большой спецификой, поскольку приобрело практически институциональную форму. Такое разделение рынка труда в Японии произошло в результате возникновения своеобразной системы долговременной занятости (так называемого пожизненного найма), которую японскому бизнесу вместе с государством удалось воссоздать после Второй мировой войны на крупных предприятиях. Эта система во многом подпитывается за счет периферийного рынка «второсортной» рабочей силы, лишенной гарантии занятости и многих других социальных защит. Крупный бизнес по существу монополизировал значительную часть рабочей силы, как бы «закрыв» ее от внешнего мира. Важнейшим следствием системы «пожизненного найма» явилось довольно жесткое разделение рынка труда на две части — закрытую и открытую, в пределах которых рабочая сила была поставлена в различные условия найма.

В 1970-е и, особенно, в 1980-е годы, когда стало сокращаться число постоянных рабочих мест и возникла угроза повышения уровня безработицы, в Японии начала бурно развиваться временная и частичная занятость, которая сосредоточилась на открытом рынке труда. К концу 1980-х годов в Японии насчитывалось более 5 млн. частично занятых работников, что составляло примерно 12% общей численности лиц наемного труда. Такая занятость была характерна прежде всего для женщин: в общем числе частично занятых на них приходилось около 70%. За период с 1970 по 1990 г. доля частично занятых в общей численности работающих женщин увеличилась вдвое. В 1970 г. она составляла 12,2%, в 1975 г. — 17,4, в 1980 г. — 19,3, в 1985 г. — 22,0%, а в 1990 г. превысила 25%. В 1990-е годы среди женщин доля частично занятых была выше, чем среди наемной рабочей силы в целом.

Многие, и прежде всего женщины, искали работу именно на условиях частичной занятости, стремясь сочетать свои личные интересы с возможностью получать доход от труда. Для женщин особый интерес представляла, в частности, близость места работы к дому, что давало им возможность совмещать семейные обязанности с трудовой деятельностью. Поэтому половина частично занятых работала в 15 минутах, а до 80% — в 30 минутах езды от дома. Наряду с женщинами в стране появился и стал быстро увеличиваться и другой отряд частично занятых — студенческая молодежь, которая зарабатывала таким способом средства на жизнь и обучение.

Традиционно рабочие места на условиях частичной занятости предлагались там, где от исполнителей не требовался высокий уровень ква-

лификации. Поэтому среднечасовой заработок частично занятого персонала составляет в среднем лишь 40% от заработка работников, нанятых на полный рабочий день. Однако следует подчеркнуть, что разрыв в заработках лиц этих категорий гораздо больше, чем разница в производительности труда, поэтому для бизнеса использование труда частично и временно занятого персонала всегда было особенно выгодно.

Несмотря на то что значительная часть рабочей силы из-за существования институционально оформленной двойственной структуры рынка труда оказывается в Японии в дискриминационных условиях, факт остается фактом: по самым скромным подсчетам в период высоких темпов экономического роста система «пожизненного найма» обеспечивала надежной работой не менее 30% лиц трудоспособного возраста, составлявших армию мужчин-кормильцев семей — костяк рабочей силы и социальную опору японского государства.

Следует подчеркнуть, что во многом благодаря такому построению рынка труда безработица в Японии в течение почти всего послевоенного периода находилась на уровне статистической погрешности и составляла менее 1%, в результате чего страна не испытывала социальных потрясений. Эта система способствовала стабилизации рынка труда не только в периоды высокой конъюнктуры, но, самое главное, была включена в антикризисный механизм как его надежная составная часть.

Выход из кризиса с использованием системы «пожизненного найма», поддерживаемой государством, значительно отличается от развития событий в условиях свободных рыночных отношений. В соответствии с классической схемой если рецессия продолжается достаточно долго, сопутствующее ей сокращение потребностей экономики в рабочей силе неизменно перерастает в вал массовых увольнений, в рост безработицы и обострение социальной ситуации. Такой ход событий при всех социальных издержках считается неизбежным и в известном смысле даже экономически целесообразным. Наличие незанятой массы рабочей силы рассматривается как резерв, необходимый для выхода экономики из стадии падения, поскольку он позволяет бизнесу в нужный момент быстро переключиться на режим подъема и без труда восстановить необходимый объем деятельности. В свою очередь, это ставит государство перед необходимостью следовать главным образом принципам «пассивной» политики, компенсирующей результаты возникновения безработицы. Политика эта направлена прежде всего на обеспечение безработных средствами к существованию, оставляя в тени деятельность фирм по созданию рабочих мест и стимулированию роста занятости.

Поскольку государственная трудовая политика в Японии формируется с ориентацией на существование внутрифирменной практики «пожизненного найма» и на ее поддержку, положение на рынке труда в пе-

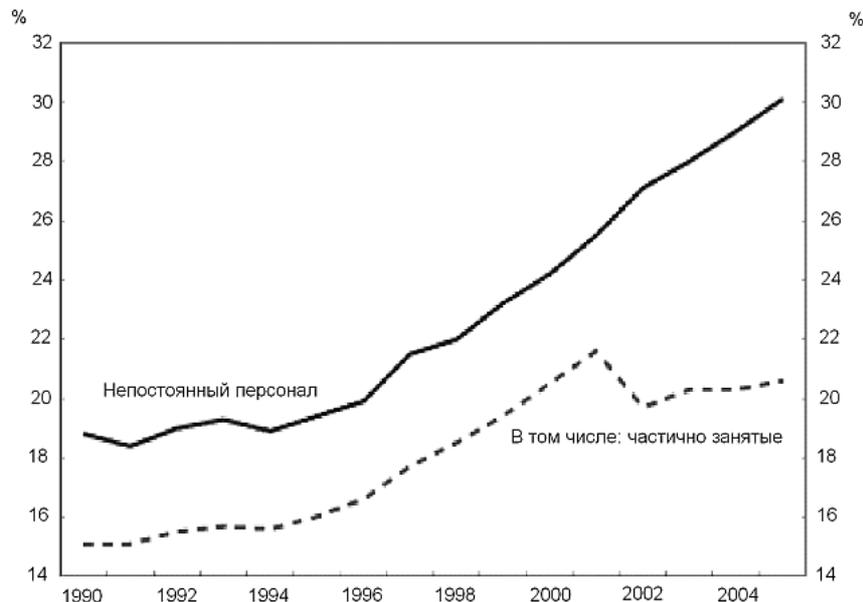
риоды циклических спадов здесь развивается по другой схеме. Различия начинаются с установки на то, чтобы крупные компании вообще не увольняли персонал до тех пор, пока у них имеется возможность справиться с ситуацией собственными средствами.

Прежде всего компании сокращают сверхурочные работы, доля которых в структуре рабочего времени в Японии традиционно весьма велика. Следующим шагом служит перевод лишней рабочей силы из депрессивного сектора бизнеса в те отделения и филиалы, которые развиваются более успешно. Обычно крупным японским компаниям сделать это бывает нетрудно. Процесс перераспределения рабочей силы в пределах корпораций-гигантов в Японии облегчается как традиционной практикой внутрифирменной ротации персонала, так и в связи со специфической организацией бизнеса, скрепляющей в своих рамках долговременными отношениями многие фирмы-партнеры. На этом этапе приспособление сферы труда к циклическим колебаниям конъюнктуры во многом происходит не столько за счет рыночных сил, сколько в результате целенаправленного подключения механизмов, встроенных в структуру крупных компаний. До определенного времени это не требует обращения к функции государства по трудоустройству и социальному обеспечению временно незанятой рабочей силы. Во избежание увольнений персонала японским компаниям приходится идти даже на повышение удельных расходов на труд в себестоимости продукции.

Но по мере того как с середины 1980-х годов Япония все более вовлекалась в орбиту глобализации, не позволившей ей сохранить в неприкосновенности прежние факторы развития, в стране стали возникать все новые и новые проблемы. Подорожавшая иена привела к падению прибыльности именно тех отраслей промышленности, на которых держались преимущества японского экспорта и которые обеспечивали положительное сальдо торгового и платежного баланса. «Бегство» капитала в страны «третьего мира» в поисках дешевого труда привело к таким последствиям, как постепенное изменение всей производственной структуры, формирование так называемого постиндустриального общества, в котором традиционный промышленный труд становился относительно менее востребованным, а прежние производственные отношения подверглись радикальным изменениям.

Прежде всего еще резче поляризовалась структура занятости. Государство, как обычно, усилило давление на бизнес с целью сократить масштабы увольнений. В ответ на это фирмы стали даже в большей степени, чем прежде, опираться не на постоянный персонал, сдерживая его наем, а на временный. В период затяжного экономического спада 1990-х годов доля нерегулярно занятого персонала скачкообразно увеличилась и достигла в начале XXI века трети всей рабочей силы (см. рис. 1). Появилась проблема безработицы, от которой в первую очередь страдали лица «проблемных» возрастов — молодежь и пожилые.

Рис. 1
Рост доли нерегулярно занятого персонала в Японии в 1990–2004 гг.
 (в общем числе занятых), %



Примечание: Значительное сокращение числа занятых неполный рабочий день в 2002 г. и рост других категорий занятых произошли в результате изменений в статистической выборке и методах опроса.

Источник: Economic Survey of Japan 2006: Income Inequality, Poverty and Social Spending. OECD, July 20, 2006
http://www.oecd.org/document/38/0,3343,en_2649_34321_37130854_1_1_1_1,00.html.

Корпорации вместе с государством и в условиях нынешнего кризиса продолжают применять антикризисный механизм, встроенный в систему «пожизненного найма». Как и прежде, основным резервом, на который опирается этот механизм, является снижение трудозатрат по всем возможным направлениям. Вначале сокращению подвергается сверхурочное время, однако в наши дни фирмы уже этим не ограничиваются: переходят и к сокращению нормативного времени, а также к интенсивному использованию других резервов по снижению трудозатрат, в частности к изменению структуры занятости за счет повышения доли временного персонала.

Так, в целом по всей экономике на предприятиях с числом занятых 5 человек и более за год (данные на февраль 2011 г.) нормативное рабочее время сократилось на 0,5%. При этом, поскольку общее число рабочих дней снижено до небывалых для Японии показателей (18,6 дня в месяц в среднем по экономике, 19,5 — в обрабатывающей промышленности, 17,8 — в коммунальном хозяйстве и 15,9 дня — в гостиничном биз-

несе), то можно сделать вывод о том, что этот резерв антикризисного механизма в настоящее время практически исчерпан и переход на временную занятость стал логически неизбежным явлением (см. табл. 2)

Таблица 2

Продолжительность рабочего времени в Японии (февраль 2011 г.)*

Отрасль, предприятия, учреждения	Рабочие часы						Рабочие дни	
	всего		нормативные		сверхурочные		кол-во	%**
	кол-во	%**	кол-во	%**	кол-во	%**		
Все отрасли	142,9	-0,2	132,8	-0,5	10,1	+3,0	18,6	-0,1
Горнодобывающая	167,0	+3,5	155,3	+1,2	11,7	+50,1	20,8	+0,5
Строительство	169,7	-0,8	156,9	-0,5	14,8	-4,5	20,8	-0,2
Обрабатывающая	161,6	+0,2	146,9	-0,5	14,7	+8,2	19,5	-0,1
Электро-, газо- и водоснабжение	150,9	-0,2	135,6	-0,7	15,3	+3,4	17,8	-0,2
Связь и информация	165,2	-0,3	139,1	-0,4	17,1	+0,6	18,4	-0,1
Транспорт	170,8	+0,6	148,2	+0,3	22,6	+2,8	20,0	+0,1
Торговля	135,3	-0,5	129,0	-1,0	6,3	+12,5	18,9	-0,1
Финансы и страхование	141,0	0,0	130,7	0,0	11,2	+0,9	17,9	+0,1
Недвижимость	148,6	-1,6	139,2	-1,2	9,4	-6,9	19,2	0,0
Научные исследования, профессиональные и технические услуги	154,2	-1,5	141,3	-1,3	12,9	-3,0	18,8	-0,2
Гостиницы, предприятия питания	102,7	+1,4	98,3	+1,1	4,4	+7,3	15,9	0,0
Индустрия развлечений и индивидуальных услуг	134,0	+1,7	128,1	+1,7	5,9	0,0	18,5	+0,2
Медицина, социальное страхование	133,3	-0,3	127,9	-0,4	5,4	+3,8	18,2	-0,1
Образовательные учреждения	124,2	-1,3	117,8	-0,8	6,4	-9,9	16,6	-0,1
Сфера услуг	143,1	+0,1	135,2	-0,2	7,9	+3,9	18,0	-0,1
Прочие отрасли	143,5	-0,2	132,2	-0,5	11,3	+2,7	18,0	-0,1

* <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/23/2302pe/2302re.html>. Учтены предприятия с числом занятых 5 и более.

** Изменение по сравнению с февралем 2010 г.

Затяжной характер экономического кризиса конца XX века и глобальный кризис, разворачивающийся в настоящее время, вызвали развитие новых и обострение прежних неблагоприятных тенденций не только на рынке труда, но и в социальной сфере в целом.

Следует особо подчеркнуть, что все те меры, которые государство вместе с менеджментом японских компаний пытается предпринять для стабилизации занятости, не проходят бесследно для системы управления кадрами, основанной на «пожизненном найме».

Как обычно, сохраняемый в компаниях в рамках такой системы постоянный персонал (даже в минимально необходимых количествах) служит препятствием для нового набора кадров. Поскольку под набором персонала в японских компаниях всегда понимается прежде всего прием молодежи, то от сокращения набора кадров страдает не только молодежь, но и фирмы, их система управления кадрами. Каждый очередной набор, возмещая соответствующий объем естественной убыли рабочей силы, играет принципиальную роль в воспроизводстве всей управленческой системы, основанной на «пожизненном найме». Массовое сокращение приема молодежи в период экономического кризиса таит в себе большую опасность для системы «пожизненного найма», потому что в результате перенапряжения антикризисной функции этой системы подрывается ее производственная сторона. Если обычное, краткосрочное использование этой функции приводит только к сбоям, то длительная ее эксплуатация чревата органическим и невосстановимым повреждением системы в целом. Длительная приостановка процесса обновления кадров нарушает процесс планирования, носящий в нормальных условиях долгосрочный характер, ведет к недопустимому росту расходов на рабочую силу, резко снижает ее качество и эффективность использования, что в совокупности ставит под сомнение экономическую целесообразность применения системы управления, основанной на принципах «пожизненного найма».

Крупные японские компании, ориентировавшиеся всегда на молодежь как на будущих постоянных работников, в период нынешнего глобального кризиса практически переориентируются на наем персонала, нетипичного для себя, — частично занятого, временного, лизингового и т.д. В результате по мере нарастания тенденции к ухудшению экономической ситуации за пределами привычных каналов трудоустройства оказываются все большие и большие массы молодежи. Усиливаются тенденции, приводящие к тому, что традиционный механизм перестает функционировать с той четкостью, которая была характерна для него в прошлом.

Положение с молодежью стало особенно заметно ухудшаться в 1990-е годы. С середины последнего десятилетия XX века численность «нетипично занятой» молодежи растет. По данным Министерства труда, на 2007 г. в стране было зарегистрировано 1 810 тыс. так называемых «лиц свободного труда» (*фурита* от англ. *freeter*) — молодых людей, которые систематически, не находя ничего лучшего, соглашаются на случайные заработки, на работу на условиях неполного рабочего дня, на постоянное возобновление временного трудового контракта⁷. В добавление к этому следует отметить растущую текучесть и среди той молодежи, которой удается устроиться на постоянную работу: четверть ее увольняется в течение первого года, а половина — в течение первых трех лет.

С конца 1990-х годов безработица среди молодежи расширилась: несколько снизившись после 2003 г., она снова увеличилась к 2009 г.

и была гораздо выше, чем в других возрастных группах, включая и группу самого старшего, традиционно проблемного, возраста (см. табл. 3)

Таблица 3
Уровень безработицы среди рабочей силы различных возрастов (1998–2009 гг.), %*

Год	В среднем	Возраст					
		15–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
1998	4,1	7,7	4,9	3,0	2,5	5,0	2,1
1999	4,7	9,1	5,5	3,3	3,1	5,4	2,2
2000	4,7	9,1	5,6	3,2	3,3	5,5	2,2
2001	5,0	9,6	6,0	3,6	3,4	5,7	2,4
2002	5,4	9,9	6,4	4,1	4,0	5,9	2,3
2003	5,3	10,1	6,3	4,1	3,7	5,6	2,5
2004	4,7	9,5	5,7	3,9	3,4	4,5	2,0
2005	4,4	8,7	5,6	3,8	3,0	4,1	2,0
2006	4,1	8,0	5,2	3,4	2,9	3,9	2,1
2007	3,9	7,7	4,9	3,4	2,8	3,4	1,8
2008	4,0	7,2	5,2	3,4	2,9	3,6	2,1
2009	5,2	9,9	6,6	4,8	3,8	4,8	2,8

* Final Report of Monthly Labour Survey. December 2009. Ministry of Health, Labour and Welfare, Tokyo.

Более того, одной из наиболее тревожных тенденций в области занятости и трудоустройства молодежи специалисты считают увеличение числа молодых людей, которые нигде не работают и не ищут работу. Рост именно этой категории молодежи (хотя она и не включается официальной статистикой в категорию безработных) особенно ярко свидетельствует о глубине процессов, происходящих на рынке труда в Японии⁸. Категория таких молодых людей получила название *ниито* (от англ. NEET — Not in Education, Employment, Training) — это молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет, которые нигде не работают, не учатся, не посещают курсы по повышению квалификации, не состоят в браке, не выполняют работу по дому и, кроме того, что важно отметить, не ищут работу. По сути, в жизни *ниито* отсутствует какая-либо производительная социальная активность.

В последние годы численность социальной группы *ниито* увеличивается. Это наглядно демонстрируют данные японского Министерства внутренних дел и связи (тыс.)⁹:

Возраст	1993 г.	1996 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.	2007 г.
15–19	80	90	90	120	90	90
20–24	130	120	150	170	160	160
25–29	100	100	130	180	200	180
30–34	90	90	110	170	190	180
Всего	400	400	480	640	640	610

Как видим, с 1993 по 2007 г. число молодых людей группы *ниито* выросло больше чем на 50% (с 400 до 610 тыс.). Наибольший прирост наблюдался среди молодежи от 25 до 34 лет. В условиях стабильного рынка труда представители этих возрастов обычно бывают вовлечены в трудовую деятельность, однако в настоящее время в Японии все больше этих молодых людей либо сознательно отказываются быть участниками трудовых отношений, либо не имеют возможности быть полноправными их участниками.

Феномен *ниито* представляет собой сложное социальное явление, отражающее особенности как некоторой части молодого поколения, выбирающей путь социальной изоляции, так и современного японского общества, предоставляющего сравнительно небольшие возможности для реализации ею своих способностей.

В оценке *ниито* общество разделилось на два основных лагеря. Приверженцы первого лагеря полагают, что *ниито* — это испорченные, обеспеченными родителями молодые люди, которые всегда получали материальные блага без особых усилий. Поэтому они не прилагают усилий, чтобы включиться в систему социально-экономических отношений. Часто таких молодых людей называют в Японии «паразитирующие одиночки» (*парасайто сингуру*, от англ. 'parasite single'). Адепты же второго лагеря видят основную причину появления *ниито* в структуре самого японского общества, которое предоставляет сравнительно небольшие возможности для молодежи, в первую очередь на рынке труда, и во многом отдает приоритет более взрослым людям¹⁰.

Ученые выделяют несколько причин возникновения этого социального феномена. В частности, это связано с социальным положением некоторой части молодежи. Так, большое число *ниито* происходят из семей среднего и высокого достатка, где отец работает в компании, а мать является домохозяйкой. Не имея необходимости зарабатывать, обладая всем необходимым для жизни, такие молодые люди могут сколь угодно долго проживать в доме своих родителей и не заниматься трудовой деятельностью. Именно обеспеченная жизнь становится причиной отсутствия у них интереса к собственному заработку или повышению квалификации.

Тем не менее некоторые ученые отмечают, что «эффект дохода семьи» не всегда играет первостепенную роль, и множество молодых людей из семей со средним и низким достатком также становятся *ниито*. Процесс выбывания молодежи из сферы постоянного труда довольно сложен и связан также с изменениями в ее психологии под влиянием

глобализации и других факторов. Многие молодые люди, выросшие в условиях богатой страны и увлекшиеся ценностями западной цивилизации, часто находят для себя удобным образ жизни, не обремененный работой на одном месте. В современной Японии с развитой системой IT-коммуникаций у молодежи есть большие возможности для проведения свободного времени и выбора разнообразных увлечений. В связи с этим в системе приоритетов молодых людей «работа» теряет свое главенствующее положение, что отличает современную молодежь от поколения послевоенных японцев, стремившихся к трудовой деятельности для восстановления экономики страны и увеличению благосостояния.

В нынешнем японском обществе обостряются проблемы социальной отчужденности и психологической изолированности молодых людей. В целом ряде случаев они сталкиваются с трудностями при социализации. Неурядицы в школе, отсутствие контактов со сверстниками, частые вынужденные переезды родителей на новое место жительства, собственный замкнутый характер, осложненные взаимоотношения в семье — все это усиливает традиционную склонность японской молодежи к интравертности, приводит к ее самоизоляции, к ограничению социальных связей и в результате — к трудностям с продолжением учебы или включением в трудовую деятельность.

Все эти обстоятельства, однако, не могут заслонить собой проблемы трудоустройства молодежи и ее положения на рынке труда. Основным фактором появления социальной группы *ниито* продолжает оставаться сама структура рынка труда в Японии. Совсем не случайно, что в период экономического застоя безработица оказалась на самом высоком уровне именно среди молодежи.

Дает сбой институт приема выпускников учебных заведений на работу, в соответствии с которым раньше они могли беспрепятственно переходить из системы образования в сферу труда. В период высоких темпов экономического роста этот институт обеспечивал полную занятость практически всем выпускникам учебных заведений. Однако по мере замедления темпов экономического роста они все чаще и чаще оказывались в высоко конкурентной среде и были вынуждены самостоятельно искать работу.

Более того, молодежь все чаще стала испытывать проблемы с получением профессии. Дело в том, что прежний институт единовременного приема всех выпускников учебных заведений на работу в компании сочетался с их последующим профессиональным обучением в этих компаниях. Парадокс японской действительности состоит в том, что, только получив работу, молодежь может надеяться на приобретение профессии. До последнего времени основным местом профессионального обучения оставались крупные фирмы. Ослабление механизма вовлечения молодежи в сферу труда обнажило проблемы системной подготовки трудовых кадров. Соответствующая государственная система в Японии развита пока очень слабо. В таких условиях японская молодежь, оказавшаяся без

каких-либо профессиональных навыков, стала выходить на рынок труда крайне неконкурентоспособной.

Система внутрифирменной подготовки сложилась в Японии также в период высоких темпов экономического роста, когда рынок труда активно поглощал весь объем предложения труда. Считалось, что расходы на обучение новичков в рамках компаний сторицей окупаются в результате целенаправленного их воспитания в духе корпоративной лояльности. Кроме того, большую роль играла и та экономия, которую фирмы получали за счет использования труда молодежи (оплачиваемого по самым низким расценкам) в условиях широкого распространения системы возрастной оплаты.

В условиях современного кризиса, когда молодежь все больше выпадает из сферы интересов крупного бизнеса, со всей очевидностью обнажились и те серьезные недостатки государственной политики по отношению к проблемам занятости и профессиональной подготовки молодежи, которые были присущи этой политике в течение всего послевоенного периода.

Длительное время государственная трудовая политика в Японии не без оснований считалась одной из самых успешных в мире. В самом деле, Япония выделялась среди других стран очень высокими показателями экономической активности населения и самым низким в мире уровнем безработицы. Помимо того, что государство удачно сочетало меры по страхованию («пассивные» меры) с мерами по стимулированию рынка труда и созданию рабочих мест («активные» меры), оно ориентировалось на помощь со стороны крупного бизнеса, которому со своей стороны оказывало всяческое содействие в организации внутрифирменных систем управления кадрами.

Однако в этой ориентации на крупные фирмы потенциально содержались будущие угрозы. Так, целиком полагаясь на практику управления кадрами в крупных компаниях, государство фактически отдавало им на откуп судьбу целых поколений японцев (начиная с молодежи), которые в отсутствие альтернативных источников получения профессиональных знаний и навыков вне этой системы могли оказаться и оказывались за бортом обеспеченной жизни.

Нехватка кадров в период высоких темпов роста и увеличение расходов на обучение молодежи в фирмах заставляли крупные компании все чаще обращаться к новому для себя источнику трудовых ресурсов — открытому рынку труда и принимать на работу не только молодежь со школьной скамьи, но и тех, кто уже имел опыт работы в других фирмах (так называемых *тьюто саё*), что нарушало логику «пожизненного найма» и угрожало разрушить сложившуюся монополию крупного бизнеса на элитную часть рабочей силы. Учитывая эти сбои в традиционной системе управления кадрами, государство уже тогда должно было перейти к действиям, создающим больший простор для развития рыночных механизмов в области труда.

Начиная с середины 1960-х годов проблема, связанная с необходимостью обращения к альтернативному источнику квалифицированной рабочей силы, который мог бы успешно заменить практику найма необученной молодежи со школьной скамьи, выдвигалась на первое место. Развитие государственной системы профессионального обучения становилось насущной необходимостью.

Однако, поскольку низкая квалификация молодежи не только отпугивала, но скорее привлекала бизнес, делая ее труд особенно дешевым, фирмы резко воспротивились идее о замене корпоративного обучения государственной системой профподготовки. И под давлением со стороны корпораций-гигантов японское государство отказалось от того, что уже стало очевидным, — от идеи развивать систему профессионального обучения по западноевропейскому образцу с ориентацией на общесоциальные, доступные всему населению формы. В результате у государственной системы профессиональной подготовки закрепилась ориентация исключительно на лиц, потерявших работу, и на старшее поколение рабочей силы. А молодежь из сферы ее внимания просто выпала.

В настоящее время структурные изменения на рынке труда, произошедшие вследствие технического прогресса и развития процесса глобализации, а также изменения в трудовой морали и отношении к труду у японского населения заставляют власти по-иному взглянуть на политику в области профессиональной подготовки, и в первую очередь — молодежи. Так, в очередном, восьмом Основном плане развития трудовых ресурсов, принятом в 2007 г., Министерство труда заострило внимание на том обстоятельстве, что все эти явления вызывают такие нежелательные последствия, как несоответствие между спросом и предложением на рынке труда и растущая безработица, особенно среди молодежи. Для того чтобы ликвидировать эти последствия и стабилизировать ситуацию на рынке труда, предлагается коренным образом «улучшить условия развития рынка труда... и обеспечить работникам возможность оценить свои профессиональные качества, получить на соответствующих курсах такую подготовку, которая позволит достигнуть квалификации, достаточной для желаемого служебного продвижения». И хотя в этом плане речь идет скорее о самостоятельных усилиях молодежи, необходимых для получения профессиональной подготовки, тем не менее одновременно фактически признается, что прежний подход к преимущественно корпоративному обучению является недостаточным¹¹.

Одновременно с принятием этого плана Министерством труда была образована рабочая группа по изучению «необходимых внешних условий для дальнейшего развития рынка труда». В 2009 г. эта группа завершила свое исследование и опубликовала соответствующий доклад. Одним из важнейших выводов, содержащихся в этом докладе, явилось утверждение, что в настоящее время корпоративная система обучения не отвечает изменившимся требованиям рынка труда по подготовке кадров. В первую очередь это относится к проблемам подготовки молодежи. Это

означает, что японское государство если еще и не изменило направление «активной» части трудовой политики, то со всей очевидностью встало перед необходимостью кардинально изменить свою концепцию профессиональной подготовки и направить усилия на развитие общесоциальных программ в этой области.

По мере дальнейшего расслоения рынка труда в Японии проявляются и многие другие проблемы. Одна из них выглядит довольно серьезной и в условиях нового глобального кризиса грозит нарастанием социальной напряженности. Эта проблема, если и не новая, то довольно основательно подзабытая в Японии, — проблема бедности.

Для современников некогда случившегося с Японией экономического чуда образ этой страны прочно связан с ее успехами в конкуренции с мощными международными соперниками, с необыкновенным трудолюбием народа, которое во многом стало источником этого чуда, и с несомненным и беспрестанно повышающимся благосостоянием населения. Даже тем, кто хорошо знаком с реалиями японской жизни, свойственно было проходить мимо фактов, иногда омрачавших этот образ Страны восходящего солнца. Так, слабое развитие общенациональных систем социальной поддержки населения, дороговизна и несоответствующее ей качество (и количество) жилья или «аномальные» проблемы детской жестокости и детского суицида, в сущности, мало нарушали течение размеренной и в целом благополучной жизни японцев, а параллельное существование мира бездомных бродяг воспринималось чуть ли не как картинки, специально выставляемые для вездесущих туристов, выискивающих зланные анклавы «другой» японской экзотики.

Между тем с изменением экономической ситуации «омрачающие факты» приобретают все более значительные масштабы и начинают принимать реальные очертания. Так, проблема относительной бедности в Японии уже выражается статистически. Это получило яркое подтверждение в результате применения в исследованиях такого макроэкономического показателя, как коэффициент Джини, который отражает дифференциацию денежных доходов населения (отклонение фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны) и степень расслоения общества по уровню годового дохода и, соответственно, по уровню жизни разных групп населения. Этот коэффициент был положен в основу показателя относительной бедности — уровня жизни тех слоев, которые имеют наиболее низкий уровень доходов в сравнении со средним уровнем доходов в стране¹².

Долгое время на фоне тенденций к расслоению населения по уровню жизни во многих других странах Япония занимала положение лидера, достигнувшего экономического равенства разных слоев общества. Но за период с середины 1980-х годов до середины первого десятилетия XXI в. значение коэффициента Джини в Японии заметно возросло. И если в начале этого периода Япония характеризовалась значительно более низким значением этого показателя по сравнению со средней для всех

стран ОЭСР величиной, то в настоящее время положение резко изменилось. В 2006 г. значение коэффициента Джини в Японии уже превышает средний уровень других стран, входящих в состав ОЭСР, что свидетельствует о повышении степени расслоения японского общества по сравнению с прошлым периодом и в сравнении с этими странами. В результате по уровню относительной бедности среди работающего населения Япония выдвинулась на одно из самых высоких мест в мире¹³. Отчасти это объясняется старением населения Японии, поскольку процесс старения распространяется и на рабочую силу за счет увеличения численности работников в возрасте от 50 до 65 лет с низкими уровнями заработков. Однако ключевыми факторами, как считают авторы исследования, проведенного в 2006 г. в рамках ОЭСР, служат расслоение рынка труда, тенденции по усилению его двойственности.

Большое внимание привлекает проблема работающих женщин, составляющих значительную долю открытого рынка труда, а в их числе — матерей-одиночек: многие из них находятся буквально в бедственном положении. В настоящее время в Японии разработан критерий «абсолютной» бедности, в соответствии с которым человек живет за этой чертой, если его годовой доход составляет менее 1,14 млн. иен (или менее половины среднегодового душевого дохода). И если в начале XXI в. к категории «бедных» в Японии относилось 15,1% населения, то среди женщин эта доля гораздо выше, особенно среди матерей-одиночек. Так, к числу наиболее бедных в 2000 г. относились более половины работающих матерей-одиночек — намного больше, чем в других странах ОЭСР, где в среднем эта доля составляла около 20%¹⁴.

Парадоксально, но в Японии уровень бедности среди работающих матерей-одиночек выше, чем среди неработающих. Это стало результатом непродуманного реформирования системы вспомоществования для родителей-одиночек с целью повысить стимулы к труду с помощью налогообложения.

Значительный уровень бедности среди матерей-одиночек явился основной причиной и того, что к 2000 г. повысился и уровень детской бедности¹⁵. Так, за чертой бедности в этом году находилось 14,2% общего числа детей в Японии, что значительно превышало не только средний уровень по странам ОЭСР, но и уровень самой Японии в 1980-х годах¹⁶ (см. рис. 2). Более того, данные рис. 2 свидетельствуют также о том, что в отличие от стран ОЭСР, где налоги на доходы населения значительно сокращают уровень бедности, в Японии они определенно ведут к росту этого показателя.

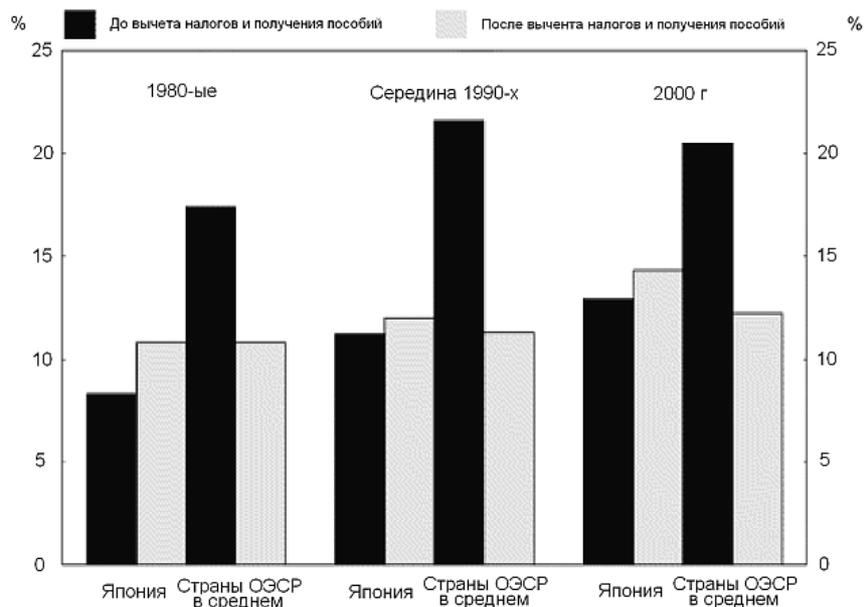
Если учесть то обстоятельство, что в Японии относительно высокая доля расходов на образование приходится именно на само население, то на повестку дня выходит еще одна проблема: недоступность качественного образования для детей из семей с низким уровнем доходов влечет за собой воспроизводство бедности в следующих поколениях населения страны. По результатам исследования, проведенного ОЭСР в рамках

Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment), в Японии была выявлена настораживающая тенденция к расслоению населения по качеству полученного образования в зависимости от уровня доходов семей.

Рис. 2

Детская бедность в Японии и в странах ОЭСР

(доля бедных в общей численности детей), %



Источник: Economic Survey of Japan 2006: Income Inequality, Poverty and Social Spending. OECD. July 20, 2006 (http://www.oecd.org/document/38/0,3343,en_2649_34321_37130854_1_1_1_1,00.html).

Среди важнейших средств по противодействию тенденции к усилению неравенства и росту бедности в японском обществе специалисты называют сдерживание процесса расширения разрыва между двумя частями рынка труда и устранение последствий сложившегося дуализма. Это потребует комплексного подхода к государственной трудовой политике, в том числе в отношении установившейся практики обеспечения гарантированной занятости для персонала крупных фирм, что, в свою очередь, уменьшило бы мотивацию этих фирм нанимать все большее число низкооплачиваемого нерегулярного контингента.

Как представляется, если не снять, то хотя бы снизить остроту проблемы неравенства и бедности можно было бы путем повышения степе-

ни социальной защиты временных работников и увеличения их шансов на получение постоянного места труда, а также за счет роста доли, которая в социальных расходах государства приходится на семьи с низким уровнем доходов. Важно также принять меры по противодействию процессам в сфере труда, ведущим к усилению относительной бедности. Кроме того, необходимо ускорить разработку методов перераспределения первичных доходов населения с помощью налоговой системы, которая в последние годы стала менее справедливой по отношению к части населения трудоспособного возраста¹⁷.

Примечания

¹ http://zasshi.news.yahoo.co.jp/article?a=20110909-00000000-toyo-bus_all

² <http://www.yomiuri.co.jp/net/feature/20090130nt0a.htm>

³ http://dailynews.yahoo.co.jp/fc/economy/japan_air_line/

⁴ <http://sankei.jp.msn.com/economy/news/110428/biz11042810290033-n1.htm>

⁵ <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/1211fr/1211c3re.html>; <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/23/2302pe/2302re.html>

⁶ <http://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/23/2302pe/2302re.html>

⁷ <http://www.mhlw.go.jp/english/policy/affairs/dl/02.pdf>

⁸ *Матрусова Т.Н.* Проблемы трудоустройства молодежи в Японии. — Японский опыт для российских реформ. Вып. 1. М., 2006; *Furuhashi Yoshie*. In Search of Metoro: Women, Youth, and Labor in Japan (<http://mrzine.monthlyreview.org/furuhashi311205.html>).

⁹ См.: Labor Situation in Japan and Analysis 2009/2010, General Overview (http://www.jil.go.jp/english/laborsituation/2009-2010/general_overview/general_2009-2010.pdf).

¹⁰ *Genda Yuji*. Jobless Youths and the NEET Problem in Japan. — Social Science Japan Journal. 2007, vol. 10, No. 1.

¹¹ Labor Situation in Japan and Analysis: Detailed Exposition 2009/2010. Ch. 6. Human Resources Development and Improvement of the Educational Training Infrastructure in Japan (<http://www.jil.go.jp/english/ljsj.html>).

¹² Коэффициент Джини (индекс Джини) был предложен и разработан итальянским статистиком и демографом *Коррадо Джини* (1884–1965) и опубликован в 1912 г. в его знаменитом труде «Вариативность и изменчивость признака».

¹³ Economic Survey of Japan 2006: Income Inequality, Poverty and Social Spending. OECD, July 20, 2006 (http://www.oecd.org/document/38/0,3343,en_2649_34321_37130854_1_1_1_1,00.html)

¹⁴ *Chapple S.* Child Well-Being and Sole-Parent Family Structure in the OECD: An Analysis. — OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2009, No. 82, 23 March ([http://www.oilis.oecd.org/oilis/2009doc.nsf/LinkTo/NT00000F32/\\$FILE/JT03261729.PDF](http://www.oilis.oecd.org/oilis/2009doc.nsf/LinkTo/NT00000F32/$FILE/JT03261729.PDF)).

¹⁵ О детской бедности см также: http://www.socpol.ru/publications/pdf/RUS_Child_Poverty.pdf

¹⁶ *Otsu Kazuo*. *Grappling with Child Poverty*. — Yomiuri Shimbun. 15.11.2008.

¹⁷ Economic Survey of Japan 2008. OECD. 07.04.2008 (http://www.oecd.org/document/17/0,3343,en_2649_34111_40353553_1_1_1_1,00.html).

Д.В. Стрельцов

О КОНЦЕПЦИИ «НИЗКОУГЛЕРОДНОГО ОБЩЕСТВА»

Понятие «низкоуглеродного общества» обозначает новый тип социума с высоким экологическим сознанием, ставящего перед собой цель постепенного отказа от применения ископаемых видов топлива. Концепция «низкоуглеродного общества» основана на понимании того, что ископаемые источники энергии исчерпаемы, а их использование является важным фактором глобального потепления климата — одной из наиболее серьезных угроз, стоящих перед человечеством. «Низкоуглеродное общество» предполагает отказ от потребительского подхода к природе, проведение активных мер в области энергосбережения, переход к альтернативным источникам энергии, который позволяет снизить выбросы парниковых газов и, соответственно, ослабить риск парникового эффекта.

В Японии проблема строительства «низкоуглеродного общества» обрела особую актуальность в связи с реализацией тех обязательств, которые Токио взял по Киотскому протоколу. Концепция «низкоуглеродного общества» стала разрабатываться в качестве базовой теории, обосновывающей принципиальную возможность и необходимость стратегического курса на борьбу с глобальным потеплением климата. Ее выдвижение призвано было за счет создания привлекательного образа будущей социальной и экономической системы вооружить общество новыми ориентирами развития и обосновать необходимость в существенных материальных и организационных издержках, на которые следует пойти для достижения обозначенной цели.

Концепция «низкоуглеродного общества» предполагает проведение долгосрочной государственной стратегии, нацеленной на решение трех задач: 1) снижение доли углеводородов в энергетическом балансе страны; 2) эффективное энергосбережение и приоритетное развитие «низкоуглеродных технологий»; 3) построение нового социума с высоким экологическим сознанием. По мнению профессора Киотского университета Кадзухиро Уэта, «к задаче строительства „низкоуглеродного общества“ следует применять комплексный подход, предполагающий инновационное развитие и создание соответствующей этому развитию социально-экономической системы»¹.

© Стрельцов Д.В., 2012

Для достижения «низкоуглеродного общества» необходимо обеспечить качественные сдвиги в структуре ВВП в сторону его «дематериализации». Речь идет о сокращении материальной составляющей структуры ВВП, сопровождаемом уменьшением спроса на энергоресурсы и, соответственно, эмиссии парниковых газов. Иначе говоря, ключевым индикатором успеха в продвижении к «низкоуглеродному обществу» выступает показатель удельной энергоемкости ВВП, определяемый как энергетические затраты на производство единицы ВВП, измеренные в единицах условного топлива.

Другим ключевым показателем «низкоуглеродного общества» является низкая карбоноёмкость — количество двуокиси углерода, выделяемое при производстве продукции на 1 долл.². Для снижения карбоноёмкости требуется активный переход на «низкоуглеродные» виды топлива и энергии, а при использовании углеводородов должны активно применяться технологии улавливания и хранения углерода.

С начала 2000-х годов Министерство по защите окружающей среды Японии приступило к осуществлению крупного исследовательского проекта, цель которого заключалась в том, чтобы обозначить наиболее существенные характеристики «низкоуглеродного общества», подтвердив их соответствующими количественными индикаторами. В 2004 г. была создана Исследовательская группа по разработке методики оценки средне- и долгосрочной экологической политики построения «низкоуглеродного общества» в Японии. Основную координирующую роль в проекте взяли на себя две организации: Национальный институт экологических исследований — НИЭИ (National Institute of Environmental Studies — NIES) и Киотский университет. Проект получил финансирование из Исследовательского фонда по глобальным вопросам окружающей среды (Global Environmental Research Fund), управляемого Министерством по защите окружающей среды. В исследовательскую группу вошли более 60 специалистов, представляющих различные академические учреждения и бизнес-структуры, действующие в сфере энергетики, промышленности, транспорта, городского планирования, а также международных отношений. Реализация проекта была призвана обеспечить экспертными оценками новые инициативы Японии в борьбе с глобальным потеплением, которые она выдвигала с конца 1990-х годов в рамках общей стратегии на закрепление нового международного статуса страны как «зеленой сверхдержавы».

За пятилетний срок (2004–2008) группа разработала сценарии построения «низкоуглеродного общества» в Японии к 2050 г. Для публикации полученных результатов исследований и иных материалов, связанных с данным проектом, был создан специальный интернет-сайт (<http://2050.nies.go.jp>). Уже в первом, промежуточном докладе группы, опубликованном в феврале 2007 г., делался вывод о принципиальной возможности сократить к 2050 г. эмиссию двуокиси углерода на 70% по сравнению с уровнем 1990 г.³

При проведении исследования использовалось сочетание научного прогнозирования (элементы методологии форсайта) и индуктивно-ретро-

спективного исследования, предполагающего выдвижение системы рекомендаций, вытекающих из заданного результата ("back-casting" approach). Сперва определялось, каков должен быть желательный облик японского общества в 2050 г., достигшего искомым показателей сокращения эмиссии, а затем определялись сценарии перехода к этому состоянию. В качестве контрольного срока был взят 2000 год.

Сценарии перехода к «низкоуглеродному обществу» были схематизированы в виде двух основных вариантов. Сценарий А получил название «Сценарий Тораэмона». Тораэмон — герой мультсериала, симпатичный робот, олицетворяющий достижения технического прогресса и инновационную составляющую нашего бытия. Преобладающей тенденцией развития Японии, согласно данному сценарию, станут опережающий экономический рост, ориентированный на глобализацию мировой экономики, наращивание промышленно-технического потенциала, развитие третичного сектора, активизация процессов урбанизации и дальнейшая концентрация населения на территориях с традиционно высокой плотностью.

Сценарий В получил имя сестер Мэй и Сацуки — героинь мультфильма «Наш сосед Тоторо». Эти персонажи олицетворяют собой сельскую Японию с размеренным укладом жизни и господством патриархальных традиций. Соответственно, данный сценарий предполагает менее технологически мотивированную модель роста, основанную на большей степени государственного регулирования, большей локализации производства, а также большей ориентации на социальное, нежели экономическое развитие.

Исследовательская группа определяла ориентировочные характеристики социального и экономического развития (см. таблицу). Например, в рамках каждого из сценариев высчитывалось, каковы должны быть типичные услуги, потребляемые личными хозяйствами, как будут выглядеть здания и сооружения, каким будет городское планирование, как изменится промышленная структура, каким станет уровень энергопотребления и т.д. При этом от исследователей требовалось также дать конкретные рекомендации, каким образом можно достичь намеченного. Предложения касались всех отраслей социально-экономической сферы — макроэкономической структуры, промышленности, транспорта, коммерческого и бытового секторов и т.д.

Сценарии перехода к «низкоуглеродному обществу»*

Сфера	Сценарий А	Сценарий В
Общество	Высокие темпы экономического роста Сокращение численности населения и уменьшение числа домашних хозяйств	Сокращение конечного спроса на энергоресурсы за счет достижения состояния материального насыщения Сокращение производства сырья Сокращение численности населения и числа домашних хозяйств

Сфера	Сценарий А	Сценарий В
Промышленность	Эффективные меры по внедрению экономичных двигательных установок и печей Переход с нефти и угля на природный газ	Более активное внедрение экономичных двигательных установок и печей Переход с нефти и угля на природный газ и энергетику биомассы
Жилищно-коммунальное хозяйство и коммерческий сектор**	Внедрение высокоэффективных изоляционных материалов в сферу строительства и эксплуатации зданий и помещений Внедрение систем управления энергопотреблением в зданиях и помещениях Использование энергоэффективных кондиционеров, водонагревательных и осветительных приборов Электроснабжение на основе топливных батарей Распространение автономных систем электроснабжения на солнечных батареях, установленных на крышах зданий	Внедрение высокоэффективных изоляционных материалов в сферу строительства и эксплуатации зданий и помещений Воспитание и внедрение в социальную практику экологического стиля жизни Использование энергоэффективных кондиционеров, водонагревательных и осветительных приборов Распространение автономных систем электроснабжения на солнечных батареях, установленных на крышах зданий Активное использование энергии биомассы Использование солнечной энергии для водонагревательных систем
Транспорт	Интенсивное использование территорий Рациональное городское планирование Развитие общественного транспорта Распространение электромобилей и автомобилей на топливных батареях	Сокращение дистанции для поездок на работу за счет более рационального использования территорий Развитие инфраструктуры для пешеходов и велосипедного транспорта Развитие гибридного транспорта на энергии биомассы
Источники энергии	Дальнейшее развитие атомной энергетики Активное использование системы аккумулирования электроэнергии в ночное время Разработка дешевых низкоуглеродных источников водорода с помощью инновационных технологий Использование технологии улавливания и хранения углерода*** в промышленности для производства водорода	Активное использование газа и биомассы в энергетических циклах
Электроэнергетика	Ставка на высокоцентрализованные и масштабные системы электроснабжения, переориентация на атомную и гидроэнергетику	Ставка на децентрализованную сеть маломощных электростанций, основанную на комбинировании традиционных и возобновляемых источников энергии

* Skea J., Nishioka Shuzo. Policies and Practices for a Low-Carbon Society. — Climate Policy. 2008, No.8, p. 9 (http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/rome2007/docs/Policies%20and%20practices%20for%20a%20low-carbon%20society.pdf).

** В этот сектор в Японии относят офисные помещения, гостиницы, предприятия системы культуры, образования, гостиничное хозяйство и т.д.

*** Технология основана на улавливании углекислого газа, который выделяется при сжигании углеродного топлива, и его захоронении в геологических формациях.

Оба сценария исходят из сокращения населения к 2050 г. (со 127 млн. чел. в 2000 г. до 95 млн. по сценарию А и 100 млн. по сценарию В), которое произойдет в результате снижения рождаемости и роста доли старших возрастных групп в структуре населения. Предполагается, что к 2050 г. ВВП Японии должен увеличиться по сравнению с 2000 г. в два раза по сценарию А и в полтора — по сценарию В.

При проведении исследования были выдвинуты следующие основные положения относительно достижения желаемых характеристик «низкоуглеродного общества»: 1) уровень и качество бытовых услуг (одежда, питание, жилищные условия, досуг и развлечения) будут как минимум не ниже, а, как правило, выше, чем в настоящее время; 2) необходимо учитывать инновационную составляющую прогресса, например, активное распространение электромобилей или транспорта на топливных батареях; 3) полностью исключается возможность внедрения таких революционных технологий, реализация которых не находит своего подтверждения на сегодняшний момент, например термоядерного синтеза; 4) учитываются реализуемые в настоящее время национальные стратегии развития тех отраслей, которые напрямую связаны с проблемой эмиссии парниковых газов, например программы развития ядерной энергетики.

Гипотетические выкладки коснулись и структуры электроэнергетики, которая также, по мысли разработчиков концепции, должна постепенно избавляться от своей зависимости от углеводородного сырья. При этом для сценария А характерна ставка на высокоцентрализованные и масштабные системы электроснабжения, ориентирующиеся на атомную и гидроэнергию, тогда как при сценарии В главную роль должны играть децентрализованные и маломощные генерирующие станции, работа которых основана на комбинировании традиционных и возобновляемых источников энергии (энергии солнца, ветра, биомассы и т.д.). Кроме того, сценарий В больше учитывает распространение технологий энергосбережения и широкое внедрение в массы «экологического сознания».

В результате исследования был сделан принципиальный вывод о том, что Япония сможет достигнуть цели сокращения эмиссии на 70% к 2050 г., главным образом за счет уменьшения спроса на энергоносители на 40–45%. Математическое моделирование продемонстрировало, что снижение спроса на энергоносители в Японии может быть результатом как объективных процессов сокращения населения, так и субъективных факторов, главным из которых является активная государственная политика, направленная на энергосбережение и более активное использование возобновляемых источников энергии. Для достижения поставленных авторами концепции целей необходимо снижать удельную

энергоёмкость ВВП как минимум на 2% в год (в прошлом сокращение этого показателя не превышало 1,5% в год)⁴.

Особенностью разрабатываемой в Японии модели «низкоуглеродного общества» является применение «секторального подхода» к решению поставленных задач. Концепцией определяется, какие меры должны быть предприняты в различных сферах жизни общества. Авторы исследования пришли к выводу о наличии существенных межсекторальных различий, требующих дифференцированного подхода к разным сферам энергопотребления при установлении конкретных целевых индикаторов.

- **В промышленном секторе** экономики проведение структурных реформ и меры по повышению эффективности энергопотребления позволят обеспечить, как ожидается, сокращение спроса на 20–40%.
- **В секторе пассажирского транспорта** эффект от предпринимаемых мер, включающих более рациональное использование территорий, улучшение энергосбережения и отказ от углеводородных энергоносителей, может проявиться в снижении спроса до 80%.
- Большой эффект (сокращение спроса на 60–70%) может быть достигнут **в сфере грузовых перевозок**, и прежде всего за счет более рациональной структуры логистики, а также повышения энергоэффективности грузового автопарка, в том числе уменьшения расхода топлива;
- Существенным (снижение спроса до 50%) может быть эффект **в жилищно-коммунальном секторе**, в котором большое значение будут иметь меры по стимулированию капитального ремонта зданий в соответствии с современными требованиями, активное применение современных изоляционных материалов и технологий, распространение энергоэффективных приборов и оборудования.

Наиболее трудной задачей представляется снижение эмиссии парниковых газов **в промышленном секторе**, где существенного изменения динамики эмиссии не наблюдается на протяжении нескольких десятилетий. Наиболее естественным представляется активное освоение энергосберегающих технологий. Однако этот путь имеет естественные пределы расширения, особенно с учетом того факта, что по мере глобального сокращения спроса на материальную продукцию производственный сектор, скорее всего, не ожидает устойчивый период экстенсивного роста. В этих условиях большую перспективу, вероятно, будет иметь эффект миниатюризации — общая тенденция в пользу уменьшения веса и размеров материальной продукции при одновременном повышении доли добавленной стоимостью в ее стоимости. Этому будет способствовать и революция в материаловедении, которая позволит коммерциализовать качественно новые материалы, развивающиеся в сторону большей легкости и прочности. Немалое значение с точки зрения сокращения эмиссии будут иметь и успехи в деле утилизации промышлен-

ных и бытовых отходов, а также их регенерировании и включении в системы замкнутого цикла, что позволит еще больше сократить спрос на сырье для производства.

Многое предстоит сделать и **в сфере транспорта**. Подсчитано, что на долю пассажирского транспорта приходится около 16% общего объема энергопотребления, грузового — около 10%. Иными словами, на транспорт приходится четверть общего объема энергопотребления в стране. В этой связи на повестку дня выходит вопрос о мерах по снижению энергопотребления на транспорте.

Большую перспективу имеет политика энергосбережения в сфере грузовых и пассажирских перевозок, и прежде всего улучшение показателей потребления топлива автомобилями, внедрение автомобилей на топливных батареях, электромобилей, автомобилей на биотопливе и иных энергоэффективных средств для перевозки малогабаритных грузов. Упор будет делаться на меры по созданию энергоэффективных автобусов и малотоннажных грузовых автомобилей.

Важно также создавать «низкоуглеродную» систему грузовых и пассажирских перевозок, которая предполагает рационализацию маршрутов перевозок, чтобы обеспечить оптимальное распределение нагрузок на транспортные сети. Речь идет об оптимизации системы управления дорожным движением, позволяющей избежать автомобильных заторов, и введении экологического контроля с целью реализации концепции «экологически устойчивой транспортной системы» (environmentally sustainable transportation).

Очевидно, что различия в уровне развития различных регионов неизбежно сохранятся и к 2050 г. В малонаселенных регионах к 2050 г., как и сейчас, будет невозможно обеспечить такой же доступ к транспортным услугам, как и в урбанизированных зонах. В этой связи для сферы грузовых перевозок ключевое значение приобретают рациональная система производства и логистических связей, а также сокращение расстояния между производящими и потребляющими территориями.

Что касается пассажирского транспорта, важную роль играют меры, направленные на постепенный отход от индивидуальных автомобилей в пользу общественных видов транспорта, включая метро, железные дороги, автобусы. Таким образом, в сфере пассажирского транспорта ключевое значение будут иметь привычки и стиль жизни населения (например, привычка пользоваться личным автотранспортом), структура городского планирования (плотность застройки, развитие инфраструктуры и т.д.).

В целом для Японии характерен более высокий уровень пользования общественным транспортом, нежели в других странах (32% против 8% в Германии, 6% в Великобритании и 1% в США)⁵. Японские железные дороги представляют собой гораздо более густую инфраструктуру, а японские города более компактны. Тем не менее для снижения потребностей в транспортных услугах ставится задача сокращать расстояния для поездок на работу, а также внедрять в деятельность предприятий

и организаций модель «дистанционного рабочего места». В этой связи большое значение приобретают создание развитой системы телекоммуникаций, позволяющей проводить рабочие совещания в режиме телеконференций, внедрение электронного документооборота и иных форматов виртуальной коммуникации в деловой сфере.

В секторе городского планирования и жилищно-коммунального хозяйства важно обеспечить лучшую координацию усилий между различными субъектами энергопотребления с целью оптимизации схем энергопотребления, внедрение информационных систем управления и использование на их основе интегрированных моделей управления энергопотреблением. Концепцией предполагается также проведение политики борьбы с «эффектом жаркого острова», образующемся в результате концентрации на ограниченном пространстве большого количества офисных и жилых помещений, использующих в жаркое время года системы кондиционирования. В частности, для борьбы с этим эффектом предполагается увеличивать объемы зеленых насаждений, осуществлять иные меры по улучшению экологической обстановки с целью сокращения эмиссии двуокиси углерода.

Много внимания в концепции уделяется современным технологиям строительства. В целом доля зданий, отвечающих современным стандартам теплоизоляции, в Японии существенно ниже, чем в европейских странах. Внедрение современных изоляционных систем позволяет снизить потребности в топливе для отопления помещений примерно на 60%⁶. Считается целесообразным сосредоточить усилия не только на строительстве новых зданий по современным проектам, но и на проведении масштабной реконструкции имеющихся зданий, направленной на приведение их изоляционных характеристик в соответствие с действующими нормативами. Это связано с тем обстоятельством, что вводимые в эксплуатацию новые здания и сооружения составляют лишь незначительную долю от общего их количества, т.е. современный фонд жилых и нежилых зданий и помещений будет в значительной своей массе существовать и в 2050 г.

В коммунально-бытовой сфере большой потенциал в деле сокращения эмиссии парниковых газов заложен в активном распространении таких энергоэффективных приборов, как тепловые насосы, современное кухонное оборудование, топливные батареи, системы энергоснабжения на солнечных батареях, бытовые системы управления энергопотреблением и т.д.

Важную роль призвано сыграть **изменение стиля жизни** людей: закрепление поведенческих стандартов, основанных на высоком экологическом сознании граждан. С этой точки зрения большую значимость приобретают экологические программы школьного образования, а также система экологического воспитания, ориентирующая граждан на энергосберегающие стереотипы поведения в различных жизненных ситуациях ("Eco-life-navigation").

Многое предстоит сделать для изменения потребительских предпочтений граждан, выбор которых должен зависеть от конкретной информации. Потребителей следует воспитывать в духе «низкоуглеродного поведения», предполагающего предпочтение экологически более безопасной продукции, производство и потребление которой сопровождается меньшим уровнем эмиссии. Например, автолюбители должны отдавать приоритет автомобилям нового поколения (гибридным автомобилям, электромобилям и автомобилям на топливных батареях). Активное и сознательное изменение потребительских предпочтений должно привести к внедрению в повседневную жизнь таких видов продукции, как флуоресцентные лампы, телевизоры с жидкокристаллическим экраном, водонагреватели и кондиционеры с выдающимися энергосберегающими характеристиками, а также иные виды продукции, получившие «зеленый сертификат». При строительстве индивидуального жилья предпочтение будет отдаваться сберегающим схемам электроснабжения, внедрению систем электроснабжения на солнечных батареях и т.д. Кроме того, в своих предпочтениях потребители должны делать выбор, основываясь на информации о том, каков уровень эмиссии двуокиси углерода, сопровождающий производство данного товара, его доставку на прилавок, а также утилизацию. Особенно это касается технически сложных приборов и оборудования, например электротехники: ее «вклад» в эмиссию связан не только с ее производством, но и эксплуатацией (электротехнические приборы потребляют электроэнергию, производство которой, в свою очередь, связано с дополнительными объемами эмиссии).

Многое будет зависеть и от экологически мотивированного поведения граждан. Например, граждане будут сознательно отключать ненужное освещение, отказываться от излишней эксплуатации кондиционеров и воздухонагревательных приборов, более эффективно использовать офисную и компьютерную технику (включая применение «спящего режима»), регулярно использовать общественный транспорт, ограничив свои поездки на личных автомобилях. В ходе эксплуатации автомобилей водители должны будут придерживаться манер «экологического вождения», предполагающих, в частности, отказ от использования режима холостых оборотов, плавный набор скорости, отказ от резких маневров и т.д. В повседневную жизнь должен прочно войти принцип «трех R» — reduce reuse и recycle («сокращать», «вторично использовать» и «отправлять на вторичную переработку»).

Задачи по уменьшению эмиссии двуокиси углерода ставятся не только перед энергопотребляющими секторами социально-экономической сферы, но и перед **сферой производства электроэнергии**. В отношении электроэнергетики концепция «низкоуглеродного общества» предусматривает постепенное сокращение в энергобалансе страны доли ископаемых видов топлива, составляющей в настоящее время более 50%. Поскольку главным видом парниковых газов, эмиссия которых подлежит сокращению, является двуокись углерода, получаемая в результате

сжигания углеводородов, необходимо ограничить использование углеводородных источников только генерирующими мощностями, оснащенными технологией улавливания и хранения углерода (Carbon capture and storage). Сокращение доли углеводородов предполагается компенсировать путем перехода на «чистые» виды энергии — атомную, энергию солнца, ветра, биомассы и иные, а также водородное топливо. Вместе с тем необходимо отказаться от производства водорода на базе существующих технологий преобразования состава углеводородных соединений, сопряженных с дополнительной эмиссией двуокиси углерода на промежуточной стадии энергетических циклов.

Отказ от углеводородов стоит в повестке дня и в **сфере теплогенерации**. Концепция «низкоуглеродного общества» предусматривает замещение керосина, мазута, угля и газа возобновляемыми источниками энергии, а также более активное использование попутного тепла в системах когенерации и тепловых насосах. С этой точки зрения важно обеспечить высокий уровень координации в сфере энергопотребления между промышленными компаниями и потребителями энергии. Например, это позволит повысить эффективность энергопотребления за счет использования попутного тепла, получаемого на различных стадиях промышленного производства.

Не вполне очевидным остается ответ на вопрос об уровне затрат на достижение заявленных целей. Согласно упомянутому выше промежуточному докладу Исследовательской группы от 2007 г., ежегодные расходы, которые Япония должна будет нести для того, чтобы к 2050 г. сократить эмиссию парниковых газов на 70%, составят по сценарию А от 6,7 до 7,4 трлн. иен, а по сценарию В — от 6,7 до 9,8 трлн. иен, или около 1% ВВП страны⁷. Однако следует учитывать, что запаздывание с решениями об инвестировании средств в дело сокращения эмиссии может привести к тому, что первоначально запланированного уровня расходов может не хватить для достижения искомой цели в обозначенные сроки и в результате придется либо отодвигать цель на более поздний период, либо снижать планку сокращения эмиссии, либо вкладывать существенно большие средства в инновационные проекты.

В целом можно заключить, что «низкоуглеродное общество», обозначенное докладами Исследовательской группы, пока еще достаточно расплывчатое понятие, основанное на множестве допущений, схематизации. Оно отражает некую идеальную модель общества, которое предстоит построить к 2050 г.

Японское правительство взяло курс на то, чтобы перевести рекомендации авторов концепции «низкоуглеродного общества» в плоскость практической политики, а именно — конкретных внешнеполитических инициатив. В конце мая 2007 г. премьер-министр Японии С. Абэ, направляясь на встречу «Большой восьмерки», выдвинул инициативу «Охладим Землю к 2050 году» (Cool Earth 50). Суть предложения заключалась в разработке мер по сокращению глобальной эмиссии парниковых

газов в мире к 2050 г. на 50%. Хотя эти предложения были озвучены на саммите⁸, неопределенными остались ряд принципиальных моментов: по отношению к какому году следует считать 50%-ное сокращение эмиссии, какие конкретно обязательства должна нести сама Япония для реализации данной цели. Во многом по причине такой неконкретности данная инициатива не имела на первом этапе достаточного общественного резонанса.

Новый пакет предложений по сокращению эмиссии парниковых газов на 60–80% к 2050 г. был озвучен в выступлении японского премьер-министра Я. Фукуда на саммите «Большой восьмерки» на оз. Тоя (Хоккайдо) 7–8 июля 2008 г. Примечательно, что Япония, являвшаяся «хозяином» саммита и во многом определявшая его повестку дня, выбрала в качестве его «визитной карточки» именно вопросы борьбы с глобальным потеплением.

Важным результатом саммита на оз. Тоя стало обозначение долгосрочных целей сокращения эмиссии в его итоговых документах. Эти цели основывались на выводах, сделанных в 4-м докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата, опубликованном в 2007 г. В докладе резюмировалось, что для удержания уровня потепления климата к 2050 г. в пределах двух градусов необходимо будет сократить глобальную эмиссию углекислого газа мире хотя бы наполовину по сравнению с уровнем 2005 г. Лидеры стран «Большой восьмерки» договорились на саммите добиваться того, чтобы к 2050 г. выбросы были сокращены на 50% всеми странами, участвующими в Рамочной конвенции ООН по изменению климата⁹. Инициатива Я. Фукуда была подкреплена конкретным обязательством Токио внести крупные средства (1,2 млрд. долл.) в международный фонд по сокращению эмиссии. Японский лидер выступил также с обещанием поддержать идею о создании глобальной системы торговли квотами на эмиссию парниковых газов. На следующем саммите «Большой восьмерки», который состоялся в начале июля 2009 г. в итальянском городе Аквила, мировые лидеры поставили цель к 2050 г. сократить собственные выбросы углекислого газа на 80% по сравнению с 1990 г.

О серьезности намерений правительства Японии претворять в жизнь концепцию «низкоуглеродного общества» свидетельствовало создание в феврале 2008 г. при Канцелярии премьер-министра Консультативного совета по «низкоуглеродному обществу». В него вошли 20 человек, включая трех представителей крупного бизнеса — президентов «Toyota Motor Corporation», «Tokyo Electric Power Company» и «Nippon Steel Corporation».

Концепция «низкоуглеродного общества» как ориентира не утратила своей актуальности в связи с приходом к власти правительства Демократической партии в сентябре 2009 г. Подтверждением тому явилось выдвижение главой кабинета министров Ю. Хатояма амбициозной инициативы по сокращению эмиссии к 2020 г. на 25% по сравнению с уров-

нем 1990 г. В стране развернулись дискуссии относительно несправедливого бремени расходов, которые Япония должна будет нести в одностороннем порядке, в случае если прочие страны откажутся взять на себя аналогичные обязательства. Поскольку реализовать эти обязательства только за счет внутренних источников Японии будет чрезвычайно трудно, она рассчитывает прибегнуть к механизму купли эмиссионных квот у зарубежных стран.

Некоторые сомнения вызывает реалистичность долгосрочных сценариев перехода к «низкоуглеродному обществу» на период до 2050 г. Безусловно, трудно давать адекватные оценки прогнозам, касающимся достаточно отдаленного будущего. Конечно, выдвижение любых долгосрочных инициатив, даже предполагающих конкретные (хотя и юридически не оформленные) обязательства государства, на первый взгляд, преследует главным образом пропагандистские цели и не предполагает никакой персональной ответственности, хотя бы по той причине, что через сорок лет мало кто из тех, кто принимает решения сегодня, останется в живых. И все же с учетом того, что долгосрочные стратегии Японии уже неоднократно претворялись в жизнь даже с опережением намеченного графика, а в их основе лежит реальная оценка собственных возможностей, их следует воспринимать всерьез.

Примечания

¹ Highlighting Japan Through Articles. 2009, April, vol. 2, No. 12, p. 9.

² <http://www.climatechange.ru/node/210>

³ http://2050.nies.go.jp/interimreport/20070215_report_e.pdf

⁴ http://www.japanfs.org/en_/newsletter/200707-1.html

⁵ <http://ourworld.unu.edu/en/japan-as-a-low-carbon-society/>

⁶ http://www.nies.go.jp/gaiyo/media_kit/16.AIM/lcs/BOOKLET3.pdf

⁷ http://www.japanfs.org/en_/newsletter/200707-1.html

⁸ http://www.japanfs.org/en_/newsletter/200707-1.html

⁹ <http://www.g8summit.go.jp/eng/news/summary.html>

Н.С. Григорьева

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ЯПОНИИ

Характерная черта современной демографической картины мира — все увеличивающееся число людей старших возрастов. Это заставило мировое сообщество предпринять значительные усилия по созданию специальных программ и выработке планов по решению проблем пожилых. Примером может служить Мадридский международный план действий по проблемам старения, десятилетие со времени принятия которого наступит в следующем, 2012 г. И хотя каждая страна сама определяет собственные приоритеты во всем, что касается его реализации, рамочная программа этого плана фактически является универсальной. В ней определены три принципиально важных, приоритетных направления: пожилые люди и развитие, содействие улучшению их здоровья и благосостояния и обеспечение для них благоприятной жизненной среды, содействие их участию в жизни общества.

Японии на протяжении уже многих лет занимает одно из первых мест в мире по продолжительности жизни населения. После окончания Второй мировой войны средняя продолжительность жизни японцев увеличилась на 30 лет и составила: у женщин — более 85 лет (рекордное значение среди всех стран), у мужчин — 79 лет (по этому показателю они уступают только мужчинам Исландии). Как отмечается в документах ВОЗ, японцы пенсионного возраста не только долго живут, но и активно трудятся: 72% лиц 65 лет и старше продолжают работать (например, среди французов и англичан эта категория пожилых людей составляет только 17%). По этому показателю Япония также держит первенство в мире.

В 2007 г. пенсионного возраста достигло поколение периода послевоенного «беби-бума», что не могло не сказаться на рынке труда. Полвека назад в Японии примерно 50% населения составляли дети в возрасте до 15 лет и только 5% — лица старше 65 лет. Теперь же это соотношение кардинально изменилось: доля детей уменьшилась до 14%, а доля лиц старше 65 лет увеличилась до 20%. Обострившаяся нехватка рабочих рук будет побуждать изыскивать различные варианты удержания сотрудников на рабочих местах даже после 70 лет. Уже сейчас в Японии насчитывается почти 25 млн. «седовласых трудоголиков», а через 20 лет

© Григорьева Н.С., 2012

их может стать уже в полтора раза больше. Но для того, чтобы продолжать работу, нужно быть здоровым. В настоящее время Япония, с точки зрения состояния здоровья населения, является одной из самых благополучных стран в мире, и вот уже на протяжении почти 30 лет здоровье пожилых людей — одна из главных стратегий развития системы здравоохранения в Японии.

По мнению экспертов ООН, к 2050 г. доля лиц старше 65 лет приблизится в Японии к 40%, а численность населения страны, по прогнозам, к тому же году снизится до 105 млн. чел. (сейчас 127 млн.). К 2005 г. число граждан в трудоспособном возрасте (15–64 года) сократилось до 86 млн., хотя еще в середине 1990-х годов их было на миллион больше. К 2050 г. в Японии останется не более 57 млн. потенциальных работников. Грядет угроза резкого сокращения числа экономически активного населения. В конце 1980-х годов, например, каждого пенсионера в Японии поддерживали своими выплатами в соответствующие фонды примерно 8 чел., тогда как к 2015 г. их будет всего 2,5. Уже сегодня государство сталкивается с необходимостью тратить все большую часть доходов на пенсии и медицинские льготы для престарелых. Вместе с тем комбинации болезней у пожилых становятся все более сложными и требующими больших затрат на лечение¹. К настоящему времени до 30% расходов государства на здравоохранение приходится на долю пожилых. Но вопрос о том, каким образом, система здравоохранения, финансирование которой основывается на страховых выплатах работающих граждан, будет справляться со своими задачами в условиях сокращения налогооблагаемой базы, остается открытым.

Рассмотрим в исторической ретроспективе этапы государственной политики в области медицинского страхования. С 1961 г., после введения в силу Закона о государственном медицинском страховании, системой медицинского страхования охвачено все население страны. В начале 1970-х годов были целенаправленно выделены первые ассигнования на медицину для пожилых.

В 1983 г. был введен в действие Закон о медицинском обслуживании лиц старших возрастов, который установил распределение затрат на медицину для этой категории граждан между всеми жителями Японии. Цель закона — всеобъемлющее и комплексное осуществление здравоохранительных мер, начиная с предупреждения болезней до медицинского, в том числе узкоспециализированного, обслуживания. Закон предусматривал новые возможности в медицинском обслуживании пожилых людей в соответствии с изменениями в структуре заболеваний, ростом числа граждан страны старших возрастов и установление справедливых для всех японцев отчислений на медицинские расходы для пожилых. В 1986 г. Закон был дополнен услугами, оказываемыми пожилым людям специализированными больницами и частными лечебницами. В 1989 г. впервые была представлена 10-летняя стратегия развития здравоохранения и социального обеспечения для этой категории населения. Первоочередное внимание было уделено мероприятиям по социальному

обслуживанию, и прежде всего поддержке муниципалитетов для создания различных вариантов обслуживания по месту жительства и на дому (Home Helper, Short Stay, Day Service Center, In-Home Care Support Center). Быстрыми темпами развивались специальные частные лечебницы для пожилых людей, создавались реабилитационные специализированные службы и многофункциональные центры для пожилых в мало-заселенных районах страны. Была разработана специальная кампания по минимизации числа пожилых людей, которые были бы «прикованы к кровати».

В 1991 г. Закон о медицинском обслуживании лиц старших возрастов был вновь дополнен, на этот раз основное внимание уделялось усовершенствованию услуг по уходу за больными на дому. Была предложена система долгосрочного обслуживания, что в итоге положило начало услугам по медицинскому обслуживанию пациентов на дому медицинскими сестрами.

В 1994 г. была разработана новая стратегия по продвижению системы здравоохранения и социального обслуживания пожилых. Эта стратегия получила название «Новый Золотой план» и была рассчитана до 2004 г. «Новый Золотой план» был конкретизирован в региональных планах в области здравоохранения.

В декабре 1995 г. вступил в силу Основной закон о мерах в отношении стареющего общества, одновременно был образован Совет по политике в отношении стареющего общества во главе с премьер-министром страны, в состав которого были автоматически включены все члены кабинета министров. В задачу Совета входят разработка и постоянное обновление «Основных принципов политики в отношении стареющего общества». В 1997 г. принят закон о введении особой системы сестринского ухода, или системы страхования по длительному уходу. Эта система нацелена на помощь страдающим от старческого слабоумия и лежачим больным преклонного возраста. Что касается уровня опеки, то он определяется Комитетом по квалификации уровня предоставляемой опеки в соответствии с результатами осмотра врача².

В 1997 г. был разработан проект закона о долгосрочном медицинском страховании, а в 1999 г. правительство вновь обратилось к формированию направлений политики в отношении здоровья пожилых людей. Был принят крупномасштабный план по здравоохранительным мероприятиям для этой категории населения, рассчитанный на пять лет (2000–2004). Закон о страховании по долгосрочному сестринскому уходу был введен в действие в 2000 г. Он предусматривал долгосрочное обеспечение полного набора патронажных услуг и, соответственно, определял размеры необходимых для этого общественных взносов. Этим же законом была зафиксирована ставка (в процентах) и максимальная сумма средств, которые должны выплачивать пациенты за патронажное обслуживание. Принятые в 2005 г. поправки выдвигали на первый план проведение профилактических мер, направленных на предотвращение самой необ-

ходимости в долгосрочном патронажном уходе, покрываемом системой государственного страхования.

В 2002 г. были внесены очередные дополнения в Закон о медицинском обслуживании лиц старших возрастов, пересмотрены нормы обеспечения услугами и лекарственными препаратами и произведено перераспределение затрат между участниками системы финансирования. Кроме того, в обслуживании лиц старших возрастов были определены приоритетные направления, которые получили увеличенное государственное финансирование.

В связи с изменениями в пенсионной системе, произведенными в 2004 г., к Закону о медицинском обслуживании лиц старших возрастов в 2005 г. были приняты очередные поправки. Они в основном затронули ту часть закона, которая касается системы патронажного ухода за лежащими больными старше 65 лет. Поправки коснулись трех направлений: увеличения доли собственных расходов пациентов старших возрастов во время пребывания в клинике, создания специальной системы медицинского страхования лиц для лиц старше 75 лет и снижения суммы вознаграждения специалистам за прием больных.

В настоящее время система медицинского обслуживания и ухода за пожилыми людьми обеспечивается за счет страховых взносов всех граждан страны. 70% средств поступает из отдельных фондов медицинского страхования, 20% — из национального бюджета, 10% — из бюджетов из префектур, городов, деревень. Каждое страховое общество вносит плату, исходя из общей пропорции лиц старших возрастов в населении страны, независимо от того, сколько престарелых людей у них застраховано.

Система медицинского страхования лиц старших возрастов охватывает граждан страны старше 70-лет, а также лиц старше 65 лет с документально подтвержденными диагнозами из специального списка (фактически речь идет о лежачих больных). Такие пациенты получают почти полную компенсацию затрат на лечение. Они платят только 1200 иен за день пребывания в лечебном учреждении и по 530 иен в день (но не более четырех раз в месяц) за уход в амбулаторных условиях.

Среднегодовое распределение затрат на медицину для пожилых людей в середине первого десятилетия текущего века выглядело так: 62% приходилось на выплаты страховщиков системы медицинского страхования, а 38% осуществлялось за счет государственных средств (центрального правительства, префектур, муниципалитетов).

Помимо медицинского обслуживания, для лиц старше 40 лет на уровне муниципалитетов действует ряд специализированных программ профилактической медицины. Главная цель этих программ — поддержание здоровья граждан зрелого возраста, предупреждение, ранняя диагностика, своевременное лечение болезней, связанных с неправильным образом жизни, таких как инсульт, сердечные заболевания и т.д. Кроме того, эти программы нацелены на предотвращение ситуаций, когда по-

жилые требуют долгосрочного медицинского ухода, а также на то, чтобы люди сохраняли здоровье и самостоятельность.

Эволюция системы профилактической медицины для пожилых людей носила поступательный, плановый характер. Начиная с 1982 г. в стране принимались специализированные планы развития этой системы. Так, *Первый план*, принятый в 1982 г., предполагал выпуск специального образовательного пособия, где четко и ясно излагались основные нормативы и показатели здоровья гражданина, виды услуг и условия их получения. Были разработаны программы медицинского просвещения. В план были также включены медицинские консультации и медицинский осмотр, разделенные на два уровня: базовый осмотр и дополнительное обследование. Программы Первого плана предусматривали также визиты на дом к лежачим больным. В 1986 г. к основному набору обследований были добавлены анализ на уровень холестерина и обследование печени.

Следующий, *Второй план* был представлен в 1987 г. В нем предусматривались специальные образовательные программы, направленные на предупреждение развития рака легких и рака груди. Были введены программы по профилактике инвалидности, а также специальные программы по развитию стоматологических услуг. С 1990 г. в план были включены меры, направленные на предупреждение остеопороза и обучение поведению пожилых людей на каждом этапе этой болезни. Они были добавлены в специализированные программы популярного медицинского образования. Кроме того, план содержал меры просветительского характера, посвященные внедрению здорового образа жизни.

Третий план был принят в 1992 г. Этот план впервые прошел процедуру утверждения в Комитете по вопросам здравоохранения для пожилых людей Совета по общественному здравоохранению. В частности, были дополнены специализированные программы медицинского просвещения (предупреждение развития рака толстой кишки, развития диабета), а в базовое обследование включены новые процедуры (обследование на холестерин (HDL-cholesterol), триглицерид (triglycende), γ -GTP, обследование почек). В 1995 г. Третий план был пересмотрен: расширено базовое медицинское обследование (анализ на уровень глюкозы в крови, анализ на гемоглобин A1c), принята установка на внедрение диагностического обследования на наличие остеопороза.

В 2000 г. был объявлен *Четвертый план*, в рамках которого предусматривалось осуществление специализированных программ популярного медицинского просвещения, в том числе по гипертонии, диабету, курению, а также образовательных программ по профилактике остеопороза, учитывающих различные стадии развития этой болезни. Кроме того, в плане речь шла о популярном медицинском просвещении для семей, в составе которых имеются лица пожилого возраста, нуждающиеся в постоянном уходе.

С 2005 г. началась реализация *Пятого плана*. В его основу были положены меры, предусмотренные принятыми в том же году поправками

к Закону о медицинском обслуживании лиц старших возрастов (см. выше). Опыт Японии показывает, что большого эффекта в повышении уровня общественного здоровья можно добиться, уделяя первоочередное внимание более дешевым, но от этого не менее важным и эффективным профилактическим мероприятиям.

* * *

Достигнув высоких показателей продолжительности жизни, правительство Японии стремится к тому, чтобы граждане пожилых возрастов как можно дольше оставались здоровыми и трудоспособными, продолжая быть активными членами общества. Однако в условиях обострения демографической проблемы и тяжелого положения в области государственных финансов правительству приходится постоянно искать возможности сдерживания расходов на социальную сферу. Поэтому создается парадоксальная ситуация: владея высокими медицинскими технологиями, система здравоохранения фактически работает таким образом, чтобы ими пользовалось как можно меньше людей.

Одной из базовых характеристик японской системы здравоохранения является гарантия свободного получения необходимых услуг медицинского страхования в любом медицинском учреждении по выбору пациента. Однако в процессе реформирования системы здравоохранения в 1990-х годах правительство начало вводить некоторые ограничения доступа к медицинским услугам при сохранении права выбора учреждения самим пациентом³.

Чтобы избежать злоупотреблений со стороны медицинских учреждений, предлагающих пациентам ненужные либо излишние медицинские услуги, правительство предложило «инклюзивную», или «наборную» систему оплаты, в рамках которой устанавливается фиксированная цена для серии медицинских обследований в отношении одного предполагаемого диагноза. Вся серия обследований расценивается как один стандартный блок. В отличие от системы оплаты каждой услуги по отдельности, «инклюзивная» система оплаты позволяет ограничивать стоимость медицинских услуг. Однако, как отмечают японские ученые, при введении этой системы существенного снижения стоимости услуг (за исключением анализа крови) так и не произошло. Это связано с тем, что наряду с системой «инклюзивной» оплаты государство сохранило действие прежней системы оплаты каждой услуги, причем за самими медицинскими учреждениями было оставлено право выбрать более выгодный для них вариант. Те учреждения, где первоначально средняя стоимость обследования одного пациента была низкой, выбрали «инклюзивный» прейскурант, тогда как клиники, где проходили лечение тяжелобольные пациенты и, соответственно, уровень затрат с их стороны был высоким, сохранили систему платы за каждую услугу по отдельности. В результате с введением «инклюзивной» опла-

ты затраты на медицинское обслуживание не уменьшились, а даже увеличились.

В декабре 2005 г. правительство Японии опубликовало документ под названием «Основные направления реформы системы здравоохранения». По мнению депутата парламента Томоко Абэ, все проводимые в последнее время японским правительством реформы никак не способствуют созданию такой системы социального обеспечения, которая бы соответствовала требованиям XXI века. Она отмечала, что с усугублением проблемы старения населения наиболее насущной задачей Японии в XXI в. является обеспечение граждан «страховочным поясом» в виде гарантированного набора медицинских услуг. Медицинское обслуживание, направленное на поддержание жизни человека, должно изначально предоставляться всем нуждающимся по минимально возможной цене. Именно такой подход, по мнению японского депутата, должен лежать в основе реформы медицинского обслуживания⁴.

В 2006 г. в Японии был принят Закон о структурной реформе здравоохранения. Разработчики проекта реформы, учитывая тяжелое положение государственных финансов, главный акцент сделали на меры, направленные на сокращение бюджетных расходов. Между тем по уровню затрат на здравоохранение, составляющих около 8% ВВП, Япония занимает в списке стран-членов Комитета помощи развитию предпоследнее место (на последнем — Великобритания). Это свидетельствует о том, что японская система здравоохранения с точки зрения ее финансовой отдачи относительно эффективна.

Одним из важнейших приоритетов структурной реформы здравоохранения является акцент на профилактику, а не лечение, поскольку многие болезни легче предотвратить профилактическими мерами. Поэтому обязательным для страховщиков стало проведение регулярных мероприятий по медицинскому просвещению граждан старше 40 лет, обязательных диспансеризаций и профилактических осмотров.

Другим существенным моментом структурных реформ стало введение новой системы финансирования здравоохранения для граждан старше 75 лет. Она финансируется из налогов (50%), взносов страховщиков (40%) и выплат самих пациентов (10%). Эта система дополнена системой по страхованию долгосрочного патронажного ухода за пожилыми людьми и имеет свои градации в зависимости от возраста человека. Надо отметить, что система медицинского обслуживания пожилых граждан Японии является частью системы их социального обслуживания. Автор этих строк убедился при посещении реабилитационных центров, учреждений по обеспечению патронажных услуг и т.д., что курс на решение проблемы медицинского обслуживания людей старших возрастов является неотъемлемой частью национальных планов развития⁵.

Поскольку система здравоохранения Японии чрезмерно централизована, большое место в планах структурной реформы занимает вопрос о поощрении инициатив со стороны местных и префектуральных органов

власти. При этом каждая префектура должна составлять собственный план оптимизации бюджета на здравоохранение

На повестке дня стоят и новые вопросы перспективного развития системы здравоохранения в Японии. В их числе можно назвать реформу процесса разработки политики охраны здоровья населения в направлении большего участия граждан. Японская система здравоохранения достигла определенных успехов в области доступа к медицинским услугам, но много проблем остается в плане качества и затрат. И в определенной степени это связано с тем, что процесс разработки политики здравоохранения традиционно осуществлялся с точки зрения поставщиков медицинских услуг. Поэтому приобрела актуальность задача эффективнее учитывать мнения граждан в ходе выработки политических решений, касающихся всей системы медицинского страхования страны. Например, в состав органов, занимающихся распределением бюджетных средств в системе медицинского страхования, необходимо включать больше представителей пациентов с целью максимального привлечения общественности к процессу разработки здравоохранительной политики.

Важным направлением структурной реформы является реформа бюджетного планирования в сфере здравоохранения. Главной проблемой в этой области является отсутствие последовательной и скоординированной политики при выделении средств. Например, недостаточные средства выделяются больницам на наем среднего медицинского персонала, результатом чего является нехватка медицинских сестер. Авторы проекта реформы стремятся переформатировать процесс бюджетного планирования в сфере здравоохранения, ориентируя его на учет потребностей пациентов и обеспечение эффективности расходов. В ходе реформы также важно уделить внимание обеспечению полной прозрачности информации по работе системы здравоохранения.

Можно заключить, что реформа системы здравоохранения Японии имела четко выраженный поэтапный характер. В ходе каждого этапа проводилось широкое общественное обсуждение предлагаемых мер, после чего принимались необходимые законы и нормативные акты. Важно и то, что реформа системы здравоохранения была тесно связана с решением других проблем социальной сферы (например, пенсионной реформы). Комплексный характер социальной политики позволил обойтись без социального напряжения и социального расслоения общества.

Примечания

¹ Согласно исследованию, проведенному консалтинговой фирмой "McKinsey", уже в ближайшие 25 лет спрос на медицинские услуги в Японии может возрасти в 3 раза.

² Тихоцкая И.С. Социальное обеспечение в Японии в преддверии XXI в. — Япония 1999–2000. Ежегодник. М., 2000, с. 159–179.

³ *Wise D.A., Yashiro N.* Health Care Issues in the United States and Japan. — University of Chicago Press, 2006, p. 17–41.

⁴ *Григорьева Н.С.* Интервью с депутатом парламента Японии госпожой Томоко Абэ — Реформа системы медицинского обеспечения в Японии. — Управление здравоохранением. 2005, № 3 (<http://www.healthmanagement.ru/html/N16/Abe.htm>).

⁵ *Григорьева Н.С.* Организация и работа медицинских учреждений в малых городах Японии (на примере города Киёсэ). — Управление здравоохранением. 2005, № 3 (там же); *она же.* Японский дневник: встречи и впечатления (там же).

В.Э. Молодяков

**РАСТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ:
СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЯПОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Говоря о проблемах Японии третьего тысячелетия, невозможно обойти вниманием ее молодое поколение. Сегодняшние студенты, школьники, молодые «белые» и «синие воротнички» со временем станут министрами, главами корпораций, послами, профессорами, писателями и будут определять судьбы страны. Не все, разумеется, но кто-то непременно станет. Тем, кому сейчас от 15 до 30 лет, в обозримом будущем придется взвалить на свои плечи заботу о неуклонно стареющем обществе. «Серебряное поколение» отказывается сдавать лидерские позиции, но содержать его придется именно работающей молодежи за счет своих налоговых выплат.

Молодые японцы — кто они? К чему стремятся? Чего хотят? Что могут? Дать обобщающий и в то же время не слишком обобщенный ответ сложно. Автор этих строк, уже писавший о японской молодежи¹, ограничился тремя «срезами» ее жизни, тремя важнейшими показателями ее ценностных ориентаций: 1) образование и карьера; 2) секс, брак и семья; 3) досуг и развлечения. Однако на этот раз я — как делают многие японские авторы, волнующиеся за будущее страны, — решил заострить внимание на тревожных моментах и факторах, которые не являются определяющими в национальном масштабе, но требуют пристального и безотлагательного внимания.

Под «молодежью» я понимаю, как это официально принято в японской статистике, лиц в возрасте 15–30 лет, начиная с учащихся средней школы второй ступени (*кото гакко*). Психологически многие из них остаются «молодыми» минимум лет до 40, причем даже в собственных глазах, а не только по мнению старших поколений. Этот факт я учитывал в данном исследовании, основанном в том числе на многолетнем личном опыте общения с японцами разного «паспортного» возраста в официальной и неформальной обстановке.

По закону гражданское совершеннолетие наступает в Японии в 20 лет. С этого возраста ее граждане получают право пить алкогольные напитки, курить, вступать в брак без разрешения родителей, играть на скачках,

© Молодяков В.Э., 2012

брать кредиты и заключать контракты, голосовать на выборах, хотя водительские права могут получить уже в 18 лет. Предложения некоторых политиков снизить возраст гражданского совершеннолетия до 18 лет не встретили поддержки у 70% японцев, так что его изменение в обозримом будущем едва ли реально. Одной из причин является необходимость пересмотреть минимум 191 действующий закон, при том что в стране есть более насущные проблемы². Да и сами молодые японцы не очень стремятся к этому.

Старшие поколения склонны критиковать молодежь за всё без разбора, точнее, за отличия от них. Взрослея и старея, вчерашние молодые не становятся исключением и тоже критикуют младшие поколения. Японцы среднего и пожилого возраста считают сегодняшнюю молодежь (как, впрочем, 10, 20 и 30 лет назад) социально незрелой, эгоистичной, безответственной, ленивой и невоспитанной, однако признают за ней более высокую степень свободы и умение обращаться с современными техническими новинками, т.е. лучшую, в сравнении с ними, адаптированность к условиям высокотехнологического информационного общества.

Приведенную выше характеристику можно считать «стереотипом». Перечисленные внешние качества, действительно, присущи значительной части сегодняшней японской, особенно городской, молодежи. Не надо быть старым ворчуном, чтобы раздражаться на громкий неестественный смех и дурашливые выкрики в общественном транспорте, экстравагантные наряды, подчеркнутую «детскость» (*кодомоппой*) японок, что считается «милым» (*кавайи*) и «сексуальным» (*сэкуси*), и одновременное тяготение японцев к стилю «унисекс» (длинные крашенные волосы, украшения, одежда экзотических цветов и фасонов), который вызывает в памяти слова поэтессы Ольги Арефьевой: «Ты б хоть постриглась, чтоб не быть как парень». Такой тип молодых людей (аналог европейского «метронома») становится в Японии всё более модным и привлекательным в противовес брутальному «альфа-самцу», будь то популярные ранее типы «самурая», «бунтаря», «спортсмена», «байкера» или «якудзы».

Есть и другие тенденции, которые тоже можно увидеть невооруженным глазом — например, на предвыборных и агитационных плакатах политических партий все чаще мелькают молодые лица кандидатов и действующих депутатов. Пока это лишь привлекательные лица. Японская молодежь не заявила о себе как о самостоятельной политической силе в «поколенческом» плане, но партии все активнее используют именно ее «поколенческий» потенциал. В 2009 г. обилие молодых кандидатов-новичков, особенно женщин, помогло Демократической партии выиграть у либерал-демократов выборы в нижнюю палату парламента. Годом позже бумеранг вернулся, когда ЛДП перехватила эту стратегию и лишила правящую партию большинства в верхней палате.

Японская молодежь делает все это не «сама по себе». Именно старшие толкают ее в политику, и они же диктуют — прежде всего через СМИ и рекламу, — что считать *кавайи* и *сэкуси*. Подобный контроль, эффек-

тивность которого очень высока, поддерживает социальную стабильность, но лишает молодых творческого потенциала и замедляет их социальное и психологическое взросление.

Образование было и остается для японцев одной из базовых социальных ценностей. Действующее законодательство предусматривает обязательное девятилетнее среднее образование (дети, не имеющие возможности из-за болезни посещать обычные школы, обучаются на дому или в специальных учебных заведениях), отсутствие которого является социальной аномалией. Формально японец может поступить на работу уже в 15 лет, и трудоспособное население исчисляется именно с этого возраста. Однако удельный вес получивших полное среднее образование (обязательная девятилетка плюс три года средней школы второй ступени) в 2010 учебном году составил 97,8% для мужчин и 98,3% для женщин³.

Больше половины выпускников полной средней школы (12 лет), точнее, 57,7% мужчин и 56,0% женщин, продолжают образование в одном из 778 университетов страны (данные за 2010 учебный год). Диплом престижного университета остается в японском обществе «патентом на благородство», как бы ни учился его обладатель. Фактор «университетских групп» (*гакубацу*), объединений однокурсников или «старших» (*сэмпай*) и «младших» (*кохай*) выпускников одного факультета или университета намного важнее полученных знаний. Эти социальные связи относятся к числу наиболее уважаемых, прочных и действенных; как правило, они сохраняются на всю жизнь и часто не уступают семейным. Поэтому участие в кружках и клубах (спортивных, художественных, туристических) для студентов важнее занятий и оценок. Педагоги относятся к этому с полным пониманием, потому что сами когда-то были студентами и точно таким же образом «завязывали связи».

Имея возможность в течение многих лет наблюдать студентов, аспирантов и выпускников ряда престижных и не очень престижных токийских университетов, могу отметить общие черты. Первое: малая, по сравнению со школой, интенсивность и насыщенность учебного процесса и, соответственно, отсутствие жесткого психологического прессинга. Второе: престижность для самих студентов не столько успехов в обучении, сколько активности в различной общественной деятельности. Третье: «либеральность» требований к дисциплине и поведению учащихся со стороны преподавателей и университетского начальства. В этом причина пресловутой «лености» японских студентов, которую констатируют социологи и на которую жалуются педагоги. В основном иностранные, потому что японцы прекрасно понимают ее причины. Настоящее высшее образование в Японии начинается с магистратуры, где насыщенность учебного процесса, равно как и предъявляемые требования, гораздо выше. Примерно как на первом курсе российского университета, в который приходят за знаниями и специальностью.

Наличие высшего образования прямо влияет на материальную обеспеченность во всех сферах деятельности, кроме, пожалуй, организован-

ной преступности. Стартовая заработная плата выпускника университета или специализированного колледжа при поступлении на службу (средний показатель для 2010 г.: 200 300 иен для мужчин и 193 500 иен для женщин) определяется формальным уровнем полученного образования, нередко вне зависимости от того, соответствует ли выполняемая работа полученной специальности или нет. Большинство выпускников университетов становятся «белыми воротничками» или занимают сопоставимое с ними социальное положение, прочие занимаются менее интеллектуальным, но от того не менее полезным трудом.

Расслоение по образовательному цензу задает дальнейшее социальное расслоение, поэтому конкурс в наиболее именитые университеты очень велик, несмотря на тенденцию к снижению общего числа абитуриентов (в силу демографических причин) и хронический в последние годы «недобор» в менее престижных вузах. Большинство сколько-нибудь амбициозных японцев до сих пор видят в дипломе важное средство поддержания или улучшения социального статуса. Окончание университета само по себе ничего не гарантирует, но отсутствие диплома автоматически закрывает многие пути. Из всех послевоенных премьеров высшего образования не имел только Какуэй Танака, отличавшийся иными достоинствами.

Социальная ценность образования остается для японцев более важной, чем профессиональная. Сложилась парадоксальная ситуация: полученная специальность может не только не способствовать, но даже мешать будущей работе. Когда молодой выпускник университета поступает на службу в крупную торговую компанию, «кадровики» смотрят не на его академическую специальность, а на то, какую школу и университет он окончил. Иными словами, каков его социальный background, включая положение в обществе его семьи; как говорят сами японцы, дети бомжей и мафиози в Токийском университете не учатся. В торговых компаниях, в банках, на биржах работает много людей с высшим юридическим или даже филологическим, а не экономическим или менеджерским образованием, поскольку наниматель воспринимает их как «чистый лист», как людей, которых придется всему учить заново.

Некоторые японские аналитики считают, что количество людей с высшим образованием, вне зависимости от его качества и специализации, превышает реальную потребность. Однако теперь за абитуриентов бьются не только частные, но и бывшие государственные университеты, риски которых на рынке образовательных услуг повысились в результате реформ последних лет. Опираясь на тот факт, что большинство выпускников (точные данные здесь отсутствуют) по окончании университета не используют полученную специальность, можно задать резонный вопрос: не является ли проведенное в университете время потерянным для профессионального становления, тем более что обучение стоит немалых денег? Верно и другое: если человек, получивший высшее образование, не использует свою специальность в работе, это потеря для общества, а не только для него самого.

Поступать на службу по окончании четырехлетнего университетского курса или продолжать обучение дальше — вот второй главный выбор карьеры для молодых японцев. «Избыток» высшего образования — магистратура и особенно докторантура — при приеме на работу может оказаться не преимуществом, а препятствием, так как более высокий уровень образования предполагает более высокое стартовое жалование. Если к обладателям степени Master of Business Administration (M.B.A.), особенно полученной в США, благоволят многие фирмы и банки, то степень Ph.D. нередко закрывает путь в эту сферу. То, что две трети выпускников сразу поступают на работу, также говорит о преимущественно социальной, а не профессиональной ценности высшего образования.

Благостную картину «школа — университет — карьера» нарушают люди из категорий *фурита* (от английского 'freeter') и *ниито* (от англ. NEET — Not in Education, Employment, Training). *Фурита* — люди, живущие «на вольных хлебах», зарабатывающие самостоятельно, но не имеющие постоянной работы. *Ниито* нигде не работают и не учатся и не собираются это делать. С 1990 по 2001 г. количество *фурита* в возрасте 19–30 лет (исключая учащихся) выросло в 2,3 раза — с 1,83 млн. до 4,17 млн., что позволяет говорить о них как о социальной группе со своей психологией. По данным одного из опросов 2006 г., к этой категории себя относили 48% респондентов в возрасте 15–24 лет и 26% — в возрасте 25–34 лет. О своей принадлежности к категории *ниито* в 2009 г. заявили 640 тыс. японцев: 260 тыс. (40%) в возрасте 15–24 лет и 380 тыс. (60%) — в возрасте 25–34 лет. Для сравнения укажу, что в 2002 г. их количество оценивалось в 480 тыс., а год спустя уже в 520 тыс.

Понять этих людей нетрудно. Они не хотят делать неинтересную и нелюбимую работу или согласны выполнять ее лишь в минимально необходимом объеме, а потому не связывают себя не только традиционной системой «пожизненного найма», но даже полным рабочим днем или «просиживанием штанов» в офисе, предпочитая работать дома или в студии (от модельеров до программистов). Чтобы использовать потенциал этих категорий — среди них немало выпускников университетов и людей, владеющих тем или иным «ремеслом», — власти на протяжении первого десятилетия 2000-х годов провели адресованную в первую очередь молодежи пиар-кампанию в пользу «правильной перемены работы (*тэнсёку*)». Различные общественные организации и фонды местного и национального масштаба призывали молодых не бояться менять место службы, если она им не нравится, и предлагали помощь — прежде всего через Интернет — в поиске новой, которая в большей степени соответствует их желаниям и квалификации. Не берусь оценивать масштаб, экономический, социальный и психологический эффект этой кампании, что потребовало бы специального исследования, но должен констатировать, что в последние год-два она фактически сошла на нет, сменившись уверениями в пользе и благотворности системы «пожизненного найма».

Далеко не все *фурита* и *ниито* относятся к «золотой молодежи» или «принципиальным тунеядцам»: одни пока не нашли работу по вкусу или не определились на жизненном пути; другие зарабатывают деньги, чтобы заниматься любимым делом, которое не стало для них значимым источником дохода (например, рок-музыка или рисование *манга*). Их характеризует другое — отсутствие карьерных амбиций в общепринятом смысле, за чем чаще всего стоит отсутствие вообще каких-либо амбиций. Таких людей сами японцы за глаза называют «травоядными». К этой категории — более психологической, чем социальной — могут относиться и люди, имеющие постоянную работу, но воспринимающие ее как повинность, если не как «неизбежное зло».

Отсутствие амбиций и устремлений, считающееся главным признаком «травоядных», проявляется не только на рабочем месте. В отличие от своих отцов и дедов, многие молодые японцы стремятся меньше работать, соглашаясь при этом меньше зарабатывать и меньше потреблять, что идет вразрез с доминирующими принципами построенного в послевоенной Японии общества управляемого потребления. Другой признак «травоядности», отмечаемый самими японцами, — растущее нежелание вступать в брак, рожать детей и просто заниматься сексом.

Биологическое, физическое и психическое здоровье нации является важным условием ее экономического и социального процветания. Благодаря улучшению условий жизни и развитию медицины Япония стабильно занимает одно из первых мест в мире по средней продолжительности жизни (в 2009 г. 79,59 года для мужчин и 86,44 года для женщин) и одно из последних по детской смертности. При этом рождаемость имеет четкую тенденцию к сокращению, из-за чего страна уже несколько лет балансирует на грани «нулевого прироста» населения. Этому способствуют уменьшение количества браков (5,6 на 1000 чел. в 2010 г. против 10 в 1970 г.) и увеличение количества разводов (2,0 на 1000 чел. в 2010 г. против 0,74 в 1960 г.). Отсюда главная демографическая проблема японского общества — неуклонное старение. По классификации ООН, оно наступает, когда доля лиц старше 65 лет в стране превышает 7% населения. Япония перешагнула этот порог в 1970 г. С тех пор показатель непрерывно растет, достигнув 22,8% в 2009 г.

Почитание старших и забота о них относятся к числу традиционных ценностей японского общества, хотя молодежь все меньше слушает «стариков» и не стремится поступать в соответствии с их желаниями и советами. Тенденция к сокращению числа браков и нежелание создавать семью, выражающееся и в непрерывном повышении возраста первого брака, тоже связаны с этим. Перспектива жить под одной крышей с родителями или еще более старшим поколением — что присуще японской семье традиционного типа — все меньше устраивает молодых. Сразу обзавестись собственным комфортабельным (пригодным для жизни вдвоем и тем более с ребенком) жильем могут позволить себе далеко не все, даже при развитой системе кредитов на жилье.

Сексуальная жизнь современных японцев лишь недавно стала в России предметом серьезного изучения, но уже появились ценные работы, среди которых следует отметить статьи А.Е. Куланова и его книгу «Обнаженная Япония», написанную в соавторстве с Н. Окино⁴. Здесь необходимо учитывать сложный баланс сексуальных и социальных факторов, поскольку представления японцев о сексе, семье и браке могут показаться противоречивыми. Японское общество традиционно было и в целом остается морально ориентированным и склонно осуждать тех, кто отступает от канонов сексуального или семейно-брачного поведения. Однако на деле для него всегда был характерен моральный релятивизм: акцентирование внимания на необходимости укрепления семьи и поддержания ее традиционной структуры соседствовало с признанием (правда, исключительно за мужчинами) права не только на сексуальные отношения до брака, но и на их относительную свободу после вступления в брак, а развод долгое время рассматривался как явление аморальное и асоциальное.

Вкупе с влиянием заморской «сексуальной революции» это утвердило в сознании молодых японцев мысль о том, что ранние сексуальные отношения и сексуальные связи вне брака ничего дурного собой не представляют. Наряду с этим они продолжают серьезно относиться к социальной стороне дела, считая создание новой семьи не столько личным делом двоих, сколько важным общественным актом. Семья должна создаваться только тогда, когда есть необходимая материальная база и достигнуто определенное положение в обществе, хотя бы будущие муж и жена до того времени не только «встречались», но и жили вместе под одной крышей.

В социальном плане такая ситуация приводит не только к сокращению числа браков, но и к постоянному росту среднего возраста вступления в брак. Если в 1950 г. он составлял 26 лет для мужчин и 23 года для женщин, то к 2009 г. дошел соответственно до 30,4 года и 28,6 года (в крупных городах — выше среднего) при сохранении тенденции к повышению. Брак, заключенный в студенческие годы, даже если другой партнер уже не студент, в Японии воспринимается как аномалия. Основными причинами стремления не создавать семью как можно дольше являются как нежелание терять «свободу», так и сознание «незрелости», недостаточности своего материального положения и/или социального статуса для создания «полноценной» семьи.

Нежелание вступать в брак особенно развито у женщин. По мнению психологов, это своего рода компенсация за прежнее подчиненное положение в семье, которое выражалось формулой: до замужества женщина принадлежит отцу, в замужестве — мужу, во вдовстве — старшему сыну. В сегодняшней Японии незамужняя женщина воспринимается партнером-мужчиной как социально равная, поскольку современной молодежи гендерная дискриминация в целом не свойственна. Выйдя замуж, женщина это равенство теряет, а с рождением ребенка, которое по-прежнему считается главной целью брака, на определенный срок ли-

шается самостоятельной социальной жизни. Многие молодые японки не торопятся вступать в брак и рожать детей, ссылаясь на материальные трудности, но это обусловлено и субъективным ощущением «достаточности» своего положения.

В жизни современных японцев секс далеко не всегда связан с браком. Официальный запрет проституции в конце 1950-х годов, разумеется, не привел к искоренению этого явления, а только придал ему новые формы. Проституцией традиционного типа занимаются в основном неяпонки; услуги проституток-японок стоят гораздо дороже. Я не располагаю статистическими данными о том, лица каких возрастных и социальных категорий пользуются их услугами, но большинство обычных молодых японцев (не беру связанных с преступным миром или индустрией развлечений) не из их числа, в том числе по причинам экономическим. У них есть постоянные подруги из среды социально равных, отношения с которыми могут длиться долго и не всегда заканчиваются браком. Другое дело, что, став начальниками секторов или отделов на службе и почтенными отцами семейств дома, они будут позволять себе развлекаться в «веселых кварталах» (со ссылкой на необходимость проводить время с коллегами по работе и, тем более, с деловыми партнерами — *окакусама*) или иметь любовниц. Одновременно связи «на стороне» могут заводить и их жены, т.е. те, кто старше сорока.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. С одной стороны, самые что ни на есть «приличные» масс-медиа и рекламщики давно и настойчиво насаждают в качестве наиболее привлекательного секс-символа образ «лолиты» — девочки лет пятнадцати непременно в школьной форме. Их изображения в многочисленных эротических изданиях, которые можно купить повсеместно, сопровождаются необходимой по закону оговоркой, что все реальные фотомодели старше 18 лет (хотя гражданское совершеннолетие наступает двумя годами позже). Буклеты «массажных салонов» и афиши эротических шоу нередко изображают именно школьниц. При этом в стране ведется — правда, с переменным успехом — борьба против «детского порно», проституции несовершеннолетних, известной под эвфемистическим названием «свидания для помощи» (*эндзё косай*), и «чрезмерно сексуальных» и «нездоровых» *манга* и *анимэ* (одним из главных борцов с ними является губернатор Токио Синтаро Исихара). Педагоги, психологи, социологи и моралисты бьют тревогу, как, например, Сумико Ивао: «Именно мы, взрослые, должны первыми оценить и исправить бесчеловечное разделение тела и души, порочные сексуальные привычки и обычаи, поклонение деньгам, конформистское влечение к вещам „с именем“ и недостаток духовности, который захлестнул наше общество»⁵. Пока «старшие» борются с имиджами и фетишами, которые сами же создали, молодежь, как правило, молчит. Воротилы бизнеса, прежде всего рекламного и издательского, протестуют против ограничений «свободы слова» (как в фильме Милоша Формана «Ларри Флинт против народа») и пока не несут ощутимых убытков.

С другой стороны, молодые японцы, живущие в потоке сексуально ориентированной масс-культуры, рекламы и информации, стремительно теряют интерес к физической близости. «Японские двадцатилетние ставят секс на одно из последних мест в числе жизненных приоритетов, отдавая пальму первенства кино, музыке, учебе, зарабатыванию денег и встречам с друзьями»⁶. Обнародованные 13 января 2011 г. результаты исследования, проведенного Министерством здравоохранения Японии, показали, что 36% японцев в возрасте 16–19 лет не проявляют интереса к сексу и не думают о нем. В 2008 г. этот показатель составлял 17,5%. Показатели для женщин оказались еще более впечатляющими: 59% против 47% двумя годами ранее⁷. СМИ, в том числе японские, не раз публиковали результаты социологических опросов о количестве и частоте половых контактов, согласно которым японцы стабильно занимают одно из последних мест в мире (в разных вариантах 45,39 раз в год и даже меньше при среднем показателе порядка 100).

Эти данные вызвали настоящую панику у демографов, поскольку будущее нации в прямом смысле слова оказалось под угрозой. Коэффициент фертильности (среднее количество детей, которое рождает женщина в течение жизни) в стране упал до критической отметки 1,21 против 2,08, необходимых для воспроизведения демографически гармоничного общества. Если японки, которым через 10 лет предстоит вступить в брак, сохраняют такое же отношение к сексу, население Японии начнет убывать даже с поправкой на стабильно высокую продолжительность жизни. Правительство уже не первое десятилетие пытается проводить демографическую политику, направленную на повышение рождаемости, но принимаемые меры имеют исключительно экономический и социальный характер⁸. Может, пора задуматься о сексуальной политике на государственном уровне?

Причину падения интереса к сексу у молодых японцев следует искать не в нежелании иметь детей, как считают некоторые аналитики, поскольку дефицита противозачаточных средств в стране явно не наблюдается (именно их обеспокоенные производители регулярно проводят опросы и исследования сексуальной жизни сограждан). Психологам и демографам хорошо известно, что многие японские супружеские пары теряют интерес к интимной близости после рождения первого ребенка, когда муж и жена начинают спать в разных постелях и называть друг друга «папа» и «мама». Так появился термин *сэксусурэсу каппуру* (от англ. 'sexless couple').

Однако в данном случае речь идет о будущих супругах и потенциальных родителях, на которых не должен действовать и второй доминирующий фактор сексуальной неактивности — усталость после рабочего дня. Психологи и сексологи видят в этом еще один признак растущей «травоядности» и затянувшегося инфантилизма, на которые не действуют ни сексуально ориентированная реклама, ни поток нарочито слезливых сериалов «про любовь». Похоже, для молодых японцев секс перестал быть даже приятным времяпровождением.

Японская молодежь любит и умеет отдыхать и развлекаться, хотя формы досуга у нее заметно отличаются от принятых у старших поколений. Они тоже ходят на выставки и концерты, посещают караоке и бары, но предпочитают делать это в компании сверстников и друзей, а не коллег по работе или клиентов и мало привержены к выпивке, которая остается неотъемлемой частью досуга старших, проводящих свободное от работы время в шумных, прокуренных харчевнях *идзака*.

Во многих случаях личный отдых и социальные функции, которыми тоже нельзя пренебрегать, успешно совмещаются. Это прежде всего занятия спортом и художественная самодеятельность (как правило, рок-группы, хоры и драматические кружки), не только существующая, но и по-настоящему популярная в японских школах и университетах. Большинство школ и каждый уважающий себя университет имеют по несколько бейсбольных и футбольных команд, сборные по теннису, регби, плаванию и даже хоккею, а также по традиционным национальным видам спорта вроде *каратэ*, *кэндо* или стрельбы из лука. Участие в подобной деятельности, даже в ущерб успеваемости, поощряется преподавателями и университетским начальством, которые уверены в несомненной педагогической ценности любой групповой активности, если она не имеет политического характера.

О том, как японцы, в том числе молодые, проводят свободное время, существует обширная научная и популярная литература, уделяющая внимание и «общечеловеческим», и специфическим формам их досуга. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых тенденциях, связанных с молодежной субкультурой, которые превращаются в стиль жизни и даже в мировоззрение. Молодежная субкультура (возможно, правильнее употреблять это понятие во множественном числе — «молодежные субкультуры») Японии не является уникальной или наиболее разнообразной и самобытной. Однако она настолько «распиарена» на государственном уровне и в глобальном масштабе — «старшими», а не ее адептами, — что приобрела мировую известность⁹.

Молодежная субкультура определяется как «совокупность ценностей, традиций, обычаев, присущих молодежи, у которой *досуг и отдых как ведущие формы жизнедеятельности вытеснили труд в качестве важнейшей потребности*» (курсив мой. — В.М.)¹⁰. Иными словами, речь идет не о том, как проводится «свободное от работы время», но что замещает работу в качестве главного смысла жизни. Конечно, это распространяется не на всё молодое поколение, а лишь примерно на 30% для развитых стран, но именно «субкультурная молодежь» зачастую задает тон и моду большинству сверстников, тем самым влияя на состояние общества в целом.

«Японская молодежь больше не хочет идти дорогой своих отцов, — констатировала Е.Л. Катасонова. — В умах молодых японцев произошла революция: общие интересы они перестали ставить выше личных... При этом японский индивидуализм — не подражание Западу, а протест про-

тив группового сознания прошлой эпохи»¹¹. Начавшийся в 1980-е годы процесс продолжается непрерывно, принимая в каждом десятилетии новые, специфические формы, для которых приходится придумывать новые — в основном заимствованные из английского языка — термины.

В социально-профессиональной сфере это *фурита* и *ниито*. В сексуальной — это семейные и несемейные *сэксусурэсу каппуру*, даже если она *кавайи*, а он *каккоий*, т.е. «крутой» или «клевый». В социально-бытовой — *парасайто сингуру* (от англ. 'parasite single') и даже *парасайто каппуру* (от англ. 'parasite couple')¹² — молодые люди трудоспособного возраста, нигде постоянно не работающие и живущие вместе с родителями, которые содержат их и заботятся о них вплоть до приготовления им пищи. Иногда они снимают жилье — на родительские деньги — поблизости от «предков», чтобы пользоваться благами такого соседства, но не помогать им по хозяйству, не выслушивать их наставлений и вообще не стеснять свою «свободу». К перечисленным категориям принадлежит значительное число *отаку* — поклонников (так и хочется сказать — «адептов») *манга*, *анимэ* и специфических компьютерных игр, а также связанных с ними стилей одежды и поведения.

Отаку часто встречаются и среди *хикикомори* — «добровольных затворников», или «социальных аутистов», количество которых в Японии, по некоторым данным, доходит до 1 млн.¹³ Запершись в четырех стенах и имея средства к существованию (обычно полученные от родителей или других членов семьи), они ощущают себя в виртуальном мире, будь то на страницах *манга* или на экране компьютера, гораздо уютнее и комфортнее, чем в реальном. Киберпанк-писатель У. Гибсон назвал *отаку*, путь которых до состояния *хикикомори* весьма короток, «патолого-технофетишистами с недостатком социальности» и «анемичными аутистами». Они чувствуют себя в Сети как дома, отлично разбираются во всем, что связано с «софтом» и «хардом», и живут по-своему насыщенной жизнью. По словам французской журналистки Э. Барраль, «они не знают разницы между реальным и виртуальным миром и однозначно предпочитают виртуальный». Американский журналист П. Шедаль охарактеризовал их мировоззрение, порожденное виртуальным миром, как «причудливую смесь апокалиптического насилия, приторной миловидности (*кавайи*. — В.М.), растущего национализма и извращенного секса»¹⁴. Неудивительно, что во многих европейских странах, не отягощенных излишним пуританизмом, сложился крайне негативный имидж *манга* и *анимэ*, постепенно переходящий на всю японскую масс-культуру, как смеси садомазохизма и грубого порно.

Уход в такой мир тревожит японских психологов и социологов, поскольку контакты «запущенных» *отаку* и *хикикомори* с реальностью могут закончиться катастрофой не только для них, но и для окружающих. Яркий (хотя, к счастью, не типичный) пример — «резня на Акихабаре» 8 июня 2008 г., когда 25-летний Томохиро Като зарезал четверых случайных прохожих и тяжело ранил восьмерых; еще троих он сбил грузовиком, на

котором приехал. Преступление привлекло всеобщее внимание не только жестокостью и немотивированностью, но и тем, что произошло в культовом для *отаку* месте японской столицы. Убийца не был *отаку*, скорее относясь к *хикикомори*, но случившееся лишним раз показало потенциальную опасность этой социально-психологической аномалии.

Случай Като, приговоренного к смертной казни, заставил в очередной раз задуматься об опасности эскапизма, каковы бы ни были его причины и формы. В последние годы в небогатой умышленными убийствами криминальной статистике Японии (общее число убийств в 2009 г. — 1094) все чаще мелькают сообщения, когда родителей убивают их дети 16–20 лет, которые жалуются на «несвободу», на невнимание к их личности и запросам, но могут доказать свою «взрослость» лишь таким извращенным способом. Нередко почерпнутым из *манга* и *анимэ*, добавляют эксперты.

Я не пытался дать сколько-нибудь полный социальный портрет японской молодежи, вступившей в третье тысячелетие, поскольку это едва ли возможно в ограниченных рамках статьи. Моя задача была другая — показать наиболее острые проблемы «растерянного поколения», которое само порой не осознает их важности и даже опасности. Затянувшийся инфантилизм японцев объясняют тем, что с развитием 80-летнего жизненного цикла «период детства» стал более продолжительным. Предки рано выросли не от хорошей жизни, но оставили потомкам хорошее наследство. Не дай бог, сбудется японская поговорка: «Третье поколение продает родительский дом».

Примечания

¹ Японская молодежь накануне третьего тысячелетия. — Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999. В настоящей работе использованы некоторые фрагменты этой статьи, которые, несмотря на временную дистанцию, не потребовали существенной переработки, что само по себе симптоматично.

² См.: <http://factsanddetails.com/japan.php?itemid=622&catid=18>

³ Здесь и далее статистические данные взяты из следующих изданий: Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник); Facts and Figures of Japan (за разные годы).

⁴ Куланов А., Окино Н. Обнаженная Япония. Эротические традиции Страны солнечного корня. М., 2008.

⁵ Japan Echo. 1997, vol. 24, No. 2, June.

⁶ Куланов А., Окино Н. Цит. соч., с. 295.

⁷ <http://www.free-world-news.net/one-third-of-japans-reluctant-youth-sex/87121313>

⁸ Молодякова Э.В. Государственная политика Японии в области рождаемости и охраны детства. — Японский опыт для российских реформ. Вып. 2. М., 2003.

⁹ См.: Куланов А.Е. Культурная дипломатия Японии. — Внешняя политика Японии. История и современность. М., 2008; он же. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации. — Глобальные вызовы — японский ответ. М., 2008. Показательный пример — популярное издание, рассчитанное на иностранцев, не

имеющих специальных знаний о Японии (Inside Out. A Mini Encyclopedia of Contemporary Japanese Culture. Токио, 2008), которое открывается главой о *манга* и *анимэ* с фотографией главы японского МИДа, «назначающего» популярного героя мультфильмов Дораэмона первым «послом *анимэ*».

¹⁰ www.glossary.ru

¹¹ *Катасонова Е.Л.* Другая Япония: лики молодежной субкультуры. — Япония 2008. Ежегодник. М., 2008, с. 183.

¹² Оба термина вошли в широкий обиход после книги их автора: *Ямада Масахиро*. Парасайто сингуру-но дзидай (Эпоха *парасайто сингуру*). Токио, 1999.

¹³ По мнению автора термина и первого исследователя этого явления Сайто Тамаки. См.: *Тамаки Сайто*. Сякайтэки хикикомори (Социальное затворничество). Токио, 1998.

¹⁴ <http://factsanddetails.com/japan.php?itemid=622&catid=18>

И.С. Тихоцкая

«ТИХИЕ РЕВОЛЮЦИИ» В ЯПОНИИ

Япония — не просто страна древних традиций, это страна, где глубоко укоренившиеся традиции пронизывают повседневную жизнь людей и почитаются ими. Это страна, где на протяжении всей истории предпочитали эволюционный путь развития (в отличие от России, для которой характерно сначала «до основания разрушим», «а затем... новый мир построим»). Любознательные и прагматичные японцы, известные во всем мире как непревзойденные имитаторы, имеющие чутье на все новое и перспективное и умеющие доводить все до совершенства, всегда сначала как следует все изучат, проанализируют и только потом на основе чужеземной идеи создадут «продукт», который мир будет воспринимать как нечто новое и сугубо японское¹. И термин *какумэй* («революция») применялся в Японии лишь в отношении событий, происшедших за рубежом, но не в отношении самых что ни на есть радикальных преобразований в своей стране. Ярким примером с этой точки зрения является *Мэйдзи исин* («Реставрация Мэйдзи»).

В XX в. положение изменилось. В 1960–1970-е годы широко стало применяться словосочетание «научно-техническая революция», в достижении которой Япония постепенно вносила все большую лепту, и тогда же поверженная, разоренная войной страна вошла в число мировых экономических лидеров. В результате коренным образом изменилось и японское общество — значительно повысился уровень жизни людей, изменились облик населенных пунктов и жизненный уклад, стиль жизни людей. Сложившееся в стране общество, ориентированное на мужчин, стало давать трещины. Все большее число женщин уже не хотели ограничиваться лишь заботой о семье и доме, а стремились к самовыражению и самоутверждению. Стал рушиться характерный для послевоенного периода быстрых темпов экономического роста стереотип поведения женщин — после замужества и рождения ребенка оставлять работу и становиться профессиональной домохозяйкой². Дело в том, что в этот период изменение социальной структуры японского общества вследствие радикальной структурной перестройки экономики, превращения большинства занятых в наемных работников привело к тому, что женам не надо было более принимать участие в семейном бизнесе. Вся япон-

© Тихоцкая И.С., 2012

ская система найма в основном ориентировалась на мужчин, тогда как женщины занимались домом и детьми.

Однако постепенно, по мере роста и расширения сектора услуг, сервисизации и информатизации экономики, благодаря большим возможностям частичной занятости, шансы женщин на трудоустройство резко увеличились. Выход на авансцену, изменение роли, активные действия женщин стали настолько заметно менять японское общество, что это позволило известному японскому социологу Сумико Ивао на рубеже 1980–1990-х годов назвать этот процесс «тихой революцией»³. С тех пор вышло немало книг и статей с таким подзаголовком⁴.

В пережившем длительную депрессию 1990-х годов японском обществе в начале нового столетия стали отчетливо проявляться перемены, к которым тоже как нельзя лучше подходит определение «тихая революция».

«Тихая революция» №1.

Повышение роли женщин в японском обществе

Нам доводилось уже писать о том, что представление о японских женщинах как лишенных голоса и прав в обществе является ошибочным⁵. Заблуждение также считать (и это следует подчеркнуть), что чуть ли не все японские женщины всегда были исключительно домохозяйками. Действительно, именно они были главными в семье — вели дом, заботились о всех членах семьи, почти единолично занимались воспитанием детей, но при этом основная масса японок, родившихся в 1920-е годы, работали⁶. И только с развитием индустриализации и урбанизации, когда молодые семьи перебирались в города и из-за того, что рядом уже не было старших членов семьи, женщины были вынуждены оставаться с детьми, число работающих женщин начало быстро сокращаться. Идеальной моделью жизненного цикла большинства японцев стало удачное трудоустройство на долговременной основе, вступление в брак и рождение детей, создание накоплений для приобретения собственного жилья и обучения детей, а весь жизненный цикл женщин стал подчиняться жизни мужа и детей.

Однако в результате постепенного снижения рождаемости у еще молодой, несмотря на более позднее вступление в брак, женщины появляются время и желание работать, она стремится сделать собственную карьеру. Возросший уровень доходов и благосостояния в целом, развитие системы социального обеспечения, позволяющее женщинам не рассматривать замужество как единственно возможный вариант жизненного цикла, снизили роль замужества в жизни японок⁷.

Стремление женщин к карьерному росту заметно и в политике — в последнее десятилетие в кабинете министров страны постоянно можно обнаружить не менее двух представительниц прекрасного пола (а в 2001 г. в правительстве Д. Коидзуми их было пять, в том числе впер-

вые женщина была назначена министром иностранных дел). Этому предшествовали годы радикальных преобразований, принятие в 1986 г. закона о равных возможностях при трудоустройстве. Резкое падение рождаемости (коэффициент фертильности⁸ в 1989 г. составил 1,57) настолько потрясло японское общество, что в прессе широко обсуждался «шок 1,57». Государство пыталось принять какие-то меры, но к 1997 г. рождаемость еще больше упала — до 1,39, а в 2005 г. достигла своего абсолютного минимума — 1,26⁹. Японцы обоих полов стали позже вступать в брак, а молодым мужчинам все труднее найти спутницу жизни вследствие дефеминизации села, предпочтения, отдаваемого женщинами «белым воротничкам», и пр.

В 1990-е годы молодые женщины начали активнее выезжать за рубеж (причем в этом они значительно превосходили мужчин), в том числе и для получения образования, работы в иностранных компаниях, международных организациях. Карен Кельски справедливо отмечала взаимосвязанность указанных тенденций, ставших проявлением отказа от «традиционного образа жизни», подчеркивая, что именно выезд за границу был, вероятно, наиболее верным и доступным на тот момент для японок средством «противостоять „ожиданиям по полу“ и следовать традиционному жизненному курсу женщин»¹⁰. Кельски подчеркивала, что это стало средством «изменить сложившуюся в обществе гендерную идеологию, создающую аутентичную женственность японки, зависящей от постоянного подчинения мужу и традиционной гендерной роли»¹¹.

В условиях, когда большинство японок стремятся так или иначе реализовать свои способности и амбиции, принятие в 1999 г. Основного закона о равном участии мужчин и женщин, уравнившего юридические права обоих полов, способствовало изменению положения к лучшему. Можно привести целый ряд примеров назначения женщин на высокие посты в разные годы, но особенно заметно это проявилось в июне 2010 г. Впервые в своей 128-летней истории Банк Японии назначил женщину управляющим одним из своих отделений. В японской авиакомпании JAL появилась женщина-первый пилот, а в Восточной Японии — женщины-начальники железнодорожных станций¹². И все же продвижение женщин в Японии сопряжено с большими трудностями, и по уровню гендерного разрыва в таких областях, как политика, образование, экономика, здравоохранение, Япония, согласно докладу ежегодного мирового экономического форума, который проводится в Давосе, в 2009 г. занимала лишь 101-е место (между Малайзией и Сенегалом) среди 134 стран, тогда как в 2006 г. — 80-е¹³. Даже в корпорации «Сони», возглавляемой неапонцем, в Японии лишь 3,5% менеджеров — женщины, хотя в ее же подразделении в США — 32,2%. В ведущей японской косметической компании «Сисэйдо» доля женщин-руководителей составляет лишь 19%. Несмотря на принятие в 2010 г. ряда законов, направленных на большее привлечение к воспитанию детей отцов и предусматривающих более широкое использование ими отпусков по уходу за детьми и т.д.,¹⁴ совмещение ма-

теринства с успешной карьерой представляется многим японкам проблематичным.

Так или иначе, но то быстрее, то медленнее, то тут, то там японки привносят что-то новое, приводящее к радикальным переменам в обществе. В этой связи можно упомянуть и то, что Дж. Глионна назвал «последним фронтиром равенства женщин в Японии» — протест все большего числа японок против древней традиции захоронения с родственниками мужа¹⁵. Нарушением права на равноправие все больше женщин считают и запрет оставлять свою фамилию при вступлении в брак.

«Тихая революция» №2.

Молодежь: «работать, чтобы жить», а не «жить, чтобы работать»

На рубеже нового тысячелетия заметное развитие в Японии получили различные молодежные субкультуры. В Токио есть даже «молодежная улица» — Харадзюку (по аналогии с ней появилась и «улица стариков» — Сугамо). Все более заметно стало проявляться девиантное поведение молодых. Японское общество озаботилось такими проблемами, как *токо кёхи* (отказ посещать школу), *идзимэ* (издевательства над соучениками) и *эндзё косай* (компенсируемые свидания)¹⁶, *парасайто сингуру* («паразитирующий одиночка»), *ниито* (от англ. NEET — Not in Education, Employment, Training, т.е. нигде не работающий и не учащийся молодой человек)¹⁷. И хотя все это свойственно не только Японии, именно там всерьез озаботились такого рода явлениями и стали искать их причины. Мода токийских улиц, повергавшая в настоящий шок европейцев и американцев в конце 1990-х — начале 2000-х годов, привлекла западных кутюрье, черпающих там свои идеи, и перешагнула границы страны.

Чтобы попытаться понять, что за всем этим стоит, надо обратиться к общим современным тенденциям. Япония вступила в стадию постиндустриального развития, что сопровождается радикальной трансформацией обрабатывающей промышленности, усилением софтизации экономики, приоритетным развитием нематериальных отраслей (прежде всего программного обеспечения, финансовых услуг, телекоммуникаций, радиовещания, индустрии развлечений и пр.). Вследствие прогресса информационных технологий изменилось само понятие «работа» — теперь это далеко не всегда связано с перемещением людей, можно работать и дома, сидя за компьютером. Как подчеркивает японский исследователь Масакадзу Танигути в книге «Революция 2010 года. День, когда поколение беби-бумовцев покинет компании», на смену личным контактам, которые в японском обществе всегда играли особую роль, все больше приходят контакты виртуальные¹⁸. Все это оказывает самое непосредственное влияние на людей и общество в целом.

Поскольку все больше людей работает дома (особенно молодых!), круг общения сужается, меньше возможностей знакомиться, строить

отношения. В 2006 г. в Японии появился даже термин *конкацу*, который можно перевести как «охота за партнером»¹⁹. Трудности в общении с другими людьми нынешнее поколение молодых испытывает и вследствие преобладания нуклеарных семей, в которых все чаще один ребенок, и занятости родителей да и самих детей, помимо школы посещающих *дзюку* (школы зубрежки)²⁰, разобщенности соседей и пр. Кроме того, нередко родители неадекватно оценивают способности и возможности своих детей, и не оправдавшие их надежд склоняются к девиантному поведению — убегают из дома, становятся добровольными отшельниками, избегающими почти всяких социальных контактов. Таких в Японии называют *хикikomори* («никогда не покидающие дом»). В основном это юноши и молодые мужчины. По сути, это не что иное, как уход из общества вследствие разного рода личных проблем²¹.

Сегодня в Японии появилась довольно значительная категория молодых мужчин, которым в ущерб традиционным представлениям о мужественности больше свойственно хождение по магазинам, поедание сладостей и уход за собой, которые активно пользуются косметикой, тщательнее, чем девушки, следят за своим весом, мужчин, которых собственная внешность интересует больше, чем создание семьи, больше, чем работа и свидания с женщинами (их окрестили *сэсэку (кэй) данси*, или «травоядные»²² и даже *одзё-мэн*, или «женоподобные»²³). Неудивительно поэтому, что все больше японок либо вообще отказываются от вступления в брак, либо делают это позже — возраст первого вступления в брак и мужчин и женщин сблизился и составляет почти 30 лет. Японки перестали выходить замуж и за мужчин с низкими доходами, считая такой брак бесперспективным.

Современное поколение молодых в Японии окрестили «потерянным». Множество книг и дискуссий посвящено проблемам молодежи, общество озабочено тем, что у молодых людей нет надежды, они не могут составить свой «жизненный план». Относительно этих проблем высказываются диаметрально противоположные взгляды. Социолог Масахиро Ямада выдвинул концепцию «паразитирующих одиночек» — речь идет о взрослых детях, которые продолжают жить с родителями, пользоваться всеми благами, не зная обязанностей и распоряжаясь собственными доходами (если таковые есть), и не спешат начинать самостоятельную жизнь, заводять семью²⁴. Некоторые другие авторы также считают это результатом «испорченности» современной японской молодежи. А Юдзи Гэнда утверждает, что молодежь является жертвой — более старшее поколение реализует свои экономические интересы за счет молодых²⁵.

Представляется, что данную ситуацию нельзя оценить однозначно. Проведенные нами полевые исследования в Японии, интервьюирование людей разного возраста и разных социальных групп привело нас к выводу о том, что описанные тенденции являются следствием распространения и усиления индивидуализма, характерного для общества изобилия и комфорта, с одной стороны, и радикальных экономических, демогра-

фических и социальных перемен, переживаемых Японией, — с другой. Раньше молодые люди мечтали стать «винтиком» в крупной компании. Современное поколение выросло совершенно в иных условиях — оно не знает тех проблем, с которыми сталкивались предыдущие поколения (благодаря их труду Япония и стала такой, какая она сегодня), оно может позволить себе больше личной свободы, поскольку полагается на помощь родителей.

СМИ Японии постоянно отмечают незаинтересованность молодых людей в работе — если она не соответствует их ожиданиям, они с легкостью ее покидают независимо от общей экономической ситуации и возможностей нового трудоустройства²⁶. Растет число людей, для которых в работе большее значение имеет самореализация, чем заработная плата, поскольку они не планируют заводить семью и, в общем, не склонны к потребительству²⁷. В этой связи по-новому можно посмотреть на такие явления, как *фурита* — «свободные труженики», работающие «по вдохновению» и по мере надобности, временно и даже по часам, а также *ниито* — молодые люди в возрасте 15–34 лет, нигде не обучающиеся, не работающие и не ищущие работу, одинокие, не заботящиеся о ком-либо.

Интересно мнение молодого блогера Саюри Тамаки, которая подчеркивает, что *ниито* — это не «ничего не делающие люди», а те, кто предпочитает не иметь постоянного места работы. По ее мнению, система образования в Японии до сих пор построена таким образом, что «встраивает в каждого индивида операционную систему, производящую работников, способных функционировать в индустриальном обществе»²⁸, поэтому тех, кто предпочитает свободную занятость, многие в стране рассматривают как «брак» и презирают *ниито*. Размышляя о том, что представляет собой «операционная система нового поколения», Тамаки обращается к взглядам Йохана Хейзинга (1872–1945), нидерландского историка и философа, утверждавшего, что в грядущем обществе с его акцентом на рефлексии человек будет культивировать способность жить счастливо. По мнению Тамаки, может быть, *ниито* и являются авангардом формирующегося в Японии нового общества. Среди *ниито* есть немало людей, имеющих высокий уровень информационной грамотности. Они могут использовать Интернет для установления связей в городской среде с себе подобными и превращать такого рода контакты в реальную жизнедеятельность. Они располагают временем, которое часть из них предпочитают тратить на путешествия, самоанализ или творчество, что иногда выливается и в создание креативного бизнеса.

Молодые люди не похожи на своих родителей и оказывают все более заметное влияние на общество в целом, подталкивая его к трансформации. По-видимому, отчасти можно согласиться с Рю Мураками, который полагает, что все детские и подростковые отклонения в поведении являются следствием страхов и неудовлетворенных желаний, а сами девианты вносят изменения в общественные устои и создают новую систему ценностей в обществе²⁹.

«Тихая революция» №3. Переход власти от ЛДП к ДПЯ

После ухода в 2006 г. после двух сроков пребывания у власти поистине харизматической личности Дзюньитиро Коидзуми премьер-министры вновь, как и в 1990-е годы, один за другим стали сменять друг друга — Абэ, Фукуда, Асо, Хатояма, Кан, Нода. А в конце первого десятилетия нового века произошло то, что действительно можно назвать «тихой революцией» в политике — поражение безраздельно господствовавшей практически на всем протяжении послевоенных лет Либерально-демократической партии (ЛДП). Поскольку традиции в Японии во всем имеют глубокие корни, для того чтобы произошли какие-то сдвиги, и прежде всего в сознании людей, необходимо время и «набор критической массы» — чтобы «количество перешло в качество». Победа весьма молодой Демократической партии Японии (ДПЯ) на выборах 2009 г. в большой степени была связана с тем, что многие люди, по их собственному признанию в беседах с автором данных строк, голосовали за нее из любопытства — затянущаяся депрессия 1990-х, сохранение нерешенных экономических и социальных проблем ставили под сомнение способность ЛДП изменить ситуацию к лучшему. В этих условиях предвыборные обещания ДПЯ, такие как повышение минимальной зарплаты, предоставление дотаций семьям с детьми, бесплатное обучение в государственных средних школах второй ступени, снижение топливного налога, поддержка крестьян, привлекли довольно значительную часть электората.

Возможно, смена правящей партии в Японии произошла в немалой степени благодаря более широкому участию и «потерянного поколения» в выборах, хотя политическая активность молодежи, в отличие от 1960-х годов, совсем незаметна. С большей уверенностью можно предположить, что свою лепту внесли избиратели-женщины, предполагавшие, что новая власть поможет им установить баланс между работой и личной жизнью. Так или иначе, но рекордные 1,7 млн. голосов на выборах 2010 г. в верхнюю палату парламента набрала Рэнхо, сохранившая свой пост и в сформированном в сентябре 2011 г. правительстве нового премьер-министра Нода. Ради занятия политикой она оставила карьеру модели, актрисы и телеведущей — поэтому ее и называют только по имени. И хотя общество быстро стареет, влияние молодых, и особенно женщин, проявляется все ярче, в том числе и в политике. Например, в нижней палате японского парламента женщины занимают 9,4% мест, в верхней — 18,2%. В местных политических органах женщины представлены несколько шире — 20%. Есть и другие примеры: в городском совете Исэхары, спальном городке в часе езды от вытянувшегося на запад Токио, — 40% женщин, а в густонаселенном южном пригороде Токио, городке Осио, доля женщин достигает 52%³⁰.

Заключение

Более активная жизненная позиция японских женщин и очевидная пассивность многих молодых мужчин, по нашему мнению, возможно, являются следствием того, что ориентированное на мужчин японское общество в послевоенный период предоставляло последним «теплые условия» — гарантированную занятость, продвижение по службе и рост доходов. Первоначально большинство японок были довольны своим высоким статусом в семье и не стремились к самовыражению за ее пределами, однако более молодое поколение стало строить свой жизненный стиль, исходя уже из новых идеалов.

Перемены в японском обществе, вызванные цивилизационным скачком, происходят в Японии в значительной степени под влиянием женщин — они первыми предпочитали частичную занятость (часто вынужденно), возможность работать на дому, стали полностью использовать положенный отпуск (первоначально нередко зная, что скоро выйдут замуж и оставят работу совсем), стремились к более интересной и творческой деятельности. Ссылаясь на Тадзима (1993) и Мидзута (1993), К. Кельски³¹ подчеркивает, что «все женщины в Японии представляются „отчасти иностранками“». По словам Танигути, в японском обществе произошел переход от *каккой* к *кавай* — и то и другое можно условно перевести как «круто», но первое выражение больше свойственно мужчинам — описывает в основном форму предмета или явления, а второе ближе к «милый» и особенно характерно для девушек³².

Вероятно, можно смело утверждать, что главной преобразующей силой японского общества являются именно женщины. Имеющие же силу и власть мужчины лишь по мере своих возможностей следуют в их фарватере — «оставаться на плаву» они могут только отвечая на потребности общества, выразителями которых выступают женщины. В этой связи именно термин «тихая революция» в наибольшей степени отражает суть изменений, происходящих в современной Японии, парадигма которых во всех отношениях все в большей степени определяется наиболее активной ее частью — женщинами.

Примечания

¹ Примеров тому великое множество: хорошо известные японские мечи, *бонсай*, *икэбана*, сады камней и пр.

² Когда автор этих строк в конце 1980-х годов впервые услышала от своего знакомого японского профессора «моя жена профессиональная домохозяйка», пришлось даже переспросить, настолько это было непривычно.

³ См., например: *Iwao Sumiko. The Japanese Woman: Traditional Image and Changing Reality. N.Y., 1993*. Здесь и далее в целях расширения возможностей читателей, в том числе студентов, познакомиться с оригинальными источниками, по возможности приводятся англоязычные источники, несмотря на то что во многих случаях первоначально автор использовал японоязычные, которые часто являются более полными.

⁴ Например: *Garrigue A.* Japonaises, La Revolution Douce. Arles, 1998. Эта работа издана также на японском языке: Дзибун расиса то вагамама-но сакаи-дэ. Нихон дзэсэй-но сидзукана какумэй (На грани собственной индивидуальности и эгоизма. Тихая революция японских женщин). Токио, 2002; *Miller R.L.* The Quiet Revolution: Japanese Women Working around the Law. — Harvard's Women Law Journal. Spring 2003; *Goldin C.* The Quiet Revolution that Transformed Women's Employment, Education, and Family. — American Economic Review. 2006, vol. 96 (http://www.nber.org/papers/w11953.pdf?new_window=1).

⁵ См.: *Тихоцкая И.С.* Современные японки: покорные или независимые? — Азия и Африка сегодня. 1996, № 2; *Тихоцкая И.С.* Социально-экономическая география Японии. Жизненный цикл японцев. М., 2003.

⁶ См., например: *Ochiai Emiko.* The Japanese Family System in Transition. Tokyo, 1994.

⁷ В отношении молодых женщин в Японии появилось выражение «синдром Ханако». Это и женское имя, и название журнала, ориентированного на «паразитирующих» одиночек-аристократок. Все чаще любовь у японок — не единственный критерий при выборе спутника жизни. К характерным для 1980-х годов требованиям *санко* («три высоких уровня»), т.е. образование, доход, карьерный рост, представительницы женского пола с «синдромом Ханако» добавили *санрё* («три добродетели») — красивый, добрый и имеющий хорошее происхождение. Видя, как ее мать трудится на двух работах — и дома, и вне его, такая женщина, скорее, предпочла бы стать домохозяйкой, но поскольку в условиях отсутствия былой стабильности возможностей для этого становится меньше, предпочитает жить в родительском доме, получая там все необходимое и по собственному усмотрению тратя личные деньги — на модную одежду, путешествия и прочие удовольствия.

⁸ Среднее количество детей, которое рождает женщина в течение жизни.

⁹ К 2010 г. коэффициент фертильности повысился до 1,39 (см. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c02cont.htm>).

¹⁰ *Kelsky K.* Women on the Verge: Japanese Women, Western Dreams. Duke University Press 2001 (http://books.google.ru/books?id=HmKuGuRfUrIC&pg=PA273&lpg=PA273&dq=.nihon+no+shizuka+na+kakumei&source=bl&ots=wcvdKd465-&sig=Unfow7_zC6JgOBE1QYXWpgwQP7w&hl=ru&ei=TCyQTo-cO9CDhQeo5cQW&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=6&ved=0CEQQ6AEwBQ#v=onepage&q&f=false).

¹¹ Ibid.

¹² The Wall Street Journal Asia Business. 13.07.2010 (<http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703834604575364613399238760.html>).

¹³ Ibid. По данным японского журнала «Тоё кэйдзай», в 2009 г. в Японии среди высших должностных лиц всех зарегистрированных компаний женщины составляли 1,2%, тогда как в США только на долю высшего руководства компаний, входящих в список «Форчун 500», — 13,5% (<http://www.marketwatch.com/story/japans-workplace-gender-gap-2010-07-13-22600>).

¹⁴ Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии для реализации специального проекта под названием «Икумэн» (соединение японского слова *икудзи* — «воспитание детей» и английского *мэн* — «мужчина») создан специальный веб-сайт для отцов, стремящихся принимать больше участия в воспитании своих детей. На сайте предлагается разнообразная информация по проблемам воспитания детей, включая и рекомендации, как выработать такой стиль работы, который позволял бы больше времени посвящать детям, а также разъяснение сути отпусков по уходу за детьми, предоставляемых и отцам (http://www.mhlw.go.jp/english/org/pamphlet/dl/pamphlet-about_mhlw.pdf#page=22).

¹⁵ *Glionna J.M.* Wives' Final Revolt in Japan. — Los Angeles Times. 07.03.2011.

¹⁶ Об этих явлениях см. подробно: *Тихоцкая И.С.* Структурный кризис в системе образования Японии. — Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998. «Компенсированные», или «платные» свидания — это явление, обеспокоившее японское общество во второй половине 1990-х годов, когда школьницы-тинейджеры общались со взрослыми мужчинами с целью получения денег (для приобретения модной одежды брендовых марок и пр.) или дорогих подарков. Эти свидания, по оценке большинства социологов и признаниям самих опрошенных, отнюдь не всегда предполагали сексуальные контакты — иногда пары просто сидели в кафе или в парке на лавочке, а в ряде случаев группа школьниц встречалась с группой мужчин, например в караоке-баре.

¹⁷ О *парасайто сингуру* и *ниито* см.: Тихоцкая И.С. Изменения в жизненном цикле японцев и место молодежи в современном японском обществе. — *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXXII. История и культура традиционной Японии. М., 2010; статьи Т.Н. Матрусовой и К.В. Курочкиной, а также В.Э. Молодякова в настоящем сборнике.

¹⁸ *Танигути Масакадзу*. 2010-нэн какумэй.

¹⁹ Его создатели, М. Ямада и Т. Сиракава, авторы бестселлера «Конкацу дзидай» (Время конкацу) соединили два иероглифа — «женитьба» и «активность». Об актуальности проблемы *конкацу* наглядно свидетельствует тот факт, что в центре Токио, на Роппонги, открылся специальный бар, где посетитель может через официанта предложить заинтересовавшему его человеку пересечь к нему за столик. — *The Wall Street Journal*. 30.06.2009 (<http://online.wsj.com/article/SB124623617832566695.html>). В 2009 г. в Японии демонстрировался сериал под названием «Конкацу дзидай», теперь он доступен в Интернете (<http://alliance-fansub.ru/showthread.php?t=4224>).

²⁰ См. об этом, например: Тихоцкая И.С. Проблемы школьного образования в Японии. — Япония 1999. Ежегодник. М., 1999.

²¹ По мнению некоторых западных аналитиков, это проявление кризиса доверия в японском обществе. См., например: *Zielenziger M.* Hikikomori and Other Pathologies: A New Approach to Understanding Japan's Competitiveness Challenge. June 15, 2007 (<http://www.rieti.go.jp/en/events/bbl/07061501.html>); *id.* Retreating Youth Become Japan's 'Lost Generation' (<http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=6535284>).

²² Термин введен Маки Фукасава в 2006 г. в книге «Хэйсэй данси дзукан» («Описание мужчин эпохи Хэйсэй»). По мнению Мэгуми Усикубо, в той или иной степени к «травоядным» можно отнести до 2/3 японцев в возрасте от 20 до 34 лет (см.: *Усикубо Мэгуми*. Сёсёкукэй данси одзё-ман-га ниппон-о каэру [Травоядные женоподобные мужчины меняют Японию]. Токио, 2008). Как отметил Марк Вилласи, «веками японских мужчин характеризовала грубая сила и убийственный меч — от грозного самурая до вызывающего опасения борца сумо. К XX в. самопожертвование солдата стало кульминацией японской мужественности, на смену которому пришел образ „воина корпорации“ — *сараримэна*, завоевывающего мир. Однако новый век привел к появлению нового поколения мужчин, которые больше склонны потворствовать своим желаниям, нежели проявлять самопожертвование. Многие в Японии полагают, что феминизация мужчин является следствием наблюдения молодых людей за поколением своих отцов и дедов и нежеланием следовать стереотипам *сараримэнов* — вести однообразную жизнь, жениться и заводить детей в определенном возрасте и копить деньги». По некоторым данным, у 1/3 японских мужчин в возрасте от 20 до 34 лет никогда не было девушки по причине их незаинтересованности в этом (см. <http://www.abc.net.au/7.30/content/2010/s2864558.htm>).

²³ *The Japan Times*. 10.05.2009.

²⁴ Correspondence. Winter 2000/01, No.7 (http://www.google.ru/url?sa=t&source=web&ct=res&cd=11&ved=0CAUQFjAAOAO&url=http%3A%2F%2Fwww.cfr.org%2Fcontent%2Fpublications%2Fattachments%2FCORR_winter_2000-01.pdf&rct=j&q=yamada+masahiro+parasaito+singuru&ei=km3ZS9n4MOKdOI_WiL4P&usq=AFQjCNEQ8mJ7bGSaSsL8Pt7p5hhB4j6ODQ&sig2=OvRdqWtgLYau8DI5QaVoGA)

²⁵ Genda Yuji. *The New Reality Facing Japanese Youth*. Tokyo, 2005.

²⁶ Обычно в условиях роста безработицы доля бросающих или меняющих постоянное место работы в течение трех лет после поступления на нее сокращается. Но в первом десятилетии 2000-х годов она была даже несколько выше, чем в конце 1980-х. И это несмотря на то, что рынок труда «сжимается» и выпускников вузов нанимают на должности, на которые раньше принимали выпускников средней школы.

²⁷ Например, они не хотят приобретать автомобили, так как это *мэндо* (обременительно) — проще взять напрокат, это дешево, особенно если ехать куда-либо компанией.

²⁸ <http://globalvoicesonline.org/2010/12/06/japan-a-quiet-revolution-by-the-neet/>

²⁹ Цит. по: Кан А.В. Образы девиантов в романе Рю Мураками «Дети из камеры хранения». — Япония наших дней». 2011, №2 (8), с. 98.

³⁰ <http://ipsnews.net/news.asp?idnews=51542>

³¹ См.: *Kelsky K.* Op. cit.

³² См.: *Танигути Масакадзу*. Цит. соч.

С.Б. Маркарьян

ИММИГРАНТЫ В ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: НЕОБХОДИМЫ, НО НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫ

Япония, пожалуй, одна из немногих стран в мире и единственная среди развитых, которая до сих пор остается моноэтнической: 99% ее населения — японцы. Исторически так сложилось, что, заимствуя иностранную культуру, у себя дома они мало соприкасались с ее носителями. В отличие от других индустриально развитых государств, таких как США, Канада, Австралия, которым исторически была свойственна иммиграция и где иностранцы инкорпорировались в общество как полноценные граждане, Япония в прямом и переносном смысле была «закрытой страной». На протяжении веков число иностранцев, попавших в Японию и оставшихся там, было крайне незначительно.

Только после Реставрации Мэйдзи появились западные специалисты и иностранные рабочие, которые помогали японцам осваивать зарубежные технологические новации. Основали свои сообщества в главных портовых городах страны китайские иммигранты. После 1910 г. в Японии оказалось много корейцев, которых ввозили в качестве дешевой рабочей силы. Это была своего рода «внутренняя» миграция. В 1945 г. их диаспора насчитывала почти 2 млн. чел. После окончания Второй мировой войны корейцы и китайцы, проживавшие в Японии, были объявлены иностранцами. Общий уровень иммиграции оставался вплоть до конца 80-х годов прошлого века достаточно низким (примерно 1,2% населения¹), хотя уже в то время страна начинала испытывать недостаток квалифицированной рабочей силы.

Укрепление роли Японии как передовой региональной державы, развитие транснациональных компаний, расширение процесса слияний японских и иностранных фирм и одновременно тяжелое положение трудящихся в развивающихся государствах вызвали новую и весьма значительную для Японии волну иммиграции иностранцев. Причем этот поток не прекращался даже в 1990-е годы, во время рецессии в стране².

И Японии уже пришлось считаться с наплывом иностранцев. Тем более что появились и побудительные мотивы для их приема, связанные как с внутренними, так и внешними условиями. Среди первых главным является современная демографическая ситуация, демон-

стрирующая тенденцию сокращения численности работоспособного населения. Среди вторых — развитие процессов интернационализации и глобализации, стремление занять ведущие позиции в азиатских экономиках, позиционировать Японию как активного члена клуба развитых стран.

Но на пути притока иммигрантов и проживания иностранцев стоит ряд социально-экономических и психологических проблем. Это опасность сокращения рабочих мест для самих японцев и определенные социальные издержки в случае появления большого числа иностранных работников. Кроме того, не менее важное значение имеют нежелание большинства японцев, чтобы страна становилась мультиэтнической, неприятие «чужих» в своей среде и как следствие — коллизии внутри Японии и противоречия с внешнеторговыми партнерами в лице развивающихся государств, прежде всего азиатских.

Демографические изменения и проблема рабочей силы

За последние 50–60 лет демографическая ситуация в Японии претерпела достаточно серьезные метаморфозы. В первые послевоенные десятилетия здесь изменился тип воспроизводства населения, произошел демографический переход — от высокого уровня рождаемости и высокого уровня смертности к постепенному снижению рождаемости и резкому сокращению смертности. В настоящее время для страны характерен новый демографический переход — к низкому уровню рождаемости, высокому уровню продолжительности жизни, резкому изменению возрастной структуры населения, прежде всего уменьшению молодой когорты и росту группы пожилых людей, а в целом — тенденция к абсолютному сокращению численности населения. Не менее значимыми стали такие явления, как изменение модели семьи, повышение роли женщин, размывание связей между поколениями, изменение географического размещения населения, его высокая плотность.

Согласно официальной японской статистике, с 1920 г., когда началась регулярная перепись населения, по 2004 г. его численность постоянно возрастала, увеличившись с 55,9 млн. до 127,8 млн. Но начиная с 1977 г. темпы прироста упали ниже 1%, составив в 1999 г. лишь 0,16, в 2000 г. — 0,18%. И это несмотря на значительное увеличение продолжительности жизни и резкое сокращение коэффициента детской смертности. В результате, если за 1960–1980 гг. численность населения выросла на 24%, то за последующие двадцать лет — лишь на 8,5%³.

По подсчетам демографов, пик численности населения должен был пройти примерно в 2005–2007 гг. Реально же в 2005 г. население сократилось на 10 тыс. человек⁴. Правда, затем его численность несколько выросла, но неблагоприятный прогноз естественного прироста все равно остается в силе. Вот как выглядит динамика численности населения Японии за 90 лет (млн.)⁵:

Год	Численность	Год	Численность
1920	56,0	2005	127,77
1940	71,9	2006	127,77
1980	117,1	2007	127,77
2000	126,9	2008	127,69
2004	127,78	2009	127,51

По прогнозам Министерства здравоохранения, труда и благосостояния (далее — Министерство здравоохранения), составленным в 2006 г., при сохранении нынешней тенденции к сокращению рождаемости к 2055 г. численность населения сократится до 90 млн. чел., а к 2105 г. — до 44,59 млн.⁶. А средний возраст японцев (по оценке сотрудников ООН) к 2025 г. достигнет 50 лет, при том что более 35% населения страны составят люди в возрасте свыше 60 лет⁷.

Для нашего исследования наибольшее значение имеют изменения в возрастной структуре населения, которые ясно видны из помещенной ниже таблицы.

Возрастная структура населения, %*

Год	Доля лиц в возрасте		
	до 14 лет	15–64 лет	65 лет и старше
1960	30,2	64,1	5,7
1970	24,0	68,9	7,1
1980	23,5	67,4	9,1
1990	18,2	69,5	12,1
2000	14,6	67,9	17,3
2010	12,96	63,9	23,1
2020	10,7	59,9	29,4
2030	9,6	58,4	32,0
2040	9,3	54,2	36,5
2050	8,6	51,8	39,6

* Составлено и подсчитано по: Facts and Figures of Japan. Токио, 2001, р. 10; 2007, р. 26; Кэйдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики). Токио, 2001, с. 28; Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник.) Токио, 2010 (www.stat.go.jp).

По подсчетам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за 2000–2025 гг. численность рабочей силы Японии будет сокращаться в среднем на 0,7% в год, а в период 2025–2050 гг. — на 0,9%⁸.

Подобная демографическая ситуация чревата серьезными проблемами для общества в целом и особенно для развития экономики, ибо непрерывный рост численности населения испокон века считался непременным условием экономического развития. Сокращение численно-

сти населения, особенно его экономически активной группы — неотъемлемой части общественной воспроизводства, негативно повлияет на рост производства, что приведет к снижению валового внутреннего продукта (ВВП), сокращению налоговых поступлений, личных сбережений и спроса. Что касается сокращения внутреннего спроса, то оно не только напрямую связано с уменьшением числа жителей, но и с уменьшением в целом их потребностей вследствие роста группы пожилых людей. В условиях сохранения социальной направленности корпоративной и государственной экономической политики демографическая ситуация скажется и на конкурентоспособности японской продукции и замедлит рост качества жизни.

Особенно большое значение имеет тенденция сокращения численности населения трудоспособных возрастов, что не только непосредственно скажется на объеме ВВП, но и повлияет на увеличение сумм социальных выплат и, соответственно, нагрузки на эту группу лиц, которая должна будет обеспечивать социальную защиту все увеличивающуюся когорту пенсионеров⁹.

Еще в середине 1990-х годов в Японии доля лиц старше 65 лет в общей численности населения была меньше, чем в большинстве развитых стран, — 14,56%. Однако темпы старения были высокими: например, доля лиц старших возрастов поднялась здесь с 7 до 14% за 24 года, в то время как во Франции для этого потребовалось 114 лет, в США — 69, в Англии — 46. Особенно ускорился этот процесс с 1980-х годов. И сейчас японское общество — самое старое в мире (доля лиц старших возрастов составляет свыше 22%)¹⁰. По прогнозам японского НИИ населения и социального обеспечения, сделанным накануне XXI в., в 2050 г. удельный вес 65-летних повысится в Японии до 39,6% против 27,7% — в Швеции, 23,2 — в Великобритании и 20,7% — в США¹¹. В 1997 г. доля группы старших возрастов впервые оказалась выше доли группы детей, а на начало 2008 г. составила 21,8% против 13,5%, т.е. превысила ее уже на 8,3 пункта.

До настоящего времени вопрос о рабочей силе в принципе не стоял. Даже в период высоких темпов роста, в условиях все увеличивающегося спроса на рабочую силу она в достаточном количестве пополнялась за счет притока сельского населения, большого количества рабочих часов (в том числе и сверхурочных). Однако этот источник практически иссяк. В определенной степени резерв рабочей силы представляют женщины, которые постепенно все больше вовлекаются в трудовую деятельность¹², а также лица старших возрастов, многие из которых хотят и по состоянию своего здоровья могут работать после достижения пенсионного возраста¹³. Ну и, что не требует доказательств, заменой рабочей силы, как и ранее, послужит внедрение достижений научно-технического прогресса. Однако без иммигрантов, конечно, Япония вряд ли сможет обойтись. В новой японской стратегии экономического роста именно они названы основой устойчивого развития в условиях тенденции сокращения населения¹⁴.

Государственная политика в отношении иммиграции

Как уже отмечалось, несколько причин заставляют японцев приоткрывать свои двери для иностранцев. К ним можно добавить, что прием иностранных рабочих стал сейчас одним из условий заключения двусторонних соглашений об экономическом партнерстве, которые в последние годы Япония, хотя и с некоторым опозданием, начала подписывать с развивающимися странами.

Государственная политика в отношении иностранных граждан в настоящее время определяется Законом об иммиграционном контроле и признании иностранных граждан беженцами (Сюцунюкоку канри оёби наммин нинтэй хо, далее — Закон об иммиграционном контроле), принятом в 1982 г.¹⁵. Система регистрации иностранцев в соответствии с этим законом предусматривала мониторинг и вновь прибывших иммигрантов, и уже живущих в стране и контроль над ними. Но, как заметили доктор социологии Тикако Касивадзаки (Институт Кэйю) и профессор Цунэо Акаха (Институт международных исследований, Монтерей, США), «представление об иностранных резидентах как о членах [японского] общества было исключительно слабым»¹⁶.

Реагируя на резкое увеличение притока иностранцев, уже в декабре 1989 г. парламент утвердил постановление о частичном изменении этого закона. Вместе с некоторыми поправками к Закону о регистрации иностранцев (Гайкокудзин тороку хо), принятыми 8 января 1993 г., эти изменения ускорили процедуру рассмотрения визовых заявок на въезд, упорядочили статусы пребывания иностранных граждан, урегулировали меры против несанкционированного их найма на работу. В этом же направлении действовали и поправки, внесенные в последующие годы в законы, касающиеся иммигрантов¹⁷. Все это было сделано прежде всего для облегчения въезда в страну квалифицированных специалистов. И одновременно вводились ограничения для использования нелегальной рабочей силы.

Поддерживая репутацию страны, включившейся в процесс глобализации, правительство озаботилось созданием «комфортных условий для проживания иммигрантов». В официальном документе «На новом рубеже: больше индивидуализма и совершенствование управления в новом тысячелетии» (1999 г.) проблеме иммиграции посвящен отдельный раздел. «Прежде всего, — говорится в докладе, — следует сформировать более четкую иммиграционную систему, чтобы иностранцы, которые могут внести свою лепту в развитие японского общества, могли приехать сюда на постоянное место жительства. Необходимо обеспечить особо благоприятный режим тем из них, кто ведет научные исследования в Японии, например получение ими автоматически статуса „постоянного резидента“ после завершения их научной работы»¹⁸.

В августе 1999 г. кабинет министров одобрил политику в отношении иммигрантов, основное содержание которой сводилось к следующим

положениям¹⁹: правительство будет содействовать приему иностранных работников — специалистов в гуманитарных и технических областях в целях развития экономики и углубления интернационализации общества, но взвешенно подходить к приему неквалифицированных рабочих (в противном случае это может негативно отразиться на японской экономике, на внутреннем рынке рабочей силы, на жизни общества, сказаться на самих иностранных рабочих и на отношениях с их странами); пересматривать масштабы приема иностранных работников в соответствии с изменениями в социально-экономической ситуации в стране.

Смягчение условий пребывания иммигрантов в Японии продолжалось и в XXI в. В 2003 г. был изменен закон о трудовых стандартах, согласно которому срок пребывания всех типов иностранных работников может быть увеличен с двух-трех до пяти лет. В мае 2004 г. при очередном пересмотре Закона об иммиграционном контроле был, в частности, продлен срок пребывания в стране беженцев и приостановлена принудительная депортация иммигрантов, пока заявление находится в стадии рассмотрения. В мае 2006 г. последовало дальнейшее ослабление контроля, но одновременно для предотвращения преступной деятельности приезжающим, например на учебу, стало необходимо предъявлять идентификационные карты с отпечатками пальцев и фото в электронной форме²⁰. В июне 2009 г. были подготовлены очередные поправки к Закону об иммиграционном контроле, направленные на улучшение условий для пребывания в стране легальных резидентов и, наоборот, ужесточение — для тех, кто живет с просроченной визой²¹.

О постепенном изменении политики правительства в этом вопросе свидетельствует содержание базисных планов по вопросам иммиграционного контроля, разрабатываемых в Министерстве юстиции. Первый такой план (1992 г.) был ориентирован исключительно на жесткие ограничительные меры. Во втором (2000 г.) впервые целью иммиграционной политики признавалось установление взаимовыгодного сосуществования японцев и иммигрантов, предлагалось высококвалифицированным иностранцам получить статус «долговременно проживающего» или «постоянного резидента». В третьем базисном плане (март 2005 г.) было предписано сочетать прием иностранных рабочих с необходимостью поддержания жизнеспособности японской экономики и жизненных стандартов населения²².

По сведениям из администрации премьер-министра Н. Кан, Япония в последующие десять лет предполагает увеличить число иностранных квалифицированных рабочих в два раза с 200 тыс. человек в 2010 г. Откликаясь на это заявление, в июне 2010 г. в докладе Министерства юстиции было предложено продлить срок пребывания в Японии иностранцам, въехавшим по специальной визе, и облегчить им возможность получения статуса «постоянного резидента». По мнению составителей доклада министерства, это «повысит эффективность промышленного производства, стимулирует рынок рабочей силы и, соответственно, при-

даст новые силы социальной экономике и усилит международную конкуренцию»²³.

Говоря о смягчении иммиграционных ограничений в отношении иностранных рабочих, нельзя не подчеркнуть ужесточение государственной политики в отношении нелегалов. Это лица либо с просроченными визами (обычно туристы, стажеры, учащиеся или студенты), либо изначально попавшие в страну без виз с помощью брокеров, разного рода криминальных организаций, либо просто прибывшие на рыбацких лодках. Полиция постоянно задерживает такого рода нелегалов, а также тех, кто приезжает в Японию с поддельными паспортами и фотографиями²⁴.

В начале XXI в. правительство внесло поправки в законодательство, касающееся незаконного пребывания иностранцев в Японии и наказания лиц, способствующих их незаконной деятельности. В декабре 2003 г. было принято решение сократить в течение пяти лет число нелегалов в стране вдвое, для чего был осуществлен ряд мер. В частности, увеличено число сотрудников иммиграционной службы в международных воздушных и морских портах и улучшено ее оснащение высокотехнологичным оборудованием для выявления поддельных документов. Была предусмотрена также активизация работы Департамента иммиграции в системе Министерства юстиции, в обязанности которого входит рассмотрение документов на въезд в страну, принятие соответствующих решений и осуществление контроля за их выполнением.

Министерство юстиции определило перечень противоправных действий, за которые иностранный гражданин может быть депортирован. К ним относятся: превышение установленного статусом периода пребывания или осуществление деятельности, этим статусом не предусмотренной; нарушение законов о регистрации иностранцев, о контроле за наркотическими и психотропными средствами, в результате чего данное лицо было подвергнуто тюремному заключению; ведение бизнеса, связанного с проституцией; подстрекательство к нарушению закона о въезде и пребывании; осуществление насильственных, разрушительных и любых других действий, которые, по мнению правоохранительных органов, наносят ущерб безопасности Японии.

Все эти меры в той или иной степени были приняты в русле международных документов, подписанных Японией в первые годы нового века: Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), Протоколов против контрабанды, осуществляемой мигрантами, и против торговли людьми (2002 г.). В соответствии с ними дважды в 2005 г. были изменены статьи Уголовного кодекса и Закона об иммиграционном контроле и увеличены наказания за серьезные преступления, в том числе за торговлю людьми. В 2004 г. был принят план по предотвращению терроризма и ужесточены административные меры по контролю въезда в Японию. В частности, было принято решение об использовании предварительной информации о приезжающих пассажирах в основных морских и авиапортах, а также об усилении международной

кооперации, особенно с США, по вопросу о въезде возможных террористов²⁵. С 2007 г. действует положение о снятии отпечатков пальцев и обязательном наличии биометрических фотографий у всех въезжающих в страну, кроме детей до 16 лет.

В настоящее время (глава 9 Закона об иммиграционном контроле) работодатель, идущий навстречу иностранцам в их желании найти работу в обход закона (и, конечно, преследующий свои интересы), наказывается штрафом в размере до 2 млн. иен или заключением в тюрьму на срок до трех лет, а нелегалы могут быть депортированы. Незаконное пребывание иностранцев в стране наравне с незаконным въездом рассматривается как самостоятельное преступное деяние и влечет за собой уголовное наказание в виде или лишения свободы на срок до трех лет, или штрафа в размере 300 тыс. иен, или депортации (указанные виды наказаний могут применяться и в совокупности). Увеличен также с одного до пяти лет срок запрета на повторный въезд в Японию для лиц, уличенных в незаконном пребывании. В 2006 г. было депортировано 56,4 тыс. нелегалов (в том числе 46 тыс. китайцев)²⁶.

Почти половина нелегалов работает в течение трех лет, примерно 30% — до пяти лет, но некоторые живут в Японии больше десяти лет. Многие создают здесь семьи. Некоторые из них обращаются к властям (через адвокатов при поддержке групп местных граждан) за получением статуса «специального разрешения на проживание», но без перспектив на постоянное пребывание в стране. Такие разрешения даются очень выборочно, обычно семьям, где есть учащиеся. За 2000–2004 гг. их было получено 40 тыс. Но обычно таких людей все-таки потом депортируют.

Эти меры позволили в некоторой степени снизить остроту данной проблемы. Число нелегалов, по данным Министерства юстиции, в 2006 г. уменьшилось против пика 1993 г. (тогда их насчитывалось свыше 300 тыс.) до 194 тыс., а в 2010 г. — уже примерно до 92 тыс.²⁷. В пресс-релизе министерства отмечается также, что за последний год снизилось число отказов на въезд и количество депортаций; кроме того, выросло число нелегалов, которые выехали добровольно²⁸.

Для японского правительства весьма серьезной проблемой (учитывая международный резонанс) являются беженцы. В Японии крайне строгий порядок получения статуса беженца, за что она не раз подвергалась критике как «страна, закрытая для беженцев»²⁹. За 1982³⁰–2004 гг. было подано 3544 заявки на получение статуса «беженец», но обрели его только 313 человек (8,8%); в 2005 г. было удовлетворено 29 заявок (9,7%) из поданных 384³¹. Большинство заявок было из Мьянмы и Турции³².

Говоря о государственной политике в отношении иностранцев нельзя обойти вниманием деятельность правительства по привлечению туристов в страну. Она входит составной частью в Новую стратегию роста³³. Администрация демократов предполагает увеличить приток туристов в Японию к 2020 г. в четыре раза — до 25 млн. чел. (ЛДП к 2020 г. ориентировались на 20 млн. чел.). Экономический эффект от их пребывания

оценивается примерно в 10 трлн. иен. Кроме того, предполагается, что это будет способствовать созданию 560 тыс. новых рабочих мест. Для достижения этих целей предусматривается, в частности, облегчение получения виз лицами, прибывающими из азиатских стран, улучшение дорожной инфраструктуры и пересмотр времени проведения местных праздников. Наибольшие надежды, как заявил представитель Японского туристического агентства, возлагаются на туристов из Китая. Групповой туризм оттуда был разрешен в 2000 г. И только в июле 2009 г. впервые начали выдавать визы для посещения Японии китайцами в индивидуальном порядке. Тогдашний министр иностранных дел Кацуя Окада заявил, что процедура выдачи виз китайцам в скором времени будет облегчена³⁴.

В настоящее время по Закону об иммиграционном контроле и нормативным актам Министерства юстиции³⁵ действует система 28 статусов (*сикаку*) пребывания иностранных граждан в Японии. Они могут получить работу на определенный период в строгом соответствии с каждым данным статусом.

Первые 16 статусов дают право иностранцам заниматься тем или иным видом деятельности. Из них шесть распространяются на дипломатов, сотрудников зарубежных правительственных и международных организаций (срок их пребывания ограничен сроком командировки), а также профессоров, деятелей искусств, религиозных деятелей, приглашенных на преподавательскую и миссионерскую работу, лиц, занимающихся информационной деятельностью (срок пребывания иностранцев, прибывающих по этим статусам, определяется от 6 месяцев до 3 лет). Эти виды деятельности не регулируются нормативными актами Министерства юстиции в отношении получения разрешения на въезд. Таким образом, для лиц, занятых на дипломатической службе и в гуманитарной сфере, созданы достаточно льготные условия.

Более жесткие правила определены для тех, кто подпадает под нормативные акты Министерства юстиции в отношении получения разрешения на въезд. Это прежде всего касается тех иностранцев, которые намерены заняться бизнесом, юридической и финансовой деятельностью, медициной, научными исследованиями, преподаванием в японской системе образования, работать с применением специальных знаний в технических и естественных науках. При этом большое внимание уделяется наличию соответствующей квалификации и трудового стажа. В среднем срок пребывания для лиц, имеющих эти статусы, определен от 6 месяцев до 1 года. Именно в этот раздел было внесено много поправок с целью облегчить иностранцам получение работы, а работодателям — поиск рабочей силы. Теперь обе стороны ясно представляют, как это делать в законных рамках, поскольку имеется четкое определение «деятельности, связанной с управлением предприятием» и «работы за вознаграждение». Ранее отсутствие четкой системы статусов создавало значительные трудности в поиске работы, например эт-

ническим корейцам, давно проживающим и даже родившимся в Японии.

Условия работы иммигрантов

Определить точное число иностранцев, проживающих в Японии, весьма сложно, ибо, кроме официально зарегистрированных в Министерстве юстиции, в стране много людей, находящихся здесь нелегально. Помимо этого, в стране есть иностранцы, которые имеют японское гражданство. Ежегодно примерно 15 тыс. человек получают японское гражданство. Это главным образом корейцы и китайцы³⁶. Что же касается зарегистрированных иностранных резидентов, то динамика их числа в Японии с 1982 по 2008 г. выглядит так³⁷:

Год	Число резидентов, тыс.	Доля в численности населения, %
1982	802	0,68
1987	884	0,71
1992	1281	1,03
1997	1483	1,18
2002	1852	1,45
2003	1915	1,50
2006	2085	1,53
2008	2217	1,74

В 2008 г. из 2217 тыс. зарегистрированных в стране иммигрантов свыше 75% прибыли из Азии и 17,5% — из Южной Америки. Наибольшую группу составляли китайцы (в том числе из Тайваня) — 656 тыс., или 29,6% и корейцы — 589 тыс., или 26,6%. Некоторые из них здесь жили с довоенных и военных лет: это так называемые «старые» иммигранты, которые либо сами приехали из колоний, либо их переселили насильно (они и их потомки имеют статус «специальных постоянных резидентов»). Затем следовали бразильцы (313 тыс., 14%) и филиппинцы (211 тыс., 9,5%). Они уже относятся к «новым» иммигрантам, т.е. попавшим в страну уже в послевоенный период. Далее по нисходящей численности шли перуанцы, американцы, тайцы, англичане, индийцы и т.д.³⁸. Приехавшие из Бразилии и Перу этнические японцы составляют особую группу. Это потомки тех, кто эмигрировал в эти страны ранее (в 1937 г. в Бразилии проживало 197 тыс. японцев, в Перу — 22 тыс.). В Японии их называют *никкэйдзин* — «человек, связанный с Японией».

К началу 1990-х годов число «новых» иммигрантов превысило число «старых» (в 1959 г. доля последних была 94%, в 1990 г. — 56, в 1998 г. — всего 35%)³⁹. В последнее время особенно выросло число иммигрантов, прибывших из Китая (за 1985–2008 гг. — почти в 9 раз).

По данным ООН, к 2050 г., если положение с рождаемостью не изменится, Япония должна будет принимать ежегодно до 381 тыс. иностранных рабочих. В результате доля иммигрантов в численности населения может подняться примерно до 17,7%⁴⁰. Ниже представлены подсчеты Министерства здравоохранения на основе данных Иммиграционного бюро Министерства юстиции, характеризующие динамику численности иностранных работников в Японии в 1990-х — начале 2000-х годов⁴¹:

Статус иммигрантов	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.
Имеющие право работать	67 983	125 728	168 783	185 556
Практиканты, стажеры, родственники дипломатов и пр.	3 260	6 558	29 749	55 048
Студенты и учащиеся	10 935	32 366	39 435	98 006
Этнические японцы	71 803	193 748	233 187	237 808
Нелегалы				
Нелегально прибывшие	106 497	251 697	224 047	220 552
Работающие не в рамках своего статуса
В с е г о (оценка)	260 000+α	670 000+α	710 000+α	800 000+α

Заняты иностранцы главным образом на мелких и средних предприятиях. В 2003 г. с целью получения работы в страну въехало около 156 тыс. иностранцев (59% из них — мужчины). Подавляющее большинство (85%) претендовали на работу в зрелищных (спортивных, увеселительных) предприятиях, около 5% въехали по статусу гуманитарного профиля и специалистов по международным делам, 2% — по статусу преподавателей, 1,7% — инженеров, 1,5% — по статусу «профессура», 1,0% — квалифицированных рабочих, далее по убывающей шли религиозные деятели, научные работники, инвесторы, управляющие и т.д.

Вопросы занятости иностранных рабочих находятся в юрисдикции Министерства здравоохранения, которое (на основе ежегодных отчетов предпринимателей) собирает сведения о занятости иностранных рабочих; предоставляет через специализированные органы (созданные в префектурах и городах) информацию о вакансиях на работу; оказывает помощь предпринимателям при найме и управлении иностранной рабочей силой путем распространения необходимой литературы, организации семинаров по этой тематике и пр.; устраивает по мере необходимости конференции представителей заинтересованных министерств и ведомств в странах, откуда направляются большие партии иммигрантов в Японию. Особое внимание обращается на включение иностранных рабочих в систему социального обеспечения (национальное страхование здоровья и национальная пенсионная система), а их детей при желании — в систему обязательного образования.

Казалось бы, иммигрантам созданы все условия для работы и достойного проживания. Однако в действительности условия работы для

иностранцев зачастую значительно уступают тем, которые существуют для японцев.

Примерно половину из них нанимают по «косвенному найму» (*кансэцу коё*), т.е. они попадают в компании через брокерские, посреднические фирмы, которые непосредственно контактируют с желающими получить работу. Эти фирмы организуют получение виз, оплачивают транспортные расходы, подбирают места проживания, но потом все это вычитают из зарплаты иммигрантов. По этим контрактам зарплата, как правило, почасовая, а бонусы и выходные пособия не выплачиваются. Когда заканчивается работа на одной фирме, посредническая компания переводит иностранцев в другую, которая в данное время нуждается в рабочих⁴². Наем рабочих через посреднические фирмы (*ассэн кайся*) был широко распространен в Японии еще в первый период индустриализации, т.е. в позапрошлом веке⁴³.

В 2004 г. Министерство здравоохранения провело обследование 312 тыс. иностранных рабочих на предприятиях с числом занятых 50 и более человек и частично на фирмах с числом занятых до 49 человек. Из них примерно 180 тыс. были наняты непосредственно работодателями, остальные через посредников. В первом случае на одно предприятие приходилось 26 человек, во втором — лишь 8. Среди нанятых напрямую почти 58% работали в обрабатывающей промышленности, 10% — в сфере услуг, 9% — в области образования, по 7% — в пищевой промышленности и торговле. В сфере образования более половины иммигрантов прибыли из стран Северной Америки и Европы, в остальных отраслях заняты главным образом представители стран Азии и Латинской Америки⁴⁴.

Но даже многие из тех, кого фирма нанимает непосредственно, получают меньше, чем их японские коллеги, выполняющие такую же работу⁴⁵. И это относится иногда не только к рабочим. В соответствии с правительственной программой, принятой в конце 1980-х годов, в середине 1990-х годов в средних школах работало около 4 тыс. преподавателей иностранных языков из восьми стран⁴⁶. И даже таких иностранцев японцы зачастую принимают на работу в качестве временных работников⁴⁷, т.е. с более низкой заработной платой. Значительно ниже (примерно наполовину) зарплата и у работающих в Японии ирландских летчиков и стюардесс из Кореи и Филиппин⁴⁸.

Для работодателя часто совершенно безразличны личные качества того или иного иммигранта — его квалификация, знание языка (многие, будучи в Японии, овладевают им в какой-то мере), образование или выполняемая работа на родине. Их скорее интересуют пол иностранца (зарплата женщин значительно ниже⁴⁹) и его национальность. Они, например, предпочитают нанимать этнических японцев, так как те изначально имеют статус, дающий право на работу без ограничений, а кроме того, придерживаются, по мнению руководства компании, одних с японцами норм поведения, т.е. работают более усердно, чем другие иммигранты. На уровень зарплаты не влияет, сколько времени человек живет

в Японии или работает у данного предпринимателя. Для получения работы большое значение имеет рекомендация родственников или друзей: в этом случае зарплата бывает выше, иногда процентов на 20–25⁵⁰.

В незавидном положении находятся практиканты и стажеры, приезжающие по Программе технического обучения для получения необходимой квалификации и работающие на японских предприятиях. По статусу «стажер» в 2004 г. въехало 75 тыс. чел., в 2008 г. — 104 тыс.⁵¹. По данным Иммиграционного бюро Министерства юстиции, число временно работающих интернов выросло за 1992–2002 гг. с 33 до 83 тыс. Но они, как правило, не защищены законом о труде, и их жалование обычно значительно ниже минимальной оплаты труда в стране. Так, по данным на 2000 г., примерно половина из 16 тыс. весьма перспективных обучающихся получали в месяц менее 120 тыс. иен (900 долл.) и лишь 3% могли рассчитывать на зарплату в 150 тыс. иен и выше (в обрабатывающей промышленности рабочие-японцы в возрасте 20–29 лет получали в 2002 г.: мужчины — 240–280 тыс. иен, женщины — 190–210 тыс. иен)⁵².

Один из китайцев, приехавших сравнительно недавно по государственной программе обучения в Японию, рассказал корреспонденту «The Daily Yomiuri», что на деле все оказалось совсем не так, как ему обещали представители нанимавшей его посреднической фирмы, что он работал на ферме с 5 утра до 10 вечера без выходных и получал несколько больше 100 тыс. иен в месяц, что ему запретили пользоваться мобильным телефоном и отобрали паспорт, а вернуться домой раньше времени он не мог, так как потерял бы денежный залог, который ему собрали родственники⁵³.

Японские специалисты считают, что такого рода факты свидетельствуют о нарушении законов об обеспечении занятости и о перенайме рабочих, в соответствии с которыми посредническая фирма обязана предоставлять социальные и трудовые гарантии иностранцам. Об этом, в частности, пишет профессор университета Тиба Кадзуаки Тэдзука⁵⁴.

Кроме того, ограничена сфера использования иностранных специалистов: до последнего времени они не могли работать медицинскими сестрами и даже сиделками. При заключении соглашений об экономическом партнерстве с Индонезией и Филиппинами Япония была вынуждена согласиться на приезд в Японию работников этих двух категорий, для того чтобы ухаживать за престарелыми. Но это разрешение было обставлено очень жесткими условиями: чтобы работать в стране в течение длительного времени, медицинские сестры обязаны в течение трех лет (с трех попыток), а сиделки в течение четырех лет (одна попытка) сдать специальный экзамен. Но, по имеющимся сведениям, это сделать весьма сложно (фактически речь идет о знании японского языка⁵⁵). В 2009 г. ни один из 82 претендентов такого экзамена не сдал, в 2010 г. лишь трое из 254 иммигрантов сумели взять этот барьер⁵⁶. А ведь прибывшие в Японию почти тысяча сестер и сиделок имеют за плечами по крайней мере колледж и несколько лет работы по специальности. При

этом зарплата их составляла 2,2 млн. иен в год, тогда как у рабочего — 3,8 млн.⁵⁷.

Ну и, конечно, в сложное для экономики время в первую очередь увольняются иммигранты. Во время недавнего кризиса в 2009 г. японское правительство разработало программу возвращения потерявших работу *никкэйдзин* в Южную Америку: им предполагалось выплатить по 3 тыс. долл., а членам их семей — по 2 тыс. долл., но без каких-либо обязательств по возвращению в Японию, когда положение улучшится. И это несмотря на то, что многие из них работали в стране уже в течение длительного времени — по 9–12 лет. Автор статьи остроумно замечает, что в связи с этой программой некоторые *никкэйдзин* столкнулись с такой же ситуацией, что и их предки 100 лет назад, когда были вынуждены из-за отсутствия работы эмигрировать в Бразилию⁵⁸.

В качестве конкретного примера такого рода отношения к иностранным рабочим можно привести семью г-на Онума, который, потеряв работу на заводе тяжелого машиностроения, где проработал 12 лет, с женой (она тоже потеряла работу) и двумя дочерьми (родившимися в Японии) вынужден был вернуться в Бразилию, о чем рассказала газета «The Washington Post» от 23 января 2009 г.

В особенно плохом положении находятся неквалифицированные рабочие, нанятые через брокерские фирмы на два-три месяца. Даже если они и получают какую-то компенсацию в связи с травмой на производстве, сумма бывает мизерной. Рабочих то и дело направляют в другие компании на таких же условиях, без каких-либо серьезных гарантий. В известной мере в этом виноваты и сами иммигранты, которые стремятся за короткий срок заработать как можно больше, работают сверхурочно⁵⁹ и не хотят делать отчисления (медицинская страховка, пенсионные взносы), составляющие примерно 10–20% заработка.

С осуждением такой практики выступают Японская федерация экономических организаций (Ниппон кэйданрэн) и Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго), которые призывают распространить японское трудовое законодательство на работающих иностранных граждан. Такого же мнения придерживается и Японская торгово-промышленная палата (Ниссё): в своем заявлении она указала на необходимость изменить положения о социальном обеспечении и здравоохранении по отношению к иностранцам. Но все эти учреждения высказывали такие требования, имея в виду прежде всего высококвалифицированных специалистов, которые смогут внести определенный вклад в дальнейшее развитие Японии.

На самых тяжелых и непрестижных работах (известных в стране как «3 К» по первым буквам японских слов *кицуи*, *китанай*, *кикэн* — «тяжелый», «грязный», «опасный»), которыми пренебрегают сами японцы, заняты, как правило, нелегалы. Обычно это представители азиатских стран — Кореи (больше одной пятой), Китая, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Ирана. Они абсолютно не защищены никакими законами. Их часто обманывают как посредники (у себя в стране и в Японии), так и непосред-

ственно работодатели, которые извлекают из их работы максимальную прибыль, пользуясь их безвыходным положением.

Постоянно растет число иностранцев, приезжающих на учебу в японских университетах, колледжах, профессиональных училищах, в средней школе второй ступени: в 2000 г. их прибыло 42 тыс., в 2008 г. — 208 тыс.⁶⁰. За счет японского правительства в 2003 г. обучалось около 10 тыс. (в 1985 г. — 2,5 тыс.). Во время учебы иностранным студентам разрешается подрабатывать, но не более 4 часов (во время каникул — 8 часов) в день и 28 часов в неделю (для учащихся в профессиональных школах — 20 часов при уведомлении местных властей). Многие из них после окончания обучения стараются остаться работать в Японии. В 1990 г. разрешение на работу получили лишь 1000 чел. (около половины составляли китайцы), в 2007 г. — свыше 10 тыс. чел., среди них подавляющее число составляли китайцы (свыше 70%), второе место занимали корейцы (примерно 14%). Многие оставались с просроченной визой.

Увеличение числа иностранных студентов, получающих рабочую визу, диктуется в настоящее время в основном спросом со стороны японских фирм на молодых профессионально подготовленных иностранцев, хорошо знающих японский язык. В 1983 г. правительство приняло план к началу XXI в. довести число иностранных учащихся и студентов до 100 тыс. Это диктовалось статусом высокоразвитой страны: было необходимо повысить ее престиж, увеличить помощь развивающимся странам (тогда в Японии было только 8 тыс. учащихся против 326 тыс. в США, 111 тыс. — во Франции, 71 тыс. — в Германии и 50 тыс. — в Англии).

Этот план был выполнен (в 2003 г. число иностранных учащихся достигло 109 тыс.), и в 2008 г. был принят новый: к 2020 г. довести число учащихся до 300 тыс. Но, что самое главное, была изменена стратегия — теперь японцы хотели готовить специалистов не для помощи другим странам, а для того, чтобы они остались в Японии, ибо к этому времени в японских университетах уже начало не хватать студентов, а у бизнеса — молодой квалифицированной рабочей силы. В 2009 г. в стране обучалось 132,7 тыс. чел., в том числе свыше 60% осваивали социальные и гуманитарные науки, примерно 16% — инженерные. Это были главным образом китайцы (60%) и корейцы (15%). Две трети из них учились в университетах, свыше 35% — в аспирантурах, 28% — в специализированных профессиональных школах и на подготовительных курсах, а также в системе школьного образования. Окончившие учебу оседают преимущественно в Токио и заняты главным образом в торговле, в бизнесе, связанном с IT, в сфере образования, многие работают переводчиками⁶¹.

Судьбы у иммигрантов разные, но часто их объединяет несправедливое и жестокое, бездушное отношение к ним. Это относится прежде всего к имеющим низкую квалификацию. Например, жительница Перу приехала в Японию по краткосрочной визе, поверив посреднику, что она будет обеспечена «хорошей работой» в Японии⁶². Хотя она и заплатила 1000 долл., «хорошей» работы ей не досталось. Через какое-то время она устроилась

упаковывать замороженную рыбу и за 11 лет сменила 13 фирм, нигде не имея медицинской страховки. Более того, при уходе с последнего места работы фирма удержала с нее в виде налога 220 тыс. иен, хотя ее заработки были в пределах необлагаемого минимума. Когда она попыталась потребовать свои деньги, ей пригрозили донести о ней иммиграционным властям.

Достойна упоминания и история семьи нелегальных филиппинских иммигрантов, которую поведала японская газета в 2009 г.⁶³. Их 11-летняя дочь Норико, которая родилась уже в Японии (семья живет здесь с 1992 г.), никогда не была на Филиппинах и говорит только по-японски, узнала о том, что они иммигранты в июле 2006 г., когда ее мать арестовали за пребывание в стране по просроченной визе. Ранее работодатель никогда не спрашивал родителей о визах, никто не интересовался их нелегальным статусом. Японцы начали наводить порядок в этой сфере лишь с 2003 г., и семья получила временное разрешение на пребывание в стране. Слушание их дела о депортации шло достаточно долго. В результате было решено оставить девочку в Японии, а матери предоставить право посещать ее. В аналогичной ситуации, по мнению адвоката этих филиппинцев, находится далеко не одна семья.

Иммигранты и японское общество

Проблемы адаптации иммигрантов стоят уже сравнительно давно во всех развитых странах, где иностранцы появились в связи с нехваткой рабочей силы. Это объясняется разностью языка, религий, норм поведения и культурных традиций в целом. В последнее время противостояние между иммигрантами и титульной нацией начало серьезно обостряться практически повсюду: недавние события в Европе — яркий тому пример. Не очень спокойно в этой сфере и в России, хотя она уже много столетий является многонациональным и мультиконфессиональным государством.

Япония — одна из самых недружественных по отношению к иммигрантам стран. Причем речь идет не только о более жестких правилах приема иностранцев, но и об отношении к ним коренного населения. И причина этого не только в том, что иммигранты со своей субкультурой, другим образом жизни создают проблемы. Японцы, если можно так выразиться, не любят «чужих» на генетическом уровне. Негативное восприятие иммигрантов связано не только и даже не столько с рынком труда, сколько с социопсихологическим аспектом. Симптоматично, что средства массовой информации охарактеризовали наплыв иммигрантов в конце 1980-х годов как «появление вторых черных судов»! И снова, как и в середине XIX в., началась дискуссия «открывать или закрывать» страну для иммиграции. Пребывание иностранных рабочих японцы начали воспринимать как «проблему» — свидетельствует почетный профессор университета Доккё Ясуо Кувахара⁶⁴.

Недоброжелательно к большому притоку иностранной рабочей силы относятся и многие японские профсоюзные организации. Как правило, не совпадают точки зрения двух министерств, имеющих отношение к иммиграции: если Министерство иностранных дел в целом смотрит на приток иммигрантов благожелательно, то Министерство юстиции выступает за ограниченную иммиграцию только высококвалифицированных специалистов.

Этот общий настрой в отношении иностранных работников недвусмысленно продемонстрировал в 2005 г. тогдашний премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми, который заявил: если их число превысит определенный уровень, это может привести к неприятностям, а потому нужно продумать меры, чтобы предотвратить такую ситуацию и принимать иностранцев по необходимости, но нехватка рабочей силы не означает, что Япония будет приветствовать их⁶⁵.

Недавно Н. Кан выступил за то, чтобы вдвое увеличить в Японии число иностранных рабочих, закончивших колледж (сейчас их насчитывается 278 тыс., в США — 8 млн.), но с ним далеко не все согласны. Летом 2010 г. на вопрос газеты «Асахи», нужны ли иммигранты для «поддержания экономической жизнеспособности», положительно ответили лишь 26%, а 65% высказались негативно⁶⁶.

Поэтому работа по адаптации иммигрантов далеко не простая. По выражению проф. Ясуо Кувахара, между иммигрантами и местным населением стоит невидимая стена. «Легко теоретически говорить о социальной интеграции и сосуществовании, — пишет он, — но реальность сталкивается с громадными трудностями»⁶⁷.

В этих условиях японское правительство, по остроумному замечанию проф. Ф. Коулмаса (директора Германского института японских исследований, Токио), не знает ответа на вопрос: что труднее — повысить уровень фертильности или убедить население принять много иммигрантов?⁶⁸

Дискриминацию, пренебрежительное к себе отношение иммигранты ощущают не только на рабочем месте. Они проявляются достаточно открыто в повседневной жизни. Иностранцам практически нет доступа в японское общество. Японцы считают, что они не могут стать японцами по культуре. Иммигрантов могут остановить на улице, проверить документы и задержать. Японцы зачастую бывают весьма недовольны, если рядом с ними селятся иностранцы. Они нередко замолкают, когда в бар входят иммигранты. В некоторых местах, например на Хоккайдо, есть рестораны, на входе которых висят объявления «только для японцев». При этом сами японцы не считают такие действия дискриминацией.

Конечно, приезжие иногда сами виноваты в таком к ним отношении. В известной мере это может быть реакцией на их неадекватное поведение, непонимание ими местных традиций, правил и норм поведения. Они часто, например, ведут себя очень шумно, включают громкую музыку, выбрасывают мусор в неположенных местах и т.п.

Большим препятствием для адаптации иммигрантов является незнание ими и членами их семей японского языка. Многие дети не посещают

школы⁶⁹ именно потому, что не понимают по-японски. Далеко не все иностранцы хотят навсегда поселиться в Японии. И, полагая, что они приехали сюда на короткий срок, не считают нужным учить детей японскому языку. Так же к этому относятся и многие этнические японцы, приехавшие из Латинской Америки. Для них работа в Японии — это лишь возможность хорошего заработка⁷⁰, потому они и не отдают детей в японские школы, что по приезду на родину этот язык им будет не нужен. И вместо того чтобы быть в школе, подростки болтаются на улице и подчас становятся магазинными воришками.

Боязнь роста преступности — это, согласно всем опросам, основной фактор, почему японцы высказываются против приезда иностранцев в Японию. В 1990 г. эту причину указали 54% респондентов, в 2004 г. — 74%. Действительно, число нарушений и даже преступлений, совершаемых иностранцами, растет (заметим, что одновременно с ростом преступности в стране вообще). По данным полицейского агентства, в 1998 г. было задержано около 22 тыс. иностранцев, в 2004 г. — свыше 32 тыс., среди которых более 2/3 были выходцами из Азии, в том числе китайцы составляли 48%⁷¹, вьетнамцы и корейцы — примерно по 7%. Однако надо признать, что большинство правонарушений это кражи со взломом, воровство, перепродажа краденого, контрабанда, угон транспортных средств, использование фальшивых телефонных карточек⁷². Число же таких преступлений, как убийство, разбой, поджог и изнасилование, наоборот, сокращается: за 2004–2006 гг. оно снизилось почти на четверть⁷³.

В 2004 г. в ходе опроса общественного мнения в ряде стран людей спрашивали: «Считаете ли вы, что пребывание иммигрантов влияет на рост преступности?». Ответ «абсолютно уверены» дали 9,5% респондентов в Австралии, 5% — в Канаде, 19,8 — в Германии (не включая восточную часть), 7,8 — в Англии, 7,5 — в США и 38,7% — в Японии. Если добавить долю ответов «уверены», то в четырех странах (Австралия, Канада, США, Англия) сумма составила 20–33%, и только в Германии и Японии она превысила соответственно 55 и 65%⁷⁴. Настрой японцев — очевиден.

В то же время сами японцы отмечают, что во многом негативное отношение общественности к иностранцам подогревают средства массовой информации. Они, например, рост преступности зачастую связывают только с иммигрантами, рассказывают об одном и том же инциденте с иностранцами множество раз, и люди склонны считать преступления, совершаемые японцами, не слишком серьезными и опасными, а совершаемые иностранцами — наоборот, тяжкими. При этом в информации, в частности о грабителе, проскальзывают фразы типа: «он был похож на иранца или иракца» или «он говорил на ломаном японском с китайским акцентом»⁷⁵. (Ну, чем не «лицо кавказской национальности»!)

Нередко пренебрежительным отношением грешат даже политики и чиновники. Так, губернатор Токийской префектуры Синтаро Исихара, говоря об иммигрантах из азиатских стран, употребил слово *сангокудзин*

(досл. «человек из третьей страны» — унижительный термин, означающий «третьесортный человек»)⁷⁶. В связи с этим появилось коллективное заявление за подписью более 30 ученых японских университетов, ведущих исследования проблем иммиграции в стране, с требованием к губернатору дезавуировать и приведенное слово, и утверждение, что иммигранты, работающие без надлежащих документов, являются угрозой общественной безопасности⁷⁷.

Лишь немногие в стране приветствуют возможность превращения страны в мультикультурное общество. Большинство из ратующих за прием иностранцев — это те, кто трезво оценивает демографические сдвиги в японском обществе и хочет, чтобы Япония оставалась одной из самых передовых экономик мира. К ним, например, относится директор Японского института иммиграционной политики бывший министр юстиции Хидэнори Саканака. Еще в 2004 г. он заявил, что Японии потребуется в ближайшие 50 лет до 20 млн. иммигрантов, и опубликовал работы, в которых выступил за то, чтобы японское общество стало мультиэтническим⁷⁸. Он писал, что Япония стоит перед выбором — быть «большой» или «маленькой». Но, чтобы остаться «большой», чтобы поддерживать экономический рост, необходимы иммигранты. Его идею поддержала группа членов парламента Либерально-демократической партии, правда, сократив цифру предположительно необходимого числа иммигрантов к 2050 г. до 10 млн.⁷⁹.

Руководство страны, конечно, понимает, что даже при значительном повышении коэффициента рождаемости (а это все же маловероятно в современных условиях) проблема нехватки рабочей силы не может быть решена. Поэтому оно, а также органы местного самоуправления, под юрисдикцией которых находятся иммигранты, пытаются минимизировать негативные последствия пребывания иностранных рабочих в стране.

Местные органы власти в соответствии с законами о местном самоуправлении должны предоставлять иммигрантам следующие основные права: на проживание в локальном обществе и поступление на работу, на медицинское обслуживание и образование детей, а также на приобщение к японской культуре. Постепенно администрации на местах начинают вовлекать иммигрантов в политическую жизнь. В г. Маихара (преф. Сига) местные власти дали разрешение постоянно проживающим иностранцам принять участие в референдуме по поводу объединения с соседними муниципалитетами. Мэр города Тосио Мураниси в связи с этим заявил, что «наше общество не сможет хорошо развиваться, пока мы не поймем, что надо жить вместе с иностранцами и содействовать взаимному обмену культур»⁸⁰.

Для налаживания работы с иммигрантами в 2001 г. представители городов, где проживает сравнительно много иностранцев, создали совет, на совещаниях которого обсуждаются вопросы, касающиеся иммигрантов, происходит обмен информацией, составляются обращения к правительству, например по вопросу о включении иностранцев, работающих

в стране длительное время, в систему социального обеспечения или оказания помощи им в создании иммигрантских организаций и т.д.⁸¹. В некоторых городах для них открывают общежития с невысокой платой. Так, например, это сделали для тех, кто хочет изучать японский, сотрудники детского дома в Осаке. Устроители привлекают студентов-иностранцев к участию в общественной жизни своего квартала, просят их рассказывать о своих странах, приглашают принимать участие в праздниках и пр. В «домах для иностранцев» (один из таких домов есть в районе Кита, Токио), где живут приехавшие из США и Канады, иногда селятся и японцы, которых привлекает сравнительно низкая оплата и возможность практиковаться в английском⁸².

Участвуют в работе с иммигрантами и различные неправительственные организации. В частности, они помогают организовывать курсы обучения японскому языку. Как один из их шагов по налаживанию отношений коренного населения с иностранцами можно упомянуть выставку «Мультиэтническая Япония. Жизнь и история иммигрантов», проходившую с марта по июнь 2004 г. в Осаке на базе Музея этнологии. На выставке были представлены история приезда иностранцев в Японию, их жизнь здесь, работа, отношение к ним населения, местных властей и неправительственных организаций, усилия последних адаптировать иностранцев в японские локальные общества. Иммигранты из Кореи, Китая, Филиппин, Вьетнама и Бразилии имели самостоятельные стенды. До открытия выставки и во время ее проведения состоялся ряд лекций и семинаров по соответствующей тематике⁸³.

В конце прошлого века для иммигрантов выходило свыше ста газет и журналов, причем более половины появились в 1990-е годы (газеты для выходцев из Китая и Кореи существовали с довоенных времен): на японском языке издавались 32 газеты, на китайском — 20, на корейском — 10, была и газета на португальском⁸⁴. С середины 1990-х годов появилось много каналов кабельного и спутникового телевидения, и иммигранты получили возможность смотреть программы на родных языках. На сайтах в Интернете можно прочесть множество советов иностранцам, как вести себя в повседневной жизни в Японии⁸⁵.

Проблемой иммиграции занимается и такая известная организация, как Международное движение против дискриминации на расовой основе, которая имеет совещательный статус при Совете по экономике и социальным проблемам ООН. Ее штаб-квартира расположена в Японии. Она была основана в 1988 г. как международная организация по правам человека в Японии и за рубежом (она унаследовала традицию международной солидарности в защиту *буракумин* — японских париев). В сферу ее интересов входят и проблемы иммигрантов, в частности она обращает внимание на неправомерные действия иммиграционных властей — аресты, депортацию и т.д.⁸⁶.

В результате всех этих усилий иностранные резиденты постепенно все же получают какую-то социальную помощь. Определенную роль

в этом играет активная деятельность корейской диаспоры, а также этнических японцев, которые выросли в Китае и привезли после войны свои китайские семьи в Японию. Во многом этому содействовала и ратификация международной конвенции по правам человека, к которой Япония присоединилась в 1979 г.

Конечно, большое число иммигрантов в стране, особенно такой монолитной, как Япония, — это определенный вызов ее культурной основе, социальной структуре и даже национальной идентичности. Если же учесть происходящие процессы глобализации и тенденции в демографической ситуации в Японии, то невольно возникает несколько вопросов: захочет ли и сможет ли она стать мультикультурной страной или будет, как и раньше, строго ограничивать прием иностранных рабочих?; будет ли по-прежнему принимать иммигрантов на небольшой срок и усиленно бороться с нелегалами (что, конечно, правильно) или откроет свои двери для постоянного пребывания необходимой ей рабочей силы, создав для этого нормальные условия для работы и проживания? Пока что у японского правительства нет четко сформулированной стратегии в отношении иностранной рабочей силы. Упомянутое недавнее высказывание Н. Кан об увеличении числа иностранных рабочих не представляет собой цельную картину иммиграционной политики новой администрации. Но в свете серьезных демографических сдвигов, происходящих в японском обществе в последнее время, страна уже нуждается в выработке стратегических установок по вопросам иммиграции.

Примечания

¹ В Германии, например, иммигранты составляют 8,5% населения, в США — 15,6%.

² Если в 1978 г. в стране было зарегистрировано 767 тыс. иммигрантов, в 1990 г. — 1075 тыс., то в 2008 г. — свыше 2 млн.

³ Подсчитано по: Кэйдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики). Токио, 2001, с. 230.

⁴ www.jetro.go.jp

⁵ www.stat.go.jp/data/nenkan; www.stat.go.jp/english/data/handbook/c02cont.htm

⁶ The Japan Times. 21.12.2006.

⁷ Asia Program Special Report. 2003, No. 107, January, p. 5.

⁸ Ibid.

⁹ Если в 1990 г. соотношение численности экономически активного населения и группы лиц старше 65 лет составляло 6:1, в 2000 г. — 4:1, в 2010 г. — 2,8:1, то в 2050 г. оно будет 1,3:1. Если же к группе пенсионеров добавить численность группы лиц до 14 лет, то уровень «иждивенчества» еще более повысится.

¹⁰ В начале XXI в. доля лиц 65 лет и старше в Японии была уже 19,4%, в США — 14,5, в Канаде — 7,9, в Великобритании — 6,3, в Германии — 3,4, во Франции — 1,3% (Facts and Figures. 2007, p. 118).

¹¹ Facts and Figures. 2007, p. 27.

¹² Этот резерв может увеличиться, если программы по улучшению положения женщин, имеющих детей, будут выполняться эффективно.

¹³ В конце 1990-х годов в группе 60–70-летних лишь 1,5% людей нуждались в уходе по болезни.

¹⁴ www.bn.emb-japan.go.jp

¹⁵ Акт об иммиграционном контроле был принят в 1951 г. Он не предоставлял иностранцам возможность оставаться на жительство в стране, равно как и закон о гражданстве не предусматривал облегчение иммигрантам получение японского гражданства. В 1981 г. Япония присоединилась к Конвенции ООН о статусе беженца, принятой другими странами еще в 1951 г., и акт об иммиграционном контроле получил другое название.

¹⁶ www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?ID=487

¹⁷ Например, прибывшие на учебу или стажировку иностранцы получили возможность подрабатывать, если они обращаются с соответствующей просьбой; увеличены сроки максимального пребывания иностранных граждан, в частности приезжающих на «стажировку»; упрощена процедура получения гражданства лицами, имеющими статус «постоянно проживающие» в стране и сокращены сроки рассмотрения их заявлений; специалист со статусом «техника», имеющий более чем 10-летний опыт работы в области естественных наук, может рассчитывать теперь получить ту же работу, что и японец, и пр.

¹⁸ *The Frontier and Within: Individual Empowerment and Better Governance in the Millennium*. 2000, January, p. 18, 19.

¹⁹ Приводится по: *Makoto Ogawa*. Current Issues Concerning Foreign Workers in Japan. — *Japan Labor Review*. 2005, vol. 2, No. 4, Autumn, p. 7, 8.

²⁰ www.imm-moj.go.jp

²¹ *The Japan Times*. 24.06.2009.

²² *Japan Labor Review*. 2005, vol. 2, No. 4, p. 22.

²³ <http://blogs.wsj.com/japanrealtime/2010/06/23/opening-japans-immigration-door/>

²⁴ www.isu.ru/hist/mimo/confer/; *YaleGlobal* 02.03.2006.

²⁵ www.workpermit.com/news/2007-05-28/japan/immigration-policy-change-necessary.htm

²⁶ *Facts and Figures*. 2007, p. 120.

²⁷ Среди них 24% составляли корейцы и по 14% — китайцы и филиппинцы (www.examiner.com).

²⁸ *Ibid*.

²⁹ По приему беженцев Япония стоит на 101-м месте из 110 стран. В то же время надо отметить, что страна выделяет большие финансовые средства по линии ООН для регулирования глобальной проблемы беженцев.

³⁰ Когда впервые правительство признало этот статус.

³¹ *The Asahi Shimbun Japan Almanac*. Tokyo, 2006, p. 90; *Facts and Figures*. 2007, p. 31.

³² *Japan Almanac*. 2006, p. 90.

³³ *New Growth Strategy*. December 2009 (www.kantei.go.jp).

³⁴ <http://blogs.wsj.com/japanrealtime/2010/10/23>

³⁵ Нормативные акты определяют условия получения разрешения на въезд в страну и срок пребывания иностранцев в зависимости от значимости их деятельности для Японии.

³⁶ <http://www.migrationinformation.org>

³⁷ www.moj.go.jp/ENGLISH/IB/ib-01.html

³⁸ *Facts and Figures*. 2007, p. 30; *Нихон токэй нэнкан 2010* (www.stat.go.jp/data/nenkan/zuhyou/).

³⁹ *Japan Immigration Association*. Tokyo, 1999, p. 14.

⁴⁰ <http://www.japaninc.net>

⁴¹ См.: *Kuwahara Yasuo*. *Migrant Workers in the Post-War History of Japan*. — *Japan Labor Review*. 2005, vol. 2, No. 4, Autumn, p. 33.

⁴² Подробнее см.: *Abstract*. *Labor Market Incorporation of Immigrants in Japan and the United States: A Comparative Analysis*. IZA Discussion Paper. 2002, No. 476, April, p. 15, 16 (www.iza.org/publications/dps/).

⁴³ *Ассэн кайся* поставляли тогда промышленным компаниям временных, сезонных, поденных рабочих-отходников. Теперь их место заняли иммигранты.

- ⁴⁴ Japan Labor Review. 2005, vol. 2, No. 4, p. 13–14.
- ⁴⁵ Все зависит от того, что собой представляет фирма, какой у нее уровень субконтракта. Почасовая зарплата у иммигрантов-мужчин, являющихся этническими японцами, т.е. тех, кто находится в лучшем положении, чем другие иностранцы, на 50–100 иен меньше, чем у коренных японских рабочих (*Watanabe Hiroaki*. Human Resource Management for Nikkei Workers and Increase of Indirect Employment — www.jil.go.jp).
- ⁴⁶ См.: Вага куни-но рюгакусэй сэйдо-но найё (Обучение иностранцев в нашей стране. Обзор). Токио. 1994.
- ⁴⁷ The Daily Yomiuri. 26.01.2011.
- ⁴⁸ <http://factsanddetails.com/#8711>
- ⁴⁹ И это несмотря на то, что 1985 г. Япония подписала Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин.
- ⁵⁰ <http://ssrn.com/abstract>; IZA Discussion Paper. 2002, No. 476, April.
- ⁵¹ www.moj.go.jp/ENGLISH/information/bpic3rd-02.html; Нихон токэй нэнкан 2010 (www.stat.go.jp/nenkan/)
- ⁵² www.japantoday.com
- ⁵³ <http://factsanddetails.com/#8711>
- ⁵⁴ *Tezuka Kazuaki*. Foreign Workers in Japan: Reality and Challenges (www.jil.go.jp).
- ⁵⁵ Они учат язык в течение шести месяцев на специальных курсах, а затем в перерыве во время работы и после работы, когда приходят домой. Они уже могут общаться со своими подопечными и даже шутить с ними, но с ужасом ждут экзамена, когда надо будет продемонстрировать знание иероглифики, т.е. умение читать и писать по-японски.
- ⁵⁶ The Washington Post. 27.07.2010. Недаром, видимо, еще в 2007 г. директор Японского института иммиграционной политики отметил, что «такой экзамен никто не сможет сдать и будет отправлен домой» и что эта политика направлена на то, чтобы не допустить проживания иммигрантов в Японии постоянно (www.workpermit.com/news/2007-05-28/japan/immigration-policy-change-necessery.htm).
- ⁵⁷ <http://factsanddetails.com/#8711>
- ⁵⁸ Time. Tokyo, 20.04.2009 (www.time.com/time/world/article/0,8599,1892469,00.html/).
- ⁵⁹ Именно из-за желания побольше заработать они часто перерабатывают. В июне 2008 г. пресса сообщила о смерти от сердечной недостаточности 31-летнего китайского стажера. Он получал примерно 1000 долл. в месяц и по 4–8 долл. в час за сверхурочные, которые составляли 150 часов в месяц, имея один выходной в две недели, хотя как стажер он не должен был работать сверхурочно. Но бывает и так, что сверхурочно их заставляют работать наниматели, но так поступают, как правило, с нелегалами.
- ⁶⁰ www.moj.go.jp/ENGLISH/information/bpic3rd-02/html; Нихон токэй нэнкан 2010 (www.stat.go.jp/nenkan/).
- ⁶¹ The Asahi Shimbun Japan Almanac. 2005, p. 226; Japan Labor Review. 2005, vol. 2, No. 4, p. 10–12; idei.ugr.es/cddi/uploads/articulos/liuFarrer2009.pdf; http://www.g-studyin-japan.jasso.go.jp/en/modules/pico/index.php?content_id=25
- ⁶² YaleGlobal online. 02.03.2006.
- ⁶³ The Japan Times. 10.02.2009.
- ⁶⁴ Japan Labor Review. 2002, vol. 2, No. 4, p. 31.
- ⁶⁵ www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?ID=487
- ⁶⁶ The Washington Post. 27.07.2010.
- ⁶⁷ Japan Labor Review. 2002, vol. 2, No. 4, p. 46.
- ⁶⁸ *Coulmas F.* Population Decline and Ageing in Japan — The Social Consequences. L. — N.Y., 2008, p. 134.
- ⁶⁹ В 2004 г. в 14 городах, где компактно проживают иностранцы, от 9 до 56% детей иммигрантов школьного возраста не учились (Japan Labor Review. 2005, vol. 2, No. 4, p. 63).
- ⁷⁰ За несколько лет пребывания в Японии они могут скопить средства для покупки дома на родине (www.japanics.net).
- ⁷¹ Подробнее о преступной деятельности китайцев в Японии см.: *Кузнецов С.И.* Китайцы в современной Японии: проблема нелегальной иммиграции (www.isu.ru/hist/mimo/confer/confer1/kusnetsov.html)

- ⁷² Japan Almanac. 2006., p. 11, 229.
- ⁷³ Facts and Figures. 2007, p. 210.
- ⁷⁴ www.iza.org/conference/_files/amm_2004/simon_r1669pdf
- ⁷⁵ www.vdare.com/misk/
- ⁷⁶ The Daily Yomiuri. 20.12.2003.
- ⁷⁷ www.geocities.co.jp/collegeLife-labor/8108
- ⁷⁸ www.workpermit.com/news/2007-05-28/japan/immigration-policy-change-necessary.htm;
<http://japanfocus.org/-sakanaka-hidetori/2396>
- ⁷⁹ www.tuj.ac.jp/icas/pdf/icjs_080831.pdf
- ⁸⁰ The Japan Times. 19.01.2002; www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?id=39
- ⁸¹ Japan Labour Review, p. 43-44.
- ⁸² The Daily Yomiuri. 13.03.2001.
- ⁸³ <http://www.ed.gov/pubs/JapanCaseStudy/>
- ⁸⁴ *Sellek Yoko*. Migrant Labour in Japan. N.Y., 2001, p. 134; www.factsanddetails.com/1877
- ⁸⁵ См., например: www.everyday.3yen.com
- ⁸⁶ *Hiroshi Komai*. Foreign Migrants in Contemporary Japan. Melbourn, 2001, p. 135.

Э.В. Молодякова

**МАТИДЗУКУРИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННЫХ ЯПОНЦЕВ**

В 1990-х годах в Японии получило широкое распространение явление *матидзукури*. Сам термин, написанный двумя иероглифами — *мати* («город») и *дзукури* («строительство»), дословно означает «строительство города». *Мати* в противоположность большим территориям (область или город в целом) означает небольшую территориальную единицу, физическое пространство или социальную систему (например, район или квартал). *Дзукури* предполагает целенаправленные действия группы людей на соответствующей территории, причем эти действия имеют не разовый характер, а являются постоянным процессом, направленным на достижение и сохранение неких улучшений. Таким образом, само понятие *матидзукури* охватывает как физическое пространство, так и человеческое сообщество на местах. Другими словами, речь идет о деятельности граждан-членов локального общества, или комьюнити (по-японски — *тиики сякай*).

Именно локальные общества являются базой для возникновения различных движений горожан, стремящихся добиться улучшения местной окружающей среды. В частности, возникшее вначале как протест против государственной системы городского планирования, движение *матидзукури* в настоящее время охватывает практически всю совокупность жизненных процессов в локальном обществе и представляет важное звено развития местной политики и городского управления. Другими словами, речь идет об изменении соотношения между центральными и местными органами власти в управлении окружающим пространством. Усиление роли *матидзукури* отражает тенденцию участия граждан в руководстве процессом изменения городской среды. Ведь одна из важных задач нашего времени — создание более удобного для жизни и способного справляться с трудностями города, обеспечение мобильной экономики, высокого качества жизни жителей при сокращении потребляемых ресурсов и отходов. Совместное управление этими процессами создает более удобную жизненную среду, причем комьюнити играют важнейшую роль в решении экологических проблем.

© Молодякова Э.В., 2012

В настоящее время выдвижение в городском планировании именно *матидзукури* наблюдается по всей стране, отражая стремление населения участвовать в жизни своего локального общества, обеспечивая благоприятные условия существования. По мнению выдающегося японского эксперта в области планирования Д. Ватанабэ, в этом понятии «проявляется активность людей, направленная на то, чтобы управлять и расширять физическое (и часто нефизическое) пространство своего комьюнити»¹. Понятие *матидзукури* на протяжении десятилетий наполнялось новым содержанием, отражая многие изменения в жизнедеятельности японского общества.

В 2010-е годы это понятие обретает очень широкий смысл и отражает разнообразие практической жизни людей на местах. Феномен *матидзукури* имеет самое непосредственное отношение к трем наиболее важным в настоящее время, не только для Японии, но и для всех стран, проблемам. Первая — создание более пригодных для жизни и способных к поддержанию своей жизнедеятельности городов; вторая — изменение соотношения между центральными и местными органами власти в вопросах управления территориями; третья — изменение роли гражданского общества в местном самоуправлении. Об этом будет сказано ниже, но сначала об истории появления термина и самого явления.

Впервые термин *матидзукури* был использован проф. С. Масуда в 1952 г.² в применении к теории и практике городского планирования. В градостроительной политике, которая ведет свою историю с периода мэйдзийской модернизации страны, как и в большинстве сфер жизни японского общества, главную роль играло государство. Именно центральное правительство стало движущей силой планирования и управления городами. «Поскольку городское планирование являлось инструментом для создания правительством современных городов, — пишет проф. Юкио Нисимура, — его вмешательство в повседневную строительную деятельность на городских территориях рассматривалось как административные решения, а не как стремление жителей создать пригодные для жизни города. Соответственно, правила городского планирования рассматривались как предназначенные для общества в целом. Эти правила тщательно защищались специалистами в области планирования и базировались на юридически обоснованных инструкциях. Теоретически эти правила имели законную силу и должны были универсально применяться без всяких исключений»³.

Современная система городского планирования в принципе началась с принятием в 1888 г. Закона о развитии Токио, согласно которому предполагалось создать городскую инфраструктуру в виде улиц и парков, которые сочетались бы с уже существующим пространством столицы. Строго говоря, это не было еще программой, опирающейся на определенные стандарты, а, скорее, программой организации отдельных городских территорий. Термин «городское планирование» (*тосикэйкаку*) впервые был использован в 1913 г. проф. Хадзимэ Сэки. Первый закон

о городском планировании и строительстве был принят в 1919 г. В нем отразилось сильное влияние существовавшего в то время на Западе городского планирования. В законе предусматривались такие технологии планирования, как зонирование земель для контроля над их использованием, программы перераспределения земель для развития городских территорий и пригородов. Первая, достаточно простая, система, состоящая из зон трех категорий — «жилая», «коммерческая» и «промышленная», была введена в Токио спустя два года после большого землетрясения 1923 г. в районе Канто. Значительно позже, в 1950 г., она была дополнена «зеленой» зоной. Первоначально такая система планирования была применена для шести крупнейших городов, а затем в первой половине XX в. распространилась почти по всей Японии.

В 1968 г. закон 1919 г. был заменен новым. Изменение системы планирования было вызвано быстрым ростом городов. Закон 1968 г., основанный на принципах старого закона, четко устанавливал стандарты городского планирования. Эти стандарты требовали, чтобы планирование больших городов осуществлялось в соответствии с различными национальными и региональными планами центрального правительства, а малых — в соответствии с планами префектур. Другими словами, соблюдался принцип приоритета больших территорий перед территориями меньших размеров. Он был эффективен в период высоких темпов экономического роста в 1960–1970-е годы, когда осуществлялись крупные инфраструктурные проекты (скоростные автомагистрали, высокоскоростные железные дороги *синкансэн*). При этом и центральные, и местные органы власти, и бизнес не слишком много внимания уделяли так называемым малым территориям и интересам повседневной жизни проживающего там населения.

Этот закон, правда, предусматривал «участие граждан» (*дзимин санка*), т.е. местных жителей, в процессе городского планирования, но оно не играло большой роли. В большинстве случаев выработанный («лучший», по мнению властей) проект показывали и разъясняли горожанам, чтобы заручиться их поддержкой. По мнению проф. Тэрариси, закон 1968 г. «открыл путь к участию жителей. Однако, хотя объяснения для жителей, публичные слушания (ст. 16), подача инспекционных отчетов и письменных заявлений (ст. 17) были систематизированы, нельзя отрицать, что до сегодняшнего времени все это имеет формальный характер»⁴.

Следует еще раз заметить, что городское планирование традиционно было приоритетом деятельности центрального правительства, а не местных органов власти. Однако пересмотренный в 1992 г. закон 1968 г. свидетельствовал о серьезных подвижках в этом вопросе. Во-первых, муниципалитетам предоставили возможность формировать «главные планы», т.е. базовую политику городского планирования. «Эти главные планы, — пишет Тэрариси, — определялись на муниципальном уровне и были неотъемлемым правом муниципалитетов. При этом требовалось лишь уведомлять о принятых решениях губернатора префектуры. Таким

образом, центральное правительство ставилось в известность задним числом, а не заранее»⁵. Во-вторых, прежние восемь зон, установленные законом 1968 г., были расширены путем разделения трех жилых зон на семь новых.

Но при этом участие местных жителей по-прежнему оставалось номинальным, до их сведения просто доводили информацию. Например, в постановлении токийского муниципалитета говорится следующее: «Чтобы полностью отражать мнения граждан в городских планах и осуществлять планы, приемлемые для граждан, проводятся публичные слушания или разъяснительные встречи. Когда предлагается городской план, он публично объявляется и представляется для общественного рассмотрения в течение двух недель. За это время заинтересованные граждане или стороны могут представить письменное мнение»⁶.

Изменения в законодательстве были вызваны высокими темпами экономического роста, который сопровождался динамичным процессом урбанизации, мощными миграционными потоками из сельской местности в города. Но государственная стратегия в Японии в это время экономическому развитию придавала гораздо большее значение, чем качеству городской среды и не предусматривала механизмов эффективного регулирования степени загрязнения и предотвращения экологической деградации. В результате экономический рост привел к возникновению сложных и многоплановых проблем современного японского города. «Это были давние и, как показала практика, трудноразрешимые городские коллизии: хронический жилищный кризис, чрезмерная концентрация населения и промышленности, территориальная неорганизованность и растянутость застройки, а потому несоответствие транспортного обслуживания условиям и потребностям растущего города, наконец, рост экологического загрязнения»⁷. Подобные проблемы ограничивали превращение высоких доходов городских жителей в высокое качество их жизни. Деградирующая городская окружающая среда, дорогое и тесное жилье, нехватка свободного общественного пространства и парков — все это в значительной степени привело к появлению синдрома «богатая Япония — бедные японцы»⁸.

В этих условиях к началу 1970-х годов традиционная «жесткая философия планирования», касающаяся зданий, дорог и других объектов инфраструктуры, начинает меняться. В городское планирование постепенно внедряются более «мягкие» методы, учитывающие мнения, потребности и запросы местных жителей. Они, как конечные потребители, должны жить и работать в окружающей среде, которая спланирована местной администрацией. Напомним, что изначально городское планирование (*тосикэйкаку*) осуществлялось сверху вниз в соответствии с административной иерархией и касалось развития города как комплекса или крупных его частей. *Тосикэйкаку* можно охарактеризовать как «жесткое», «вертикальное» планирование, «централизация административной власти» и т.д.

Но изменившимся подходам и методам городского планирования старый термин *тосикэйкаку* уже не соответствовал, и появилось понятие *матидзукури* — городское планирование в пределах локального общества. Ключевыми характеристиками этого понятия являются «снизу вверх», «мягкое», «децентрализация административной власти», «горизонтальное планирование», «сотрудничество между администрацией и гражданами», «местная автономия». Обычно *матидзукури* сводится к осуществлению малых проектов, например парков, улиц, небольших жилых районов и пр. Содержание подобного планирования, ориентированного на нужды людей, достаточно гибко, способно учитывать предложения граждан. Собственно говоря, участие граждан является главным средством реализации проектов *матидзукури*. «Усиливая *матидзукури*, — пишет проф. Торияма, — мы одновременно повышаем значение повседневной жизни и проблем людей. Поскольку жители — это не только люди, на которых непосредственно влияют меры городского планирования, но и своего рода эксперты (по крайней мере того, что касается их среды обитания, потребностей и ожиданий), *матидзукури* невозможно адекватно воплотить на практике без *дзимин санка*»⁹.

Участие граждан в любом проекте требует от местной администрации определенных усилий. Во-первых, нужно предоставить достаточное количество информации о проектах городского планирования и вообще о деятельности местной администрации. Во-вторых, работники органов местного самоуправления, занимающиеся городским планированием, должны знать мнение местных жителей, а те, в свою очередь, должны иметь возможность реагировать, например с помощью опросов, публичных слушаний и пр. Подобные шаги стимулируют активность горожан. Обе стороны должны осознать, что для осуществления проекта необходимы их тесное сотрудничество и взаимопомощь, которые лучше всего реализуются через участие граждан. В принципе за долгие десятилетия местная администрация и жители привыкли к *тосикэйкаку*, но постепенно одно лишь городское планирование «сверху вниз» становилось все более недостаточным, учитывая процесс децентрализации и современный демократический способ принятия решений. Главной задачей местных органов власти является создание более благоприятных условий для участия местных жителей в городском планировании.

В отличие от *тосикэйкаку*, понятие *матидзукури*, по определению проф. Ю. Нисимура «имеет тонкий оттенок мягкой плановой деятельности, инициированной снизу, или разработанного на местном уровне плана улучшения среды обитания»¹⁰. *Матидзукури* направлено на привлечение людей к участию в городском планировании, а также на то, чтобы учитывать мнения жителей малых территорий. Но в начале 1970-х годов правительство практически не имело опыта общения с местными жителями и опасалось, что такое участие может привести к неэффективному планированию.

Несмотря на то что явление *матидзукури* в настоящее время приняло уже масштабный характер, до сих пор нет не только единой интерпрета-

ции самого понятия, но даже единого его написания. Японский язык позволяет по-разному написать этот термин. Первый вариант, наиболее широко используемый, — азбукой *хирагана*. Во втором используется иероглиф *мати*, который имеет значения «небольшой город», «квартал», «улица», но слово *дзукури* во всех случаях пишется азбукой.

Ряд исследователей, например проф. Морио Удзуки¹¹, достаточно четко разделяя понятия *тосикэйкаку* и *матидзукури* как «жесткое» и «мягкое» планирование, рассматривают последнее в целом как направленное на обустройство жилой среды обитания горожан. М. Удзуки длительное время работал в местной администрации токийского района Сэтагая (Сэтагая-ку), который является жилым районом высокого уровня и весьма передовым с точки зрения проектов *матидзукури*. В этом же районе проводил полевые исследования *матидзукури* ученый из Боннского университета Силке Вогкт. Представляется целесообразным использовать данный район в качестве примера.

Деление Сэтагая-ку на пять административных единиц, которые управляются отделениями районной администрации, можно рассматривать как шаг децентрализации, сделанный навстречу гражданам. Районная же администрация занимается проектами, касающимися Сэтагая-ку как единого целого. В структуре местной администрации имеется специальное подразделение, которое отвечает за участие граждан в проектах *матидзукури*. В сферу его деятельности входят следующие вопросы: обеспечение учета мнения местных жителей, прежде всего по проблемам экологии и инфраструктуры в Сэтагая-ку; обсуждение планируемых проектов с другими подразделениями и местными жителями; создание безопасных и благоприятных условий жизни, в том числе для передвижения пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Это же подразделение проводит бесплатные семинары для жителей, интересующихся историей своего района, нынешней ситуацией в *матидзукури*, а также создало Школу *матидзукури* Сэтагая. Задача этой школы дать местным жителям базовые знания в сфере городского планирования, совместно рассматривать некоторые проблемы и находить приемлемые решения. Вот перечень основных тем обсуждения: содержание многоквартирных домов, предотвращение разрушений, проблемы общественных зданий и жилых кварталов.

В районе Сэтагая имеется также Центр *матидзукури*, который занимается примерно аналогичной деятельностью, имеет специализированную библиотеку по проблемам *матидзукури* и участия горожан, сотрудничает с другими организациями. Для финансирования проектов *матидзукури* в Сэтагая-ку создан специальный общественный фонд, функционирующий за счет благотворительных взносов местных жителей и предприятий по подписке, проводимой местной администрацией, различными общественными организациями¹². Подводя итог, можно сказать, что этот пример свидетельствует о появлении нового типа городского планирования, который предполагает тесное сотрудничество между администрацией и жителями.

В другом районе Токио — Сугинами при местной администрации создан отдел развития *матидзукури*. Он готовит проекты, которые содержат как «жесткие» элементы (например, планирование и строительство зданий вдоль больших улиц), так и «мягкие» элементы (например, прогулочные и ознакомительные маршруты в районе) городского планирования. В данном случае понятие *матидзукури* включает повседневную жизнь местных жителей, а их участие служит средством претворения в жизнь городского планирования.

Как пишет Силке Вогт, «в отличие от *тосикэйкаку*, содержание которого зафиксировано в Законе о городском планировании и различных научных работах, в отношении *матидзукури* не существует закона или постановлений, которые могли бы дать полное адекватное определение данного понятия. Оно используется не только широко, но и весьма разнообразно, в зависимости от индивидуального подхода. Соответственно, к этому понятию следует подходить осторожно, принимая во внимание конкретный контекст»¹³.

Д. Ватанабэ рассматривает три типа реакции властей на требования граждан, выдвигаемые к городскому планированию. Первый — требования жителей не принимаются или прямо отклоняются правительством. В этом случае жители в рамках *матидзукури* могут настаивать на своих требованиях и даже протестовать против действий правительства. Второй — требования жителей в целом удовлетворяются правительством, и им остается лишь следить за их выполнением. Третий — требования жителей оказываются слишком сложными и многочисленными, чтобы правительство могло обеспечить их выполнение. Именно в этот момент граждане начинают действовать не только как потребители требуемых услуг, но и как ответственная сторона в партнерстве с правительством. Последний тип участия граждан начал постепенно превалировать с окончанием периода быстрого экономического роста¹⁴.

Центральным вопросом с точки зрения эффективности движения *матидзукури* является получение местными жителями права голоса в управлении жилым пространством, поэтому неизбежным становится их взаимодействие с существующей административной системой городского планирования и градостроительства. По мнению Д. Ватанабэ, новая система управления городской средой обитания XXI в. создается в результате столкновения старой городской системы планирования *тосикэйкаку* с новой системой, представленной *матидзукури*. Старая система с ее жестким иерархическим подходом рассчитана на большие территории, а новая система — на маленькую территорию, на процессы участия граждан. Поэтому Д. Ватанабэ признает важным исследовать взаимодействие этих двух разных подходов к управлению общими территориями, рассмотреть вызовы и перспективы для будущей практической деятельности.

В соответствии с таким подходом можно выделить три этапа развития движения *матидзукури*. Первый этап связан с возникновением этого яв-

ления как формы протеста против традиционного планирования в 1960–1970-е годы. Это время ознаменовалось широким размахом гражданских движений, в основном против загрязнения окружающей среды. Высокая концентрация промышленного загрязнения воздуха и воды привела к ухудшению условий жизни во многих японских городах, что вызвало сотни смертей и тысячи серьезных заболеваний. Поначалу борьба велась отдельно в каждом случае, но к концу 1960-х годов появились тысячи местных движений против загрязнения окружающей среды. «Загрязнение окружающей среды, риск профессиональных заболеваний, проблемы со здоровьем потребителей, вызванные испорченными или отравленными продуктами, оказались более эффективными стимулами, чем любой другой тип социального неблагополучия и социальных проблем с начала периода модернизации», — пишет проф. Нобуко Иидзума¹⁵.

Население вело борьбу за улучшение условий жизни в неблагоприятных для проживания районах и за участие граждан в процессе планирования на местах. Экологический кризис оказал серьезное и длительное воздействие на японское общество. Он узаконил протесты и прямое общественное участие в политических вопросах, создал новую традицию местной мобилизации, часто вне рамок укоренившихся организаций по месту жительства и других существовавших структур, которые имели тесные связи с консервативными силами, привел к сокращению поддержки Либерально-демократической партии (ЛДП). К 1974 г. почти 40% муниципалитетов возглавляла администрация, принадлежавшая к так называемому прогрессивному лагерю. Неслучайно в попытке вернуть себе общественную поддержку и сохранить контроль над парламентом ЛДП в 1968 г., как уже говорилось, приняла новый Закон о городском планировании, а в 1970 г. — пакет законов (14) о жестком контроле над загрязнением окружающей среды.

Действия местных групп граждан против загрязнения окружающей среды, вылившиеся позже в экологические движения, внесли значительный вклад в возникновение феномена *матидзукури*, который впитал наследие этих движений. Главное в этом наследии были: тенденция к образованию небольших, относительно автономных местных групп с незначительными вертикальными различиями в полномочиях или внутренней иерархий; возможность привлекать ресурсы густой сети родственных организаций, вместо того чтобы начинать с нуля на пустом месте; широкое участие женщин, что было редкостью в традиционных организациях местных жителей. Существенным моментом было то, что большинство экологических организаций старались избегать прямых контактов с любой партией или государственным учреждением, частично, чтобы не попасть в подчинение и не быть поглощенными ими, частично, чтобы иметь возможность претендовать на представительство интересов всего местного сообщества.

Традиционная система планирования «сверху вниз» была очень удобной как способ повседневного ведения бизнеса на основе прецедентных

случаев, помогая избегать споров. Однако протесты против традиционного планирования привели к острой конфронтации между муниципальной администрацией и гражданами, иногда выливавшейся в идеологическое противостояние. В целом характер *матидзукури* в это время соответствовал всеобщему подъему экологического движения в конце 1960-х годов.

Второй этап — 1980-е годы. Он ознаменовался движением за *матидзукури* как альтернативу прежней системе городского планирования, т.е. *тосикэйкаку*. На местном уровне стали возникать различные виды конструктивного партнерства в планировании между администрацией и гражданами. Другими словами, участие граждан становилось фактором реализации *матидзукури*. Открытые дискуссии по многим проектам *матидзукури* постепенно становились привычными даже в консервативных сельских районах. В результате начала медленно меняться парадигма планирования на основе местной инициативы. Несмотря на подобные подвижки, традиционная система планирования оставалась пока неизменной, а власть центрального правительства была настолько доминирующей, что никто не мог предположить альтернативных процессов принятия соответствующих решений. «Принятие решений в городском планировании, — пишет Д. Ватанабэ, — твердо оставалось в руках бюрократов, в результате чего правила игры городского планирования велись в соответствии с бюрократической логикой, которая часто отказывалась принять точку зрения граждан, базировавшуюся на здравом смысле. Другими словами, городское планирование дистанцировалось от горожан, а те, в свою очередь, устремились к *матидзукури*, что и было проявлением их свободной активности»¹⁶. Концепция *матидзукури* подразумевает творчество местных жителей, которые стремятся сами определять среду обитания. Осуществление принципов гражданского общества настоятельно требовало децентрализации, и Япония оказалась на распутье.

Начиная с 1990-х годов в контексте проведения административной реформы *матидзукури* занимает все больше места в управлении на местах. Вместе с тем правящая в то время Либерально-демократическая партия склонялась к усилению централизованного контроля над деятельностью власти на местах, тогда как оппозиционные партии, напротив, считали необходимым добиваться децентрализации, передачи на местный уровень больше прав, укрепления финансовой самостоятельности местного самоуправления. Особенно это стало очевидным в связи с крахом экономики «мыльного пузыря» и малоэффективными действиями центрального правительства по ликвидации последствий землетрясения 1995 г. в г. Кобэ.

В Японии постепенно формировалось, отражая громадные перемены в стране, общественное мнение о том, что наступает пора серьезно задуматься о создании максимально благоприятных условий для проявления местной инициативы. «Становилось все более очевидным, — пишет

историк А.И. Сенаторов, — что детальная регламентация государственными законами чуть ли не всех шагов местного самоуправления, чрезмерный контроль и опека со стороны центра, включая необходимость получения разрешений и консультаций с ним по делам местного значения, и, особенно, зависимость от государственного финансирования, т.е. все то, что в период становления демократической системы местного самоуправления сыграло позитивную роль, позже, на фоне мощного экономического развития Японии и усвоения демократических норм ее гражданами, стало выявлять качественно иную, негативную роль, тормозя полезные начинания, мешая полному проявлению возможностей местных кадров, воспитанных уже в новом, творческом духе»¹⁷.

В этих условиях японская система городского планирования тоже оказалась перед необходимостью делегирования соответствующих полномочий местным властям, но все-таки в целом она оставалась сильно централизованной. Местные правительства были жестко ограничены контролем центрального правительства за финансами, юридическими рамками и кадрами. У них не было достаточной автономии, чтобы проводить независимую политику по различным направлениям. Проф. Ёрифуса Исиды отмечал, что до серьезных реформ 1999 г. градостроительство все еще считалось вопросом, относящимся к ведению центрального правительства, а не местных органов власти. Застройка районов была слишком прибыльным делом, чтобы позволить местным властям иметь право вводить ограничения на строительство или замораживать инфраструктурные расходы¹⁸.

Органы местного самоуправления нуждаются в поддержке различных местных субъектов, в частности различных некоммерческих (неправительственных) организаций, ассоциаций местных общин и движения *матидзукури*. Местные общины (*тёкай*, *тёнайкай*, в официальных документах — *дзитикай*) являются главными социальными организациями японцев и базируются на территории локального общества. Они имеют давнюю историю, и в довоенной Японии правительство широко использовало эти структуры для мобилизации нации. В послевоенные годы они были распущены как антидемократические, но достаточно быстро возродились, ибо отвечали духу и чувству причастности каждого японца к определенной общности. По данным, приводимым в работе Дж. Куртиса, соседские объединения, несмотря на запрет оккупационной администрации, продолжали функционировать в 86% городов и деревень. А после его снятия они восстановились практически повсюду¹⁹.

Соседские общины характеризуются достаточно высоким уровнем участия местных жителей. *Тёкай* имеют давнюю традицию принятия решений на основе участия в них представители семей, а не отдельных граждан. Таким образом они знают требования и пожелания жителей. Соседские общины, как объединения горожан, оказывают мощное влияние на стиль, форму и деятельность самого локального общества, а так-

же содействует распространению по всей стране объединений горожан по возрастному и гендерному принципу.

Тёкай действуют совместно с различными фондами, неправительственными организациями, волонтерскими группами, создавая социальную сеть и поддерживая социальную жизнь в локальном обществе. Эти общественные организации пользуются наибольшим доверием местных жителей. Основная цель их деятельности — усиление самоуправления и оказание взаимопомощи. По характеру деятельности они похожи на административный механизм движения «корни травы». У *тёкай* есть своя организационная структура: председатель, его заместитель, исполнители по связям с населением, подгруппы по решению различных вопросов²⁰.

Местные органы власти рассматривают *тёкай* как выразителей мнения всех жителей данной территории. Поскольку на их базе появляются многие организации *матидзукури*, то они рассчитывают, что соседские общины будут играть центральную роль и в этих структурах. Однако, согласно последним исследованиям, несмотря на то что органы местной власти полагаются на *тёкай*, в частности как на канал связи с местными жителями и источник получения информации об их требованиях, отчетливо просматривается тенденция сокращения эффективности деятельности соседских общин ввиду сокращения числа их членов, низкой мотивации участия в них жителей, ослабления связей между ними. В то же время они продолжают оставаться существенной частью японского гражданского общества. Важно то, что простые граждане, местное сообщество могут по своему желанию начать любую деятельность, проявить активность независимо от местной администрации.

С 1990-х годов органы местного самоуправления, предваряя действия центрального правительства, начали принимать постановления о *матидзукури*, создавать специальные подразделения, занимающиеся их проблемами, поощряя ориентацию на диалог и сотрудничество. Это стало важным инструментом развития сотрудничества граждан с местными властями. С введением этого инструмента распространение *матидзукури* по стране значительно ускорилось.

В 2001 г. проф. Ясухиро Эндо предложил использовать в японском планировании термин *матисодатэ* (*мати* — «небольшой город», *содатэру* — «воспитывать»). Этим термином Я. Эндо подчеркивал важность развития социальной сети в процессе развития застройки районов, привлекающая внимание к установлению контактов между всеми участниками реализации планируемых проектов²¹.

В немалой степени развитию гражданских движений содействовало принятие после многолетних обсуждений в 1998 г. Закона о некоммерческих организациях (НКО). В результате НКО обрели статус юридического лица, что было крайне необходимо для усиления активности граждан. Закон открыл новые возможности для многих объединений, и ряд гражданских движений были признаны НКО²². Получение юридического статуса организациями является способом институализации, что имеет как свои

риски, так и свои преимущества. По меньшей мере, получение такого статуса влечет за собой фундаментальную трансформацию групп граждан. Например, ранее экологические движения часто реагировали на отдельные проблемы, а после их разрешения теряли активность или даже распускались. Другими словами, они создавались под одну проблему, выражали частные местные интересы, пытались защитить себя и свой район от конкретной угрозы. Обретение статуса юридического лица способно продлить существование движения, которое может переключиться с реагирования на уже произошедшее или происходящее событие на перспективное реагирование, направленное на то, чтобы предотвращать возникновение проблемы²³.

Одним из толчков для принятия этого столь важного закона послужило землетрясение 1995 г., которое показало значение важнейших социальных функций гражданской активности. Неспособность правительства своевременно принять решения о ликвидации последствий, прибытие на помощь местным жителям большого числа добровольцев со всей Японии, что явилось неожиданностью как для наиболее пострадавшего г. Кобэ, так и для страны, способствовало серьезным изменениям в жизни общества. Именно с этого времени началась волна возникновения организаций *матидзукури*. Причем деятельность таких НКО необязательно ограничивалась их рамками. Следует заметить, что движение *матидзукури* распространяется в различных сферах жизни и может помочь в решении важных социальных и экономических проблем. Например, в решении проблем бездомных и бедных; проблем молодежи и обеспечения прав детей; в установлении связей экономик местных сообществ с сельскими производителями, когда многие из них сами контролируют стадии переработки и сбыта, создавая площадки для связей с городскими территориями; в содействии деятельности волонтеров и пр.²⁴.

Все более широко распространяющееся по стране на местном уровне движение *матидзукури* первоочередной задачей признает создание более пригодных для жизни и способных к поддержанию своей жизнедеятельности городов. Это вполне справедливо, если учитывать, что более 80% японцев проживают именно в городах. Действительно, хорошая окружающая городская среда благоприятно сказывается на повышении качества жизни горожан, а также позитивно влияет на экономическое положение, привлекая инвестиции, стимулируя инновации и творческие процессы, а также помогая бороться за высококомбиную квалифицированную рабочую силу.

В принятом на конференции ООН в Рио де Жанейро (1992 г.) документе «Повестка дня на XXI век» подчеркивается, что при решении проблем окружающей среды и развития «следует... поощрять как можно более широкое участие общественности и активное привлечение к этой деятельности неправительственных организаций и других групп»²⁵. Экологическое благополучие рассматривается в документе как важная цель государственной политики и городского планирования.

И как раз в последнем движение *матидзукури* может сыграть значительную роль.

В «Повестке дня на XXI век» местные органы власти, локальные общества и граждане выдвигаются как главные субъекты усилий по достижению большей экологической стабильности. Это связывается с тем, что местные органы власти, как правило, имеют значительные возможности и полномочия в экологическом планировании, наиболее близки к местным жителям, могут вовлекать их в свою деятельность, а также, в свою очередь, могут подвергаться их влиянию. Участие жителей является крайне важным потому, что они хорошо знают местные условия, играют ключевую роль во всех местных нововведениях и в развитии данной местности. В последние два десятилетия в различных странах по всему миру, и Япония не исключение, активизировались процессы децентрализации и перераспределения обязанностей и ответственности в сфере управления в пользу региональных и местных органов власти.

Пришедшее впервые в истории Японии к власти в августе 2009 г. правительство демократов в своем предвыборном «Манифесте» среди «пяти принципов правления» декларировало переход от «централизации прав к местному суверенитету (*тиики сюкэн*)». Выдвинув тезис о «местном суверенитете», правительство обещало «первым шагом в этом направлении сделать масштабное расширение самостоятельных источников финансирования местной деятельности»²⁶. Другими словами, обещало обратить внимание на очень важный аспект в отношениях центра и регионов — на увеличение финансирования.

Важными аспектами движения *матидзукури* являются укрепление основанных на местных сообществах организаций, придание им легитимности и расширение их участия в управления происходящими переменами. Но тут движение *матидзукури* сталкивается с двумя основными препятствиями, и на них обращают внимание исследователи этой проблемы. «Во-первых, группы граждан, которые вмешиваются в политические процессы на местах, вступают в конфликт с хозяйствующими субъектами (землевладельцы, застройщики, строительный бизнес), обладающими большой экономической и политической властью. У них есть серьезные стимулы защищать установившиеся практики и приоритеты. Муниципальные органы, ответственные за городское планирование и управление, зачастую в большей степени отстаивают их экономические интересы, а не интересы небольших групп местных жителей. Во-вторых, хотя в Японии, как и везде, городское управление традиционно осуществляется местными органами власти, последние действуют в рамках серьезных ограничений, налагаемых вышестоящими органами власти... В Японии центральное правительство всегда было доминирующей силой и в сфере планирования использования земли жестко ограничивало свободу действий местных органов власти»²⁷.

Существующие структуры управления, как правило, создавались без активного участия граждан, и они вряд ли желают появления новых игро-

ков, поскольку городское развитие и реконструкция являются источником огромных доходов и власти. Несмотря на призывы к большему участию местных жителей в управлении и к переменам в соответствии с «Повесткой дня на XXI век», многие из них скептически относятся к возможности локального общества обрести значительное влияние на формирование своего будущего.

Изменение роли гражданского общества в местном управлении является центральной задачей в проведении политической реформы в Японии. В этом процессе самое серьезное внимание уделяется созданию новой практики управления и определению приоритетов на уровне городских локальных обществ через движение *матидзукури*, которое является важным каналом развития гражданского общества. Последнее явствует из того факта, что 40% некоммерческих организаций, зарегистрированных на основе Закона об НКО от 1998 г., заявили о своей заинтересованности в *матидзукури*²⁸.

Тем не менее на сегодняшний день остается много неясного относительно *матидзукури*. Например, в какой степени это движение способствует развитию гражданского общества; получают ли субъекты гражданского общества реальное право голоса в управлении или им передают те полномочия, которые не представляют интереса для государства; оформляются ли официально их права, если они их получают в процессе управления. Центральным вопросом для *матидзукури* является получение права голоса в управлении жилым пространством, поэтому неизбежным будет взаимодействие с существующей административной системой городского планирования и градостроительства.

Управление городской окружающей средой является в настоящее время ключевым вопросом, потому что там пересекаются интересы двух противостоящих друг другу сил: растущего гражданского движения *матидзукури* за улучшение среды проживания и традиционного государственного управления сверху. Упорство, с которым центральные министерства, отвечающие за городское управление, сопротивляются ослаблению своей власти в этой сфере, служит ярким доказательством того, насколько важен контроль над городской землей и застройкой во внутренней политике в Японии. Этот конфликт свидетельствует о том, что управление городскими территориями в стране является сильно политизированной проблемой (вспомним о роли строительного бизнеса в политике либерал-демократов), а не просто техническим вопросом применения существующих правил и расходования инфраструктурного бюджета²⁹.

Исследование движения *матидзукури* помогает понять, в какой степени действующие субъекты гражданского общества получают право голоса в местном управлении; насколько утверждаются новые приоритеты; повлияла ли политика децентрализации 1990-х годов на расширение роли органов местной власти и групп граждан или по-прежнему доминирует контроль сверху. Феномен *матидзукури* помогает понять по-

литические изменения в Японии. Неслучайно правительство демократов обращает на это явление пристальное внимание.

Примечания

¹ Machizukuri in Japan: A Historical Perspective on Participatory Community-Building Initiatives. — Cities, Autonomy and Decentralization in Japan. L., 2006, p. 103.

² Masuda Сиро. Тоси дзити-но хитоцу-но мондайтэн (Одна спорная проблема городской автономии). Токио, 1952, с. 49–59.

³ ud.t.u-tokyo.ac.jp/book/2005aij/Taipei.pdf

⁴ Teranishi Hirofumi. Institutions of Urban Planning and the Decentralization. Tokyo, 1996, p. 6.

⁵ Ibid., p. 7.

⁶ Tokyo Metropolitan Government. 1994, p. 16.

⁷ Навлицкая Г.Б. Проблемы развития современного японского города (70–80-е годы) — <http://ichiban.narod.ru/books/YAIKL/ikl105.html>

⁸ Living Cities in Japan. Citizens' Movements, Machizukuri and Local Environments. L. — N.Y., 2007, p. 6.

⁹ Торияма Тихиро. Тиики-ни окэру матидзукури дзимин санка-но сикуми-о куфу сурю (Составление проекта участия граждан в матидзукури на местах). Токио, 1993, с. 1.

¹⁰ ud.t.u-tokyo.ac.jp/book/2005aij/Taipei.pdf

¹¹ Удзуки Морио. Дзимин санка-но матидзукури-о кангаэру (Размышления о матидзукури при участии граждан). Токио, б/г, с. 1.

¹² www.linkclub.or.jp/~silked01.htm

¹³ www.linkclub.or.jp/~silked01.htm

¹⁴ Living Cities in Japan, p. 50.

¹⁵ Iijima Nobuko. Social Structures of Pollution Victims. — Industrial Pollution in Japan. Tokyo, 1992, p. 154–172.

¹⁶ Web.itu.edu.tr/~csuygar/iphs2010/abs/ID77.pdf

¹⁷ Сенаторов А.И. Очерки административной реформы в Японии. М., 2004, с. 47.

¹⁸ Ishida Yorifusa. Local Initiatives and Decentralization of Planning Power in Japan. — Cities, Autonomy and Decentralization in Japan, p. 25–54.

¹⁹ См. подробнее: Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996, с. 142–143.

²⁰ Ogawa Akihiro. The Failure of Civil Society? N.Y. 2009.

²¹ Living Cities in Japan, p. 115.

²² Hayashi Yasuyoshi. Transformation of the Civil Society of Japan and Direct Democracy (www.iri-europe.org/filadmin/user_upload/pdf/10_hayashi.pdf).

²³ Hasegawa Koichi. Constructing Civil Society in Japan. Melbourne, 2004, p. 258–260.

²⁴ Hayashi Yasuyoshi. Op. cit.

²⁵ <http://www.un.org/russian/docum/declarat/riodecl.htm>

²⁶ Manifesto/ <http://www.dpj.or.jp/special/manifesto2009/txt>

²⁷ Living Cities in Japan, p. 7.

²⁸ Ibid., p. 3.

²⁹ Sorensen A. Building Suburbs in Japan: Continuous Unplanned Change on the Urban Fringe. — Town Planning Review. 2001, vol. 72 (3), p. 247–273.

Е.Л. Катасонова

ЯПОНЦЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последние годы мы все чаще встречаемся с таким понятием, как «киберкультура», отражающим новое цивилизационное явление, вошедшее в нашу жизнь за последние 20 лет. Киберкультура чаще всего определяется как «культура, которая образовалась или образовывается в результате использования компьютерных сетей для общения, развлечения и бизнеса»¹. Существуют и другие формулировки. Однако суть их сводится к тому, что под киберкультурой понимается новое направление в культуре, основанное на использовании постоянно обновляющихся технологий виртуальной реальности.

Киберкультура как глобальный феномен возникла благодаря Интернету, и история ее развития может быть прослежена в тесной взаимосвязи с теми этапами эволюции, которая переживала в своем становлении эта глобальная сеть, в том числе и в Японии. Как ни парадоксально, но именно в 1990-е годы, вошедшие в историю под мрачным названием «потерянное десятилетие» вследствие продолжительной экономической депрессии, охватившей страну, происходят зарождение и расцвет новой японской цифровой культуры. В это время в Японии широкое хождение начали приобретать персональные компьютеры и Интернет, которые сразу и кардинальным образом изменили жизнь японцев. Говорят, что Интернет явился «свидетельством победы сил децентрализации, индивидуализма и отдельного сообщества над централизацией, рынком и государством»². Да, это так. Но, с другой стороны, именно Интернет сделал мир глобально единым, крепко опоясав его огромной «мировой паутиной», и позволил каждому члену этого нового сообщества свободно выразить себя и найти своих единомышленников.

Новые технологии сократили расстояние между людьми: электронная почта сделала возможным общение со всем миром — обмен научной и культурной информацией, обсуждение общих проблем и даже совместную художественную деятельность, а создание собственных сайтов открыло новые и неограниченные пути для презентации своих творческих достижений и т.д. Известный японский исследователь современной японской культуры Юми Ямагути отмечает: «Примечательно, что технологический прогресс и спад цен на IT-технику привели к тому, что ранее доступные только профессионалам сферы деятельности теперь стали под-

© Катасонова Е.Л., 2012

властны даже неспециалистам. Будь то музыка или изобразительный ряд, с помощью компьютера и специальных программ стало реальным за письменным столом и за короткое время произвести ту огромную творческую работу, которая раньше выполнялась на больших студиях с большим штатом хорошо обученного персонала³.

Это означает, что с приходом компьютерной эры и активным внедрением Интернета в жизнь современного общества в качестве производителей стали выступать не только профессиональные коллективы, но и небольшие группы творческих людей, и даже отдельные личности, чье творчество приобрело глобальный характер. В результате произошла определенная смычка между производителями и потребителями и стало возможным их совместное участие в создании информационного или художественного продукта. Все это, несмотря на достаточно тяжелое положение в японской экономике и в традиционных областях промышленности, дало мощный импульс развитию культурной индустрии, а вместе с ней и японской массовой культуры, ее широкому выходу за национальные границы. Как пишет американский журналист Дуглас Маггрей, «даже в условиях, когда экономика переживала смутные времена, культурное влияние Японии за пределами страны, напротив, резко возросло»⁴.

При этом, возможно, именно стагнация национальной экономики и резкое сокращение внутреннего рынка заставили японских производителей сосредоточить свои усилия на выпуске наиболее востребованных на тот момент культурных продуктов — *манга*, *анимэ*, компьютерных игр и т.д. — всего того, что Маггрей называет «национальным валовым модным продуктом» (“Japan Gross National Cool”) и их массовом экспорте в другие страны. В эти годы по Интернету начали широкое хождение японские *манга*, *анимэ*, компьютерные игры, поп- и рок-музыка и т.д., которые сразу же приобрели за рубежом миллионы поклонников, пополнивших ряды японских фанатов современной массовой культуры — *отаку*.

Непрекращающийся и по сегодняшний день бум японской массовой культуры среди зарубежной молодежи достаточно наглядно отражает число соответствующих сайтов в поисковой системе Google на английском языке. Так, например, на 27 июня 2007 г. количество веб-сайтов составляло (тыс.):

Раздел	Число сайтов
<i>Манга</i>	132 170
В т.ч.:	
“Yu-Gi-Oh”	4 545
«Наруто»	10 212
<i>Караокэ</i>	86 930
<i>Анимэ</i>	25 480
В т.ч.:	
«Дракон Болл»	10 010
«Гандам»	8 782
«Евангелион»	6 097
Компьютерные игры	
“Game Boy”	19 338
“Final Fantasy”	16 377

Особо следует сказать о музыке, которая также стала еще одним интернет-феноменом того времени, и прежде всего о японской авангардной музыке — Japanoise (Japan noise). Она не так широко известна в нашей стране, как японская поп- и рок-музыка (J-pop и J-rock). В отличие от других популярных музыкальных жанров Japanoise прокладывала путь к своим слушателям без традиционных каналов распространения и вне хорошо отработанной системы поддержки глобальной медиа-индустрии: главным каналом ее «публикации» стал Интернет. Это еще один наглядный пример того, как с появлением Интернета у исполнителей возникли новые возможности продвигать свои бренды и охватывать тех потребителей, которые раньше были им недоступны.

И наконец, еще одна отличительная черта японской киберкультуры: у молодых японцев индивидуальная свобода мыслится не иначе, как возможность участия в различных социальных сетях, состоящих из равных по социальному статусу участников и отличающихся неофициальными формами социальных взаимодействий. Такие сети могут включать сообщества, объединяющие как несколько человек, так и десятки тысяч. Эта практика в полной мере перенеслась и на виртуальные сети, породив огромное число интернет-сообществ. Это своеобразные сетевые клубы по интересам, предполагающие не только активную форму участия в их работе, например размещение информации или участие в конференциях на интернетовских форумах, но и пассивную форму ознакомления с представленной на сайте информацией. Достаточно наглядный тому пример — многочисленные сайты любителей японских *манга*, *анимэ*, видеоигр: фактически эти любители (так называемые *отаку*) создали свою огромную страну в «мировой паутине».

Знакомство Японии с Интернетом началось еще в 1984 г., когда три ведущих японских вуза — старейшее частное высшее учебное заведение «Кэйо», Токийский государственный университет и Токийский технологический институт установили между собой первую электронную связь в целях продвижения совместных научных проектов. Однако широкое внедрение Интернета в жизнь японского общества произошло лишь в середине 1990-х годов. И это было обусловлено целым рядом факторов. В первую очередь, потребность в новых видах коммуникаций диктовалась достаточно слабой в те годы инфраструктурой наземной телефонной связи. Эту проблему трудно было разрешить тогда в силу ряда обстоятельств, в том числе по причине высокой стоимости земли для прокладки телефонных кабелей и т.д.

И тут на помощь пришли новые компьютерные технологии. В эти годы резко дорожает японская иена, в результате чего на японском внутреннем рынке заметно снизились цены на импортные товары. А это, в свою очередь, привело к тому, что в Японии резко выросли продажи американских компьютеров и их программного обеспечения, стоимость которых выгодно отличалась от весьма дорогостоящей отечественной продукции, малодоступной по стоимости среднему потребителю. Уже 1997 г.

примерно 20% населения страны стали обладателями стационарных персональных компьютеров. Правда, Япония заметно отставала по этому показателю от США, где число таких компьютеров в это время охватило 40% населения, и от Австралии (35%)⁵.

Вместе с распространением компьютеров стремительно начал развиваться и Интернет, который стал не только широко применяться в компаниях, но и постепенно проникать в дома японцев. Только за период с 1996 по 1997 г. число пользователей Интернета выросло почти в три раза. К концу 1998 фин. г. «мировой паутиной» было охвачено уже 11% населения страны (против 4,6% в 1997 фин. г.), а к марту 1999 г. — 13,4%⁶. К концу же 1999 г. уже 19,1%, а к февралю 2000 г. — 21,4% частных домов было оснащено электронной связью. По этому показателю Япония занимала тогда 13-е место в мире после Исландии (45%), Швеции (44,3%), Канады (43,2%), Норвегии (41,3%), США (39,4%) и т.д.⁷. Одним словом, потребовалось всего лишь пять лет, чтобы Интернет проник примерно в четверть всех домов японцев, тогда как приобщение к персональным компьютерам заняло почти 15 лет, мобильным телефонам — 15, факсу — 19, а к обычному телефону — 76 лет⁸.

Стремительно росло и количество веб-сайтов на японском языке. Показательно, что, по данным японского Министерства почт и телекоммуникации, в Японии уже к сентябрю 1998 г. было зарегистрировано более 18 млн. веб-страниц против 10 млн. буквально семь месяцев назад. Исходя из того, что каждая страница содержит около 2 тыс. иероглифов, общее количество последних превысило 36 млрд., т.е. превзошло количество печатных знаков во всех японских газетах и журналах, вместе взятых⁹. Благодаря этому за сравнительно короткий период японский язык стал одним из наиболее распространенных интернет-языков в мире. По данным на март 2002 г., распространенность японского языка в Интернете была зафиксирована на уровне 9,2%, что обеспечило ему тогда третье место в мире после английского (40,2%) и китайского (9,8%)¹⁰.

Новый и принципиально важный этап в развитии Интернета в Японии связан с переходом страны на мобильную связь. К марту 2001 г. в Японии уже насчитывалось 36,94 млн. пользователей мобильного Интернета, а к апрелю 2002 г. их число достигло 70 млн.¹¹. К 2005 г. общее число пользователей Интернета в Японии уже составило 85,3 млн. (двое из каждых трех человек в стране), и 69,2 млн. из них предпочитали выходить в него с мобильных телефонов. 48,6 млн. применяли для доступа в Интернет как сотовые трубки, так и персональные компьютеры, но 55% пользователей мобильного Интернета выходили в online ежедневно, в то время как среди приверженцев «фиксированного» доступа только 44% пользовались Сетью раз в день¹². И если Япония всегда значительно отставала от многих других развитых стран по числу пользователей Интернета, выходящих в него при помощи стационарных персональных компьютеров, то по числу пользователей мобильного Интернета (а это в настоящее время более 90 млн.) она намного выдвинулась вперед¹³.

Крупнейшим в Японии оператором мобильной связи является компания DoCoMo (ее полное название “Do Communication over the Mobile Network” — «Устанавливай общение через мобильную связь»), контролирующая 3/5 внутреннего рынка. Аббревиатура DoCoMo удачно совпала и по звучанию, и по значению с японским словом *докомо*, которое имеет значение «повсюду», почти точно перекликающееся с модным сейчас во всем мире слоганом: «Любой контент в любом месте и в любое время!».

Эта компания была создана в 1992 г. телекоммуникационным гигантом NTT (“Nippon Telephone and Telegraph”) и вскоре приступила к заключению контрактов с населением на мобильные интернет-услуги. Когда в феврале 1999 г. DoCoMo представила на рынок свой сервис под названием i-mode, никто и подумать не мог, что менее чем через год миллионы японцев станут использовать свои достаточно простенькие телефоны с черно-белыми экранами и низким разрешением для ежедневного выхода в Интернет, обмена электронной почтой, чтения новостей, закачки картинок и мелодий. Чтобы получить доступ к этому сервису, нужно было купить специальный телефон NTT DoCoMo с заветной кнопкой i-mode. Нажав эту кнопку, абонент попадал в обычное текстовое меню, где он мог выбрать, какой из услуг воспользоваться.

Только за первый год к i-mode подключилось 4,5 млн. человек. Контент-провайдеры, число которых стало лавинообразно расти, создали сотни и тысячи новых сайтов для телефонов с i-mode. Оператор же обеспечил рост количества новых услуг. Например, в 2001 г. был запущен сервис i-appli, позволяющий использовать в телефонах небольшие динамические приложения («апплеты»), созданные на основе открытого языка Java. Скачав себе на телефон один из таких «апплетов», абонент получал возможность автоматически получать прогноз погоды на следующий день, следить за биржевыми курсами в реальном времени и т.д. В 2006 г. число абонентов i-mode в Японии уже перевалило за 45 млн. (почти треть населения страны), количество официальных контент-провайдеров составило около 3 тыс., а i-mode-сайтов — более 80 тыс. Сумма платежей в системе i-mode в 2005 г. достигла 10 млрд. долл.¹⁴.

Сегодня i-mode — это целая вселенная в современных мобильных телефонах, снабженных экранами с превосходной гаммой цветов и высоким разрешением. Помимо доступа к электронной почте, более 70 тыс. сайтов, чатам, а также возможности скачивать мелодии звонков, картинки, играть в игры, здесь предлагаются *караокэ*, полноценный банкомат, бронирование мест в гостиницах и заказ билетов на концерты, просмотр *анимэ*-сериалов, книг по кулинарии и путеводителей по городам. Наконец, с новой технологией i-Felica телефон превращается в мобильный кошелек, которым можно расплачиваться более чем в 40 тыс. магазинах страны.

В 1997 г. один из первых начал продажу товаров по Интернету сетевой магазин круглосуточной торговли “Japan’s Lawson Inc.” С тех пор японский сегмент Сети регулярно пополняется новыми интернет-магазинами, и сегодня до 40% пользователей мобильных телефонов совер-

шают покупки с их помощью¹⁵. В 2005 г. объем японского рынка онлайн-торговли превысил 6,3 млрд. долл. Причем значительная часть этой суммы приходится на продажи мобильного контента — рингтонов и заставок для сотовых телефонов¹⁶.

Одним из самых динамично развивающихся направлений мобильного контента являются занимательные игры для разных моделей телефонов — так называемые Java-игры. Это и реалистичные футбольные симуляторы, и захватывающие гонки, и игры-загадки для любителей логических игр, и, наконец, настольные игры — вариации шашек и т.д., не говоря о приложениях — интерактивных слайд-шоу и т.д.

Другой не менее востребованный цифровой товар на японском рынке на сегодняшний день — комиксы-*манга*. Потребительский спрос на *манга* существенно повысился из-за появления, с одной стороны, высокоскоростных 3G мобильных телефонов с высококачественными LCD-дисплеями, а с другой — тарифных планов с фиксированной оплатой. Изначально издатели *манга* считали, что целевая группа будет читать комиксы во время поездок, но к их удивлению, большинство читателей читают *манга* после 11 часов вечера и находясь дома. Как считают аналитики, потребительский бум на *манга* — спасительное явление для японских издателей. Рынок цифровой дистрибуции только за год вырос в 4 раза и к марту 2006 г. достиг отметки в 38,5 млн. долл. Один эпизод мобильного комикса стоит от 30 до 40 центов за просмотр¹⁷.

Производство *манга* постепенно меняется, издатели все больше отдают предпочтение новым электронным формам, нежели печатным. По данным “Digital Content Association”, только за 2006 г. продажи электронных книг и *манга* пользователям мобильных телефонов выросли на 331%. И это — на фоне падения тиражей печатных *манга*-журналов, которое наблюдается в течение последних лет¹⁸. Показательно, что в 2008 г. Интернет в Японии впервые обошел по популярности газеты. Об этом свидетельствуют итоги ежегодного исследования, которое проводит Национальный институт информационных и коммуникационных технологий. Установлено, что в среднем японец проводит в Интернете 37 минут, т.е. на 5 минут больше, чем год назад, сократив время, отводимое чтению газет с 33 до 31 минуты¹⁹.

Та же тенденция четко прослеживается сегодня и в области рекламы. Судя по данным годового отчета крупнейшего японского рекламного агентства «Дэнцу», в 2007 г. по объему рынка рекламы Интернет впервые обошел печатные СМИ²⁰. Как считают аналитики, причина этого довольно проста. Во-первых, в 2007 г. в стране продолжался рост числа пользователей Сети. Во-вторых, в Интернете традиционно максимальное количество времени проводит молодая, образованная и наиболее платежеспособная публика, поэтому активные рекламодатели предпочитают переориентироваться на эту аудиторию.

И тем не менее, несмотря на столь впечатляющий рост популярности, Интернет по основным своим показателям пока проигрывает признан-

ному лидеру СМИ — телевидению, просмотру которого японцы уделяют в среднем 3,5 часа в сутки. Отсюда и куда большие обороты телевизионного рекламного бизнеса. Вот почему большинство издателей спешно переводят свои архивы в цифровой формат, пытаясь успеть до того момента, когда на рынок придет цифровое ТВ, а этот переход было намерено осуществить в 2011 г.

В то время как во многих странах мира молодежь постепенно начинает отказываться от телевидения в пользу альтернативных источников информации, поскольку Интернет и персональная мобильная связь принесли новые качества интерактивности, японцы уже решили и эту проблему. Они могут теперь не только смотреть телепередачи на мобильном телефоне, но и осуществлять их запись, а также, естественно, интерактивно реагировать на происходящее на экране. Ведь современный зритель, слушатель, читатель уже не ограничивается ролью пассивного потребителя контента.

«Сегодня потребитель информации активно включается в процесс производства–доставки–потребления информации и знаний, получая технические возможности выбирать интересующую его информацию в текстовой, звуковой, визуальной или мультимедийной форме, оперативно реагировать на информацию и быть включенным в маркетинговые коммуникации, прямые продажи, электронную коммерцию непосредственно в процессе информационного потребления»²¹.

Пока во всем мире мобильное телевидение только развивается, проходит этапы тестирования, компании “Matsuchita Electric”, “SanDisk” и “Toshiba” объединили усилия по выпуску мобильных телефонов и карт памяти, позволяющих японским телезрителям смотреть и записывать телепередачи на сотовых телефонах. Число «мобильных» телезрителей в Японии варьируется сегодня в пределах 12 млн.²². Предлагая множество разнообразных услуг, японские операторы мобильной связи создали не только «мобильный» образ жизни, но и целый огромный пласт новой, «мобильной» культуры.

Сотовый телефон сегодня является неременным элементом урбанистической жизни современной Японии, а молодежь просто не мыслит себя без этого современного изобретения, начиная с поддержания повседневных рабочих, социальных, частных контактов и кончая всевозможными развлечениями в минуты досуга и даже криминальными расследованиями. Достаточно напомнить об остросюжетном детективном фильме культового режиссера Такэси Миикэ «Один пропущенный звонок», где преступление раскрывается с помощью мобильного телефона.

Еще один наглядный пример из жизни современной Японии. Синтоистский храм Канда Мёдзин, основанный еще в VII в. и соседствующий рядом с «электронным раем» — Акихабара, с 2010 г., ориентируясь на потребности сегодняшнего дня, расширил перечень предлагаемых услуг и церемоний. Вместе с покупкой традиционных амулетов, предотвра-

щающих болезни, аварии и другие жизненные невзгоды, здесь можно приобрести наклейки-обереги для мобильных телефонов и компьютеров, правда, лишь японского производства.

Сотовый телефон сегодня четко поделит японское общество на молодое поколение «мобильных» пользователей Интернета и старшую возрастную группу. И дело не только в том, что уровень популярности Интернета прямо связан с возрастом: в Японии подростки проводят в Сети до двух часов в день, в то время как пожилые люди за шестьдесят пользуются Интернетом примерно 50 минут ежедневно²³. Различие между взрослыми и подростками в вопросах использования мобильных телефонов проходит на уровне ценностных ориентаций. Если в первом случае преобладают факторы практицизма, то во втором — скорее, необходимо вести речь об эмоциях. Так, большинство японцев среднего и старшего возраста утверждают, что нуждаются в сотовом телефоне исключительно как в средстве общения и связи с окружающим миром. И только недавно они перешли к освоению других его технологических возможностей — электронной почте и т.д. Судя по данным одного из опросов, из 3750 респондентов не более 15% заявили, что пользуются только «устаревшими» функциями своего мобильного, такими как разговор и отправка текстовых сообщений. При этом около 70% с сожалением признали, что с появлением электронной почты стали отправлять куда меньше «реальных» писем и открыток своим родным и знакомым, а 11% отметили, что «живое» общение между людьми стало менее интенсивным²⁴.

Подростки же не слишком увлекаются коммуникацией по электронной почте, считая эту форму личных контактов слишком официальной. Молодые люди предпочитают другие формы дистанционного общения — SMS и системы мгновенного обмена сообщениями. А вообще, основная масса японских юношей и девушек проявляет наибольший интерес к освоению того большого запаса технологий, который был разработан еще на заре развития мобильной телефонии и далеко не исчерпан на сегодняшний день, а также к новым, практически уже неограниченным на сегодняшний день разнообразным функциям.

Для молодежи мобильник — это самая необходимая в жизни вещь. Обычно, говоря о сотовом телефоне, японские студенты употребляют слова *урэсий* (радостный), *таносий* (увлекательный, приятный), *бэнри* (удобный). Сначала он использовался целиком по прямому назначению — как телефон. Потом появилась мобильная электронная почта, и молодым пришлось по вкусу возможность посылать текстовые сообщения. Письма можно бесшумно посылать и получать на университетских занятиях, на деловых встречах, в поездах и ресторанах, где зачастую запрещено говорить по мобильному телефону. Затем в ход пошло все многообразие маркетинговых коммуникаций мобильной телефонии. А теперь это — целая молодежная субкультура.

Юные японцы создают новый стиль жизни, основанный на сотовых телефонах, без которых мало кто из них может обойтись. К тому времени,

когда школьники переходят в среднюю школу, у 96% из них есть мобильник. Они используют его, чтобы читать книги, слушать музыку, болтать с друзьями, бродить по Сети. Этому занятию девочки уделяют в среднем 124 минуты в день, а мальчики — 92 минуты²⁵. Причем чаще всего это происходит в ночное время. В среднем на оплату сотового телефона ребенка родители в Японии ежемесячно тратят 39 долл.²⁶. Но в меньшей степени, чем финансовые проблемы, взрослую часть японского общества сегодня волнуют пагубное влияние, которое оказывает на здоровье подростков многочасовое общение по мобильнику, а также ряд серьезных социальных проблем, связанных с расширением пределов дозволенной свободы в киберпространстве. Это и интернет-мошенничество, и интернет-преступность, и даже массовые самоубийства школьников, спланированные и согласованные по Интернету, весть о которых буквально шокировала весь мир.

Другая, не менее тревожная, тенденция нашего времени — это появление *хикикомори* («добровольные затворники»). И хотя в данном случае речь идет о самоизоляции подростков от контактов с внешним миром и проведении всего свободного времени за стационарным компьютером в Интернете, этот феномен со всей очевидностью отражает оборотную сторону технологического прогресса. Дело дошло до того, что японское правительство приняло решение ограничить использование мобильных телефонов детьми. Чиновники считают, что мобильный Интернет опасен и отрицательно влияет на здоровье школьников. Предлагается ограничить функции мобильных телефонов, используемых школьниками, лишь голосовыми услугами и GPS-навигацией. Разработать подобные аппараты предложили местным производителям. Но это предложение пока не реализовано.

Профессор социологии Хидэки Накагава с уверенностью утверждает, что молодежь просто «одержима» мобильным телефоном. «Они чувствуют себя без него неуверенно», — заключает он²⁷. Еще одно исследование, проведенное профессором Тэцуро Сайто, показало, что студенты используют мобильник в качестве эмоциональной опоры, и чем больше проблем у них дома, тем более зависимыми становятся они от него²⁸. Японские юноши и девушки особо отмечают такое свойство мобильной коммуникации, как сохранение анонимности. Это позволяет, прежде всего, оказаться вне жестких статусных рамок, характерных для японского общества, а также освобождает от постоянного контроля со стороны родителей и т.д.

Достаточно показательна в этом отношении необычайная популярность в Японии сайтов «дейтинга» — знакомств и свиданий. Однако, по мнению специалистов, «при всей культуре романтической школьной влюбленности, проявляющейся, в частности, в бизнесе агентств по поиску первой любви, у японцев никогда не будут популярны сервисы типа „Одноклассников“. Японцы слишком дорожат своей частной жизнью»²⁹. Как указывает исследователь Бриан Маквейг, «в студенческой среде да-

же бытует мнение, что мобильный телефон создает для молодежи свой закрытый от мира взрослых и родителей мир, в котором можно ощутить полную свободу действий и самовыражения» и потому является «основным звеном в трансформации японского общества и разрушении его многовековых традиций»³⁰.

Сейчас много пишут о том, что наблюдаемая в наши дни в Японии тенденция распада общества на отдельные сегменты-субкультуры ведет к разрушению социального единства страны. Исследователь Ё. Когава прямо заявляет: современный японский коллективизм «в большей степени базируется на электронных средствах связи и скорее имеет фрагментарный характер, нежели продолжает оставаться традиционным, основанным на единстве языка, расы, религии, единстве региона или вкусовых пристрастиях»³¹. Даже среди самой молодежи существует опасение, что Япония в конечном итоге потеряет свои традиции из-за распространения мобильного телефона. И это может самым негативным образом отразиться на судьбах людей. Другие, напротив, полагают, что новые технологии вовсе не затрагивают основ японской культуры. Третьи же настаивают на том, что японцы лишь копируют образцы, заимствовав их с Запада³².

Обратимся теперь к не менее важной стороне этой проблемы, на которую обращает внимание ученый Б. Маквейг. «Информационно-технологическую революцию и переход на цифровые носители можно расценивать как дальнейший шаг на пути к индивидуализации личности, — подчеркивает он. — Как ни парадоксально, несмотря на внешне, казалось бы, возросшие возможности контроля при помощи новых технологий за этим процессом, он настолько глубоко проник в интеллектуальные сферы, что резко расширил возможности личности для ее индивидуальной активности и реализации субъективного начала. Иначе говоря, процесс утверждения индивидуальности человека способствовал усилению внимания к его внутренней жизни, создавая возможности для автономного удовлетворения желаний и потребностей индивида, порожденных самим капиталистическим конsumerизмом»³³.

Это стремление к поиску самовыражения можно расценивать по-разному: как возможность выглядеть модным, как способ отвоевать свое независимое частное пространство, как попытку более четко выразить самих себя. Так, например, с появлением мобильного телефона у юношей и девушек резко обострилось стремление к выражению своей индивидуальности при помощи его широких технологических возможностей. Но не меньшее внимание уделяется и внешнему оформлению самого аппарата, которое также является визитной карточкой его обладателя. И дело не только в самих моделях телефона и их стоимости, но и в непохожести одного на другой. В этой связи японский исследователь Такахиро Оцука подмечает: «Люди пользуются мобильным телефоном не как коммуникационным средством, а как игрушкой, которая помогает им выразить самих себя»³⁴.

Сотовый телефон в Японии — это предмет дизайнерских поисков большинства из его обладателей. Существует целое искусство декорирования мобильных телефонов стразами, различными подвесками, тесемками, шнурами, а также маленькими игрушками — как правило, героями *манга* и *анимэ*. Появилась целая индустрия, работающая в этом сегменте, и на улицах японских городов буквально на каждом шагу за символическую цену можно купить подобного рода ассортимент, использование которого — дело вкуса и таланта каждого. И таким «дизайнерством» забавляют себя не только дети, но и взрослые. Нередко можно встретить весьма respectable женщину с сумкой «Шанель» или «Гермес», которая, подобно детям, не гнушается нацепить достаточно затейливые детские украшения на свой дорогостоящий мобильник. А молодые девушки любят украшать свои телефоны так называемыми *пурикура* (от англ. “print club” — «печатный клуб») — яркими забавными фотонаклейками-открытками, как правило, с собственным изображением и декорированными по своему вкусу. Это весьма оригинальное развлечение появилось в Японии лет десять назад и до сих пор пользуется огромной популярностью. В кабинках для моментальной фотографии каждый желающий может дать волю своей фантазии и при помощи специальных компьютерных программ дополнить полученное цифровое изображение различными декоративными элементами, надписями и т.д., т.е. создать свой фото-клип.

Главный критерий, которым руководствуются все владельцы мобильных телефонов, состоит в том, чтобы это самодеятельное творчество так или иначе отвечало понятию *кавай* (от англ. “cute” — «милый», «приятный», «хорошенький»), которое стало основной эстетической категорией современной молодежной культуры в Японии. А в связи с внедрением в молодежную культуру последних технологических достижений иностранные исследователи выдвинули новое понятие — “techno-cute”, соединяющее в себе две по сути контрастные эстетики: холодный разум машин и теплоту человеческого восприятия³⁵.

Один из самых популярных способов придать своему телефону ярко индивидуальное звучание — использование музыки. Рингтоны позволяют потребителям поведать окружающим о своих привязанностях и, возможно, о некоторых своих личных качествах. Другой способ индивидуализации — выбор заставки, графического интерфейса меню телефона и т.д. И, конечно же, «постоянными участниками» мобильной связи стали разнообразные цветные картинки и всевозможные любимые персонажи *анимэ*. Эти милотные существа по желанию пользователя могут присутствовать в текстах сообщений мобильной почты, придавая информации особо индивидуальный характер. Достаточно любопытно, что в зависимости от адресата один и тот же пользователь может присоединять к сообщению образы разных героев, выражая тем самым не только свое настроение, но и степень близости дружеских отношений.

Образцом “techno-cute” может служить специальная компьютерная программа «почтовый помощник» (“post pet”): маленькие рисованные при-

влекательные создания сопровождают отправку и получение электронной почты своим владельцем. Другой пример — различного рода заставки для дисплеев мобильных телефонов, которые начинают оживать при поступлении сигнала вызова или же получении электронной почты. Так, всеми любимая “Hello Kitty”, например, появляясь на дисплее, сообщает время поступления звонка, а заодно и выполняет несколько танцевальных па.

Герои *анимэ* и вообще маленькие веселые игрушечные персонажи стремительно переместились на дисплеи мобильных телефонов. В этом направлении достаточно много и интересно работают вместе компании DoCoMo и “Bandai”, известная по некогда популярным электронным игрушкам *тамагочи*. Так, например, сайт компании “Bandai” под названием «Доко-дэ мо кяраппа!» («Повсюду игрушечные персонажи!») имеет 1 млн. подписчиков, которые ежедневно получают на свой дисплей множество изображений анимационных героев за ежемесячную плату в 100 иен. Безусловно, существуют и другие, альтернативные сайты, выступающие против этой эстетики *кавай* и предлагающие совершенно иной характер той же продукции — более агрессивный, жесткий. Однако все-таки стиль *кавай* доминирует в японской интернетовской стилистике, и вполне можно говорить о тесной смычке между культурой *кавай* и киберпространством.

Исследователь Шарон Кинселла указывает на то, что культура *кавай* отражает специфический путь втягивания представителей разных полов и поколений в систему конsumerизма в Японии³⁶. «Если потребление является узловым моментом в новой глобальной экономике, — пишет он, — то Интернет с его массовыми производством и реализацией — это необходимое орудие для обеспечения системы потребления», а культура *кавай* — одна из основных моделей в стратегии развития этой системы³⁷.

Культура *кавай* и киберпространство находятся между собой в тесной и достаточно сложной взаимозависимости. Элементы этой культуры могут присутствовать в различных формах в современном киберпространстве, так же как и само киберпространство постоянно оказывает влияние на стилистику *кавай*. Причем поклонниками техноэстетики являются главным образом молодые, и прежде всего представители женского пола, хотя и многие мужчины сегодня также придают ей важное значение, видя в ней способ подчеркнуть свою индивидуальность, что для японского общества с его коллективным сознанием и традициями групповой этики представляется значительным социальным сдвигом.

В японском языке даже появилось понятие *ояюби-дзюку* («субкультура большого пальца»), подразумевающее категорию молодых людей, которые постоянно заняты тем, что набирают большим пальцем SMS-сообщения своим друзьям и знакомым. Эти молодые японцы развили удивительную чувствительность больших пальцев в результате многочасовых занятий компьютерными играми и ежедневных обменов электронными письмами, число которых может достигать 80 и более. «Их большие пальцы стали крупными и сильными, — замечает Сейди Плант, про-

дивший исследование телефонных привычек жителей восьми крупных городов мира, которое финансировалось компанией „Моторолла“. — В Токио меня поразила способность молодого поколения писать сообщения, не глядя на клавиатуру»³⁸.

Большие пальцы стучат так быстро, что убивают грамматику и пунктуацию. И некоторые телефонные компании оснащают телефоны специальным иероглифическим словарем. Японские телеканалы проводят конкурсы на скорость печатания большим пальцем. Так, на одном из таких конкурсов, его участница настучала 100 иероглифов за минуту, что аналогично печатанию на клавиатуре со скоростью 100 слов в минуту, а это обычно достигается при помощи десяти пальцев³⁹.

Для обмена сообщениями по мобильной почте молодежь придумала свой язык общения, доступный только посвященным: запутанное сочетание иероглифов и двух японских азбук — *хирагана* и *катакана* с иностранными буквами, а также с непонятными таинственными обозначениями, смайликами и иными картинками, достаточно вольное обращение со словами, грамматикой и т.д. И все это для того, чтобы никто посторонний, в том числе родители, а может быть, именно они в первую очередь, не смог понять предназначенную для молодого человека информацию и вообще проникнуть в его частную жизнь.

Существует и иная точка зрения на чудачества подобного рода — как на одно из новых развлечений молодежи создавать и разгадывать такого рода кодировки. Ведь это целое искусство и удовольствие для пытливых молодых умов. Например, сочетание двух английских букв Lt вовсе не будет прочитано как “L” и “t”, а может означать японскую морфему ㌧, написанную при помощи японской азбуки *хирагана*. Таким же образом могут видоизменяться и целые иероглифы.

Другой метод кодирования — цифровой, который берет свое начало от пейджинговых устройств, использовавшихся в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Известно, что на экранах пейджером могли отображаться только цифры, указывающие на то, что получен телефонный вызов от определенного абонента. Однако подростки быстро научились использовать эти цифровые сообщения не только для передачи такого рода достаточно скудной информации, но и для более широкого общения между собой. Они приспособились под видом номеров телефонов кодировать и передавать те или иные японские слова и даже целые фразы. Учитывая особенности японского языка, в котором все слова, включая цифры, составлены из закрытых слогов — морфем, молодые изобретатели пейджинговых головоломок за каждой цифрой закрепили конкретную морфему и стали таким образом записывать слова. Проще говоря, вместо японской азбуки и иероглифов использовались цифры. Например, сочетание цифр: 4-6-4-9 можно прочитать как «ё-ро-си-ку», т.е. *ёроси-ку* — «привет, с наилучшими пожеланиями».

Безусловно, далеко не всегда выдерживались фонетические и грамматические правила японского языка, и потому приходилось просто за-

учивать цифровые кодировки. Словарный запас таких сообщений, конечно, был весьма ограничен, да и возможности для передачи именно смысловой информации были практически сведены к нулю. И тем не менее такие краткие сообщения были актуальны и с точки зрения простой экономической выгоды в период высоких цен на мобильную связь, и с точки зрения возможности общения молодежи между собой.

Сегодня от кратких цифровых сообщений японцы плавно перешли к загрузке целых книг в свои мобильные телефоны, уподобив их целой библиотеке. Весьма популярными среди японской молодежи становятся Java-книги. Зачем носить тяжелые и объемные фолианты, когда можно их «спрятать» в мобильное устройство? Японские книголюбители с удовольствием пользуются услугами «мобильных библиотек», скачивая подходящие книги и собирая свои собственные коллекции книг в мобильном формате. Но самое удивительное, пожалуй, даже уже не в этом, а в появлении совершенно нового жанра — «мобильной» литературы. Писатели нового поколения предпочитают набирать свои произведения уже не на компьютерах, а на дисплеях мобильных телефонов и отсылают их по мобильной связи всем любителям подобного рода беллетристики. А таких в Японии сегодня насчитываются миллионы — стихи и романы для мобильных телефонов буквально захватили в последнее время воображение японцев.

В Японии наблюдается настоящий бум цифровой *танка* — традиционного жанра японской поэзии, зародившегося еще в раннем средневековье. Даже на радиоканале японской телерадиовещательной корпорации Эн-эйч-кей создана и пользуется огромной популярностью среди слушателей программа «Мобильная *танка* в бессонную ночь» («Нэмура-рэнай ёру ва кэйтай танка»). Это своего рода современная альтернатива тем поэтическим турнирам, которые испокон веков проходили в Японии — вначале исключительно в аристократических кругах и при императорском дворе, а затем стали излюбленным времяпрепровождением широких кругов населения.

В стране, известной мировыми техническими новациями, публикация *кэйтай сёсэцу* («мобильный роман») уже стала новой тенденцией в издательском бизнесе, и «телефонные» романы все чаще попадают в разряд бестселлеров. В 2007 г. в списке самых продаваемых книг первые строчки заняли именно «мобильные» опусы. Произведение, возглавившее рейтинг, «Небо любви», сначала было выложено в Интернет для скачивания на мобильный телефон и только потом появилось в печатной форме. Эта книга разошлась тиражом в 2 млн. экз., по ней был снят популярный фильм, а ее автор — девушка, известная под именем Мика, стала настоящей звездой.

Еще в 2002 г. подобных произведений вообще не существовало, однако уже в 2006 г., например, сумма, полученная от их продаж, достигла 42 млн. долл.⁴⁰. Популярность романов, которые доставляются владельцам мобильных телефонов непосредственно на их телефонные аппараты,

растет с каждым днем, сообщает Canadian Press⁴¹. В Японии, являющейся бесспорным первопроходцем в данной области, существует множество сайтов, которые предлагают на выбор порядка 150 «мобильных» романов. Подписка стоит около 1,33 долл. в месяц. Услугами таких сайтов пользуются более 50 тыс. подписчиков. Впервые такая услуга появилась в 2003 г., но значительный рост популярности начался в 2005 г. Библиотека работает в интерактивном режиме. Посетители могут не только искать книги по автору и жанру, но и писать свои рецензии, отправлять письма авторам и предлагать сюжеты следующих произведений. Кстати говоря, «мобильные» романы можно найти и в обычном Интернете. В 2000 г. был даже запущен специальный веб-сайт «MaHo i-Lando» («Махо-но ай-рандо», что в переводе означает «Магический остров»), на котором владельцы мобильных телефонов могли бесплатно выкладывать свои произведения и свободно комментировать чужие. По данным на 2007 г., число зарегистрированных пользователей этого сайта достигало 6 млн.⁴² На сегодняшний день число таких сайтов уже приближается к 100.

Понятно, что «мобильные» романы — это облегченное чтение, и во многих из них чувствуется влияние стилистики популярных японских комиксов-*манга*: они перегружены диалогами и т.д. По законам этого нового жанра здесь не может быть и речи ни о длинных предложениях, ни о глубине содержания, ни об использовании сложных грамматических конструкций, так как все это нарушает скорость прочтения, которая достигает необычайных рекордов. Романы делятся на небольшие параграфы, идеально вписывающиеся в размер небольшого экрана, между предложениями делаются большие пробелы. И многие читатели загружают романы в свои телефоны частями — законченными эпизодами.

Зачастую сырые и необработанные в литературном отношении, эти произведения создаются начинающими писателями в возрасте 20 лет или чуть старше и предназначаются специально для молодых людей, неразлучных со своими телефонами. Они обычно посвящены темам, о которых в Японии в силу особенностей культуры не принято говорить вслух, таких как секс, наркотики, беременность, изнасилование, аборт и т.д. Неудивительно, что недавнее маркетинговое исследование компании «Bandai» установило: более половины читателей «мобильных» романов — школьницы и молодые женщины в возрасте от 20 до 29 лет, причем многие из них читают «мобильные» книги дома. Да и авторами таких романов нередко становятся молодые женщины, утверждающие, что их сюжеты полностью или частично основаны на событиях их собственной жизни.

Вполне понятно недовольство японских писателей и специалистов — сторонников традиционной литературы, которые критикуют создателей «мобильных» романов за примитивизм характеров и ситуаций, недостаточную степень конкретики, многочисленные упущения с точки зрения развития сюжета, примитивизм языка и т.д. И тем не менее существует немало и сторонников подобной литературы. Так, профессор универси-

тета «Канто гакуин» Коитиро Томиока глубоко убежден, что «мобильный» роман — это «активно набирающее силу направление в японской литературе, и речь идет о новом поколении романистов». «Это интересная схема, — заявляет он. — Однако романы, написанные таким новым способом, могут страдать непрофессионализмом. Вопрос в том, может ли писатель, создающий свои произведения с помощью телефона, профессионально писать „на бумаге?“»⁴³. И хотя по сравнению с видеоиграми, рингтонами, музыкой «мобильные» книги остаются пока узкоспециализированной услугой, чтение книг на мобильном телефоне теперь уже никому не кажется чем-то невероятным. Из Японии мода на «мобильные» книги постепенно проникает в США, Китай, Южную Корею.

Влияние мобильных телефонов затронуло не только литературу, оно проникло буквально во все сферы японской культуры. Так, в 2007 г. в Японии стартовал первый международный фестиваль «карманных фильмов», снятых мобильными телефонами, в котором приняли участие режиссеры-любители из 18 стран, включая Великобританию, Германию, Китай, Францию, США и Россию. Условия конкурса не накладывали каких-либо жанровых ограничений, поэтому среди представленных работ можно было встретить и документальные картины, и комедии, и даже фильмы с элементами анимации. При этом продолжительность съемки варьировалась от 9 секунд до 45 минут, а сами ленты делились на две категории: работы, снятые для показа на большом экране, и те, которые можно смотреть только на мобильном телефоне.

Похоже, что многие известные изобретения японцев, начиная с комиксов-*манга*, нацелены прежде всего на то, чтобы ими можно было наслаждаться в уединении, чтобы они были достаточно небольшими по размеру и легкими для перевозки и человек мог бы использовать их как дома, так и за его пределами, будь то по дороге на работу или во время случайной паузы в делах, во время путешествий или отдыха. В этих же целях появились первые портативные радиоприемники и магнитофоны, далее мир узнал о пейджерах. Эти изобретения «символически отражают характерные черты молодого поколения, которое долгие годы предпочитало оставаться в своем закрытом мире вне активных контактов с окружающим миром»⁴⁴. Затем настали времена цифровых носителей и Интернета, позволившего осуществлять обмен письмами и информацией напрямую, моментально, визуально и красочно. И наконец, на мировую арену вслед за Интернетом стремительно ворвался мобильный телефон, заменивший собой, по существу, и фотоаппарат, и видеокамеру, и телевизор, и книгу.

Следующим шагом после массового распространения в самом начале XXI в. средств персональной связи стало появление высокоскоростных протоколов мобильной передачи данных, позволяющих осуществить мобильный доступ в Интернет, и выход на массовый рынок новейших моделей мобильных телефонов-коммуникаторов, или смартфонов, включающих в себя еще и персональный компьютер, телевизор, средство

хранения большого объема данных, представляющих собой своеобразный симбиоз масс-медиа и массовых коммуникаций.

Так же (от простого к сложному) эволюционирует и «мобильная» аудиовизуальная культура. За короткое время пройден путь от примитивных однотональных мелодий-звонков (рингтонов) и простейших монохромных экранных рисунков-логотипов и экранных заставок к полифоническим мелодиям и полноценным звуковым mp3-файлам, цветным Java-изображениям, цветным фото- и видеоклипам и, наконец, телевизионному видеозвукоряду эфирных программ и т.д. Одним словом, резко изменился мир вокруг нас, а вместе с ним и культура. И хотим мы того или нет, но ход событий уже изменить нельзя. Киберкультура, куда можно со всем основанием отнести и ее мобильный сегмент, это уже вполне устоявшаяся реальность нашего времени, один из основных векторов развития современной цивилизации.

Примечания

- ¹ <http://ru.wikipedia.org>
- ² Japanese Cybercultures. L. — N.Y., 2003, p. 61.
- ³ Cool Japan. The Exploding Japanese Contemporary Arts (на яп. яз.). Токио, 2005, p. 88/
- ⁴ Ibid., p. 89.
- ⁵ The Economist. 2008, August, p. 88.
- ⁶ Ministry of Posts and Telecommunication. Tsuchin Hakusho (White Paper on Communications). 1999 (http://www.soumu.go.jp/koho_tsuchin/polycyreport).
- ⁷ Japanese Cybercultures, p. 4.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid., p. 5 .
- ¹² <http://100.gsv.com>
- ¹³ Диджитару контэнцу хакусё (Белая книга по цифровому контенту). Токио, 2008, с. 80.
- ¹⁴ <http://www.expert.ru>
- ¹⁵ <http://www.mobile.ru/mews/2007/03/05>
- ¹⁶ <http://otwet.ru>
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ <http://www.liveinternet.ru/community/otaku>
- ¹⁹ Труд. 30.06.2008.
- ²⁰ <http://www.vostokmedia.com>
- ²¹ <http://www.advertology.ru>
- ²² <http://broadcasting.ru>
- ²³ Труд. 30.06.2008.
- ²⁴ <http://otwet.ru>
- ²⁵ <http://helpix.ru>
- ²⁶ www.lenta.ru
- ²⁷ <http://helpix.ru/news>
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ <http://www.kommersant.ru>

- ³⁰ Japanese Cybercultures, p. 62.
- ³¹ *Kogawa E.* Beyond Electronic Individualism ([http //anarchy.k2.tku.ac.jp](http://anarchy.k2.tku.ac.jp)).
- ³² Japanese Cybercultures, p. 23.
- ³³ *Ibid.*, p. 19.
- ³⁴ The Japan Times. 18.09.1999.
- ³⁵ The Japan Times. 25.03.1999.
- ³⁶ Japanese Cybercultures, p. 52.
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ [http:// supol.narod.ru](http://supol.narod.ru)
- ³⁹ <http://supol.narod.ru>
- ⁴⁰ <http://www.orod.lv>
- ⁴¹ [http:// allo.kulichki.com](http://allo.kulichki.com)
- ⁴² <http://allo.kulichki.com>
- ⁴³ <http://inf.by/knigochei>
- ⁴⁴ The Daily Yomiuri. 13.07.2001, p. 6.

Е.Ш. Гонтмахер

ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Процессы старения населения носят глобальный характер, но в первую очередь они затронули наиболее развитые страны, в том числе и Японию. Это один из самых сильных вызовов и экономике, и социальной сфере, и даже политической жизни, на который в Стране восходящего солнца постоянно ищутся ответы. В России проблема старения населения становится все более острой, и опыт Японии, безусловно, может быть крайне полезен. Здесь, как нам представляется, открывается широкое поле для обмена мнениями между официальными органами и экспертами обеих сторон. Для его начала автор и предлагает свой анализ процессов старения населения России.

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше во всем населении превышает 7%. В начале 2010 г., по данным Росстата, почти каждый восьмой россиянин, т.е. 12,9% жителей страны, находился в таком возрасте¹. Причем среди них более двух третей (68,7%) составляли женщины². Возрастно-половая структура населения России представлена на рис. 1.

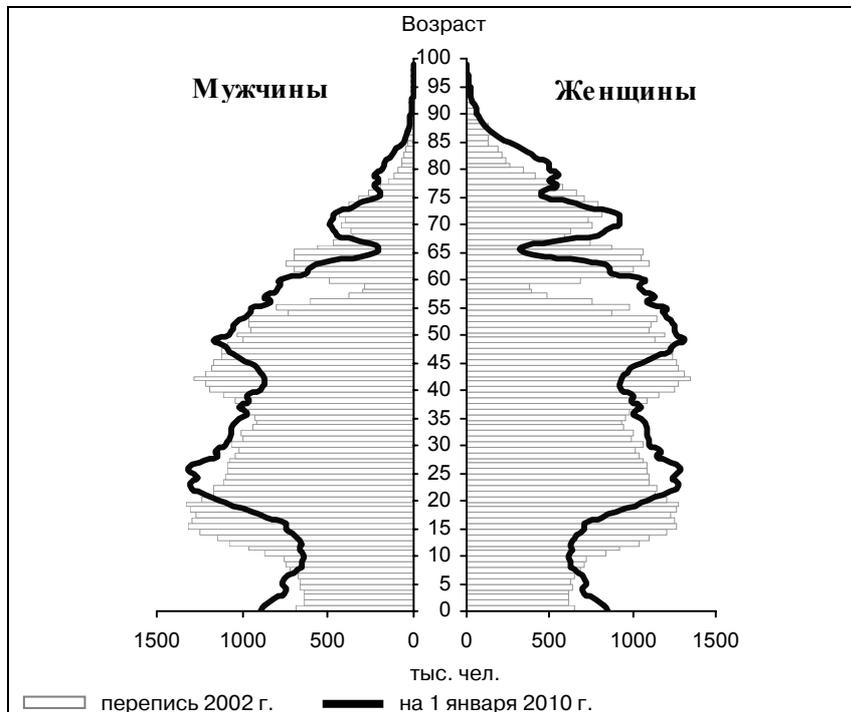
В перспективе масштабы старения приобретут еще больший характер. Так, согласно официальному демографическому прогнозу, к 2030 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится до 18% (по самому оптимистичному варианту роста общей численности жителей России) либо до 19,4% (при пессимистичном варианте)³.

Такая тенденция связана с несколькими общемировыми факторами, которые характерны (в той или иной степени) и для России:

- снижение уровня рождаемости до величин, недостаточных для обеспечения положительного естественного прироста населения⁴;
- улучшение у значительной части населения условий жизни, что увеличивает ожидаемую среднюю продолжительность жизни⁵;
- успехи медицины, которая использует всё более совершенные лекарства и процедуры;
- выдвигание на первый план индивидуальной ценности здорового образа жизни.

© Гонтмахер Е.Ш., 2012

Рисунок 1
Возрастно-половая структура населения



Источник: Росстат.

Гуманистический позитив увеличения доли пожилых людей в составе населения не может быть подвергнут сомнению. Это практическая реализация важнейшего права человека — права на жизнь⁶. Однако такая демографическая тенденция требует адекватного ответа от современного общества.

Можно выделить следующие основные общемировые вызовы экономике, социальным и политическим институтам в связи со старением населения, которые актуальны и для России:

- ухудшение соотношения между численностью работающих и неработающих людей, что становится причиной увеличения налогов;
- рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание, что требует адекватных источников дополнительного финансирования (см. предыдущий пункт);
- изменение в пользу пожилых людей структуры электората, что делает этот слой общества мощной политической силой.

Рассмотрим более подробно каждый из этих вызовов, а также возможные ответы на них.

1

Как уже упоминалось выше, согласно международным критериям пожилыми считаются люди в возрасте 65 лет и старше. Подразумевается, что они уже не работают. В соответствии с этим в большинстве развитых стран установлен (или в ближайшее время будет установлен) возраст выхода на пенсию. В некоторых странах и эту планку предлагается поднять. Так, в частности, в Японии еще в 2000 г. тогдашний премьер-министр Ё. Мори предложил увеличить пенсионный возраст до 70 лет⁷. С 2012 по 2030 г. этот показатель в Германии, как уже законодательно оформлено, будет повышен до 67 лет⁸.

В России ситуация совершенно другая. Пенсионный возраст, установленный еще в середине прошлого века, составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. При этом значительные группы работников имеют право на досрочный выход на пенсию (занятые на производстве с вредными условиями труда, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям). В результате около 33% всего количества пенсионеров — это люди, которые выходят на пенсию досрочно на 5–10 лет⁹. Доля получателей досрочных пенсий в 2010 г. достигла 34% общего числа пенсионеров по старости (10,5 млн. чел.) и продолжает расти. Кроме того, в России в 2010 г. было 3,9 млн. получателей пенсий по инвалидности и 1,7 млн. — пенсий по случаю потери кормильца¹⁰. При этом с 2010 г. наметился долгосрочный тренд снижения численности лиц трудоспособного возраста.

Казалось бы, очевидным выходом из сложившейся ситуации стало бы повышение пенсионного возраста, как в большинстве развитых стран. Но для этого есть серьезные препятствия.

Посмотрим на положение в соседних по отношению к пенсионной системе институтах, например в институте инвалидности. В России доживают до 60 лет 60% мужчин¹¹, и не менее половины из них имеют какое-то хроническое заболевание. Но достаточно иметь диабет, чтобы получить инвалидность. Поэтому при повышении пенсионного возраста большое количество мужчин, как только им исполнится 60 лет, тут же перейдут на инвалидность, ровно так же, как и женщин, достигших 55 лет. Финансово получится то же самое, что и сейчас, потому что всем им надо будет платить пенсию по инвалидности. Поэтому надо сначала менять критерии получения инвалидности и, конечно, добиваться реальных сдвигов в состоянии здоровья населения.

Теперь о рынке труда для пенсионеров. Сейчас мужчины в 60 лет (женщины — в 55) уходят на маленькую пенсию и получают маленькую зарплату, в результате более или менее выживают. Да, работу можно найти и в 65 лет, но когда в результате повышения пенсионного возраста люди будут лишены половины дохода в виде пенсии, тогда на маленькую зарплату людям будет очень сложно прожить, они все равно обратятся в систему социальной защиты. Государству придется оказывать им помощь через программы борьбы с бедностью. Так что фискально здесь тоже никакого эффекта не будет, пока в России не будет сформирована

система непрерывного образования, пока на рынке труда человек в возрасте 60–65 лет не станет конкурентоспособным.

Еще одна причина — чисто российская, которая делает во многом бессмысленным повышение пенсионного возраста: острый дефицит мест в детских садах и столь же острая нехватка услуг по социальному обслуживанию пожилых. Из-за этого значительная часть женщин, уходя на пенсию в 55 лет, ухаживают за малолетними внуками, позволяя своим дочерям выйти на работу, или делают то же самое в отношении своих престарелых родителей. Причем по мере роста числа пожилых людей и доли их в населении, при нынешней неразвитости государственного и муниципального обслуживания этой категории жителей, 55-летние пенсионеры будут востребованы как неформальные работники данной сферы.

Какие же есть возможности выхода из ситуации? (Но надо отметить, что все эти возможности дадут значимый эффект в лучшем случае лишь в среднесрочной перспективе.)

Первый важный вопрос для дискуссий — роль международной миграции в улучшении соотношения числа занятых и неработоспособных членов общества. Как известно, иммиграционный прирост позволил намного смягчить остроту естественной убыли населения России в 1990–2000-е годы. В 2009 г., впервые после 1994 г., численность населения увеличилась на 10,5 тыс. чел., или на 0,01%¹². Вклад иммиграции в изменение численности населения России представлен на рис. 2. При этом надо иметь в виду, что речь идет о приезжающих в Россию на постоянное место жительства, из которых только часть — люди трудоспособного возраста. На самом деле российский рынок труда во многом поддерживается притоком временных трудовых мигрантов, точное количество которых неизвестно, но, по оценкам, варьируется от 5 до 8 млн. Эти люди занимают, как правило, неконкурентные для российских граждан низкооплачиваемые рабочие места в жилищно-коммунальном хозяйстве, торговле, строительстве, домашнем хозяйстве, целом ряде других отраслей.

С нашей точки зрения, тенденция повышения привлекательности России для мигрантов должна стимулироваться разумной государственной политикой. Ее основные принципы:

— временные трудовые мигранты России нужны. При этом приоритетные права российских граждан на занятие рабочего места должны неукоснительно соблюдаться;

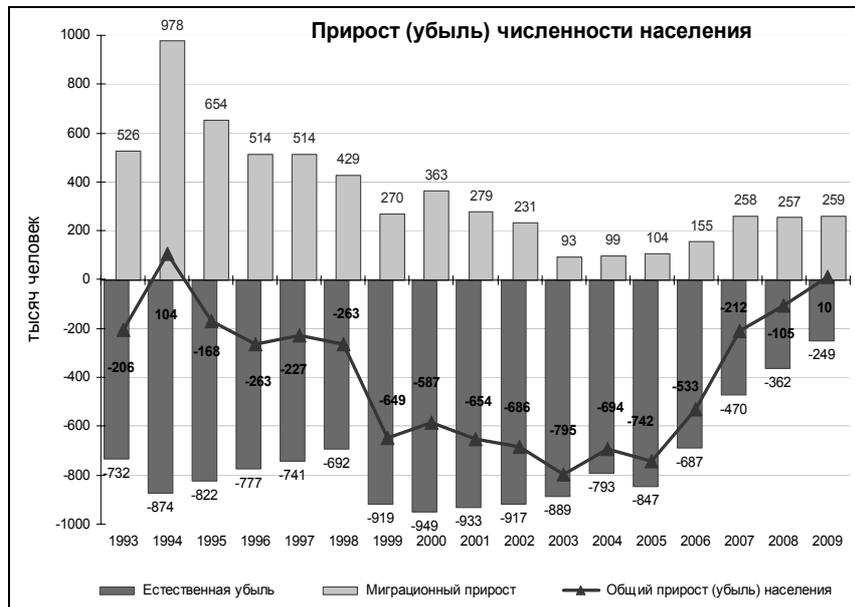
— чем выше квалификация трудового мигранта, тем больше преимуществ с точки зрения оформления права на работу при въезде в Россию он имеет;

— поток этих мигрантов должен быть регулируемым и в максимально возможной степени легализованным;

— должны быть сформированы (как в странах выезда, так и в России) институты адаптации трудовых мигрантов к культурным традициям российского общества;

— часть этого миграционного потока может быть натурализована через получение вида на жительство, а потом и гражданства России.

Рисунок 2



Источник: Росстат.

Однако необходимо иметь в виду два объективных ограничения для привлечения мигрантов в Россию:

— международную конкуренцию за трудовых мигрантов, которую Россия проигрывает. Фактом является, к примеру, постепенный разворот миграционных потоков из Украины и Молдовы с востока (Россия) на запад (в Западную Европу и Северную Америку), где имеются лучшие условия труда и его оплаты, а также перспективы получения тамознего гражданства. Трудовая миграция в Россию из стран Центральной Азии (особенно из Таджикистана и Кыргызстана) уже вышла на максимум своего объема. При этом появляются потенциальные конкуренты в привлечении этих мигрантов лице Казахстана, некоторых стран Южной Азии и Персидского Залива;

— неготовность российского общества принимать как на постоянное место жительства, так и на временную работу даже нынешней массы мигрантов. Очевидно широкое распространение ксенофобских и анти-мигрантских настроений, преодоление которых в обозримой перспективе вряд ли возможно.

В этой связи, если смотреть реалистично, то трудно ожидать мощного вливания мигрантов в российское общество и российскую экономику.

Означает ли это, что старение населения России неотвратимо создаст системные проблемы на рынке труда?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть **второй** важный вопрос: структуру экономики России и уровень производительности труда. Если не хватает работающих людей, то можно ли это компенсировать их более продуктивной занятостью?

Обобщающий по всей экономике показатель производительности труда — производство валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Согласно наиболее свежим данным Росстата (2008 г.) международное сопоставление этого параметра показывает значительное отставание России от наиболее развитых стран (см. таблицу).

Валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности стран «восьмерки»*

Страна	ВВП на душу населения	
	сумма, долл.	индекс физического объема (США = 100)
США	46 901	100
Канада	38 883	82,9
Германия	37 171	79,3
Великобритания	36 817	78,5
Франция	34 233	73,0
Япония	33 902	72,2
Италия	33 271	70,9
Россия	20 350	43,4

* www.gks.ru/bdg/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d05/278vvp30.htm

Если бы в России уровень производительности труда был хотя бы в два раза выше нынешнего, то это позволило бы высвободить значительную часть занятых в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте (снизив тем самым потребность в малоквалифицированном труде иммигрантов) и переместить их на высокооплачиваемые места в сфере обслуживания (финансовый и страховой секторы, образование, здравоохранение, социальное обслуживание).

Но для того чтобы обеспечить такой экономический рывок, необходимы системные меры, которые входят в повестку модернизации всей жизни страны. В их числе наиважнейшие — политические реформы (справедливость и прозрачность выборов, независимость суда, гарантии частной собственности, децентрализация власти и т.д.)¹³.

2

С точки зрения старения населения наибольшее значение имеют расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Что касается **здравоохранения**, то в России государственные расходы на него ниже, чем в странах «восьмерки». Так, по данным Счетной

палаты, в 2008 г. в РФ расходы на эти цели составили 3,5–3,7% ВВП, в то время как в США, Франции, Великобритании, Канаде и Японии доля таких затрат в ВВП колебалась в пределах 7,1–7,9%, в Германии и Италии — 6,2–6,8%¹⁴.

Экономическая модернизация, основанная на быстром росте производительности труда, должна привести к значительному увеличению абсолютной массы налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и в систему обязательного медицинского страхования. Тем самым может появиться возможность существенно нарастить объем бесплатных услуг, в том числе и для пожилых людей. Однако, для того чтобы добиться такого результата, необходимо провести реформу российского здравоохранения, выбрав модель, адекватную нынешним вызовам.

Эта модель должна быть построена на следующих основных принципах:

1. Значительный акцент в организации и ресурсах должен быть сделан на предупреждении и возможно раннем выявлении заболеваний (а не на высокотехнологичной помощи), когда они поддаются эффективному лечению и не приводят к хронизации и утяжелению патологии. Во всем мире стараются не запускать заболевания, чтобы затем не появлялась потребность в дорогостоящем лечении в центрах высоких медицинских технологий. Исходя из этого, большая часть средств здравоохранения должна быть направлена на реализацию этого принципа, а в первичном звене должно быть сосредоточено не менее 50% всех врачей, ибо от того, как сработает первичное звено, полностью зависит эффективность всех остальных уровней медицинской помощи.

2. Преимущественное развитие должно получить сестринское дело, ибо медицинские сестры должны осуществлять весь объем повседневной работы (профилактические осмотры, первичный доврачебный прием пациентов, вызовы на дом, выполнение ряда медицинских манипуляций, реабилитация и медицинское выхаживание, осуществление административных функций и т.п.).

3. Введение системы отбора будущих врачей, существенные изменения в характере их подготовки, кардинальное изменение системы лицензирования и аккредитации.

4. Особое внимание должно быть обращено на качество медицинской помощи, применение только доказанных и обоснованных медицинских технологий и стандартов, развитие систем обеспечения качества и управления им, а также оценку качества путем сопоставления индикаторов результатов с соответствующими стандартами.

5. Необходимо прекратить превращение здравоохранения, как социальной системы, в рыночную отрасль со всеми атрибутами рынка (конкуренция, выгода, выбор, торг, товар, цена, прибыль, оплата услуг и т.д.): нельзя медицинские учреждения приравнивать к торговым точкам, а взаимоотношения «пациент — врач» превращать во взаимоотношения поставщика и потребителя, забывая о том, что пациентам оказывается медицинская помощь, а не медицинская услуга.

6. Развитие всех служб здравоохранения должно базироваться на обоснованно выделенных приоритетах, т.е. быть направленными на решение тех проблем, из-за которых общество несет наибольшие потери. В связи со сложившейся демографической ситуацией и необходимостью восполнения здоровыми поколениями самый высокий приоритет как с медицинских, так и экономических позиций должен принадлежать службе материнства и детства.

7. Необходимо рассматривать здравоохранение как систему, а не набор отдельных, не связанных между собой медицинских учреждений. Театры и кинотеатры могут существовать автономно, независимо друг от друга, но медицинские учреждения могут работать только в системе, поскольку ни одно из них не может в полном объеме оказать все виды медицинской помощи.

Возможна следующая последовательность шагов по реализации этих принципов:

- разработка системы медико-экономических стандартов оказания медицинской помощи;

- расчет на этой базе реальной потребности российского общества в услугах здравоохранения (не ниже государственных затрат в размере 7% ВВП);

- разработка не концепции или стратегии развития здравоохранения (в нашем узком понимании), а программы укрепления и развития здоровья нации, как в ряде развитых стран. Подобные программы там носили не отраслевой, а общенациональный характер, с участием многих министерств и ведомств. Примером могут служить десятилетние американские программы (Health promotion, Disease prevention, Objectives for the nation — 1980–1990; Healthy people — 1990–2000; Healthy people — 2000–2010), программы Великобритании, Нидерландов и других государств. Это принципиально иной и абсолютно правильный подход, не сводящий решение всех проблем здоровья только к мероприятиям медицинского характера;

- формирование долгосрочной целевой программы (ДЦП) по укреплению инфраструктуры системы здравоохранения;

- по мере реализации ДЦП увеличение степени реализации медико-экономических стандартов. Причем делаться это должно публично, после широкого обсуждения;

- преобразование региональных отделений Федерального фонда ОМС в информационные центры, которые ведут федеральный реестр как индивидуальных историй болезни, так и персонифицированных расходов на потребление услуг бесплатного здравоохранения;

- принятие комплекса стимулирующих мер по развитию дополнительного (добровольного) медицинского страхования (прежде всего льготное налогообложение и страховщиков, и потребителей услуг);

- стимулирование создания саморегулируемых медицинских организаций (как врачей, так и пациентов) с передачей им значительной час-

ти государственных полномочий по аттестации медицинских кадров и контролю за качеством оказанных услуг.

Сегодняшняя **пенсионная система**, две самые мощные подсистемы которой (базовая и страховая) по-прежнему строятся на принципе солидарности поколений, оказалась не в состоянии ослабить мощное влияние долговременного и неизбежного демографического фактора — старения населения. Первоначальный замысел формирования страхового принципа пенсионной системы уже в середине 2000-х годов был дезавуирован, и она смещается от страхования к социальному обеспечению. Накопительный элемент практически не получил развития и не стал сколько-нибудь весомым в пенсионной системе.

Создание стимулов к легализации оплаты труда как основы для формирования будущей страховой пенсии составляло одну из целей пенсионной реформы. Однако на практике эта связь оказалась неочевидной. Неформальный сектор рынка труда не сократился, а лишь реструктурировался. Значительная часть трудовых доходов по-прежнему носят теневой и неформальный характер.

Сохраняется высокая степень государственного монополизма в управлении пенсионной системой, и этот монополизм растет. Негосударственные пенсионные фонды и прочие коммерческие институты так и не стали сильными акторами пенсионной системы.

События в пенсионной сфере последнего десятилетия показали опасность высокой степени ее зависимости от текущих экономических кризисов и политических приоритетов. Этот приоритет — сокращение бедности среди лиц пенсионных возрастов.

В итоге текущее финансовое состояние Пенсионного фонда и среднесрочный прогноз показывают высокие риски финансового дефицита при различных экономических и политических сценариях. Постоянно принимающиеся новые обязательства влекут дополнительные расходы без привлечения новых источников финансирования. Рельефный пример — последние новации в пенсионной системе (2009 г.), которые имеют своей целью достижение минимальным размером пенсий уровня прожиточного минимума.

Все эти проблемы пенсионной системы страны, накопленные в течение долгого времени, уже не могут быть устранены одним или двумя локальными решениями.

Поддержание пенсионной системы в прежнем виде возможно только путем (1) увеличения трансфертов из федерального бюджета в Пенсионный фонд, а это имеет свои естественные пределы или же на десятилетия деформирует сам бюджет, что станет тормозом для экономического развития страны, или же (2) увеличения отчислений в пенсионную систему со стороны работодателей, что ставит под удар едва ли не единственное достижение 2000-х годов. Наиболее вероятное следствие таких решений — новый виток теневизации экономики и ухудшение делового климата в стране. Кризис пенсионной системы в этих условиях

неминуем. Пенсионная система не только перестанет выполнять свою важнейшую социальную функцию — обеспечение достойного уровня жизни лиц, вышедших по возрасту с рынка труда, но и превратится в остро негативный макроэкономический фактор и препятствие для экономического роста.

По существу, на повестку дня встает вопрос о новом этапе реформирования пенсионной системы. Новая пенсионная система должна превратиться из *инструмента борьбы с бедностью в систему страхования и накоплений*. Только в таком случае она будет адресована не только бедным, но и всем социальным группам, и средне- и высокооплачиваемые работники станут полноправными участниками пенсионной системы. Необходимо усилить роль накопительного элемента в пенсионной системе, исходя из понимания необратимого влияния демографических факторов, в результате действия которых полное финансирование пенсии многочисленных и постоянно растущих поколений пожилого населения за счет неизменных или даже сокращающихся поколений экономически активного населения в ближайшей перспективе крайне затруднено, а в долгосрочной — невозможно. Усиление накопительного принципа должно касаться как добровольной пенсионной системы, так и обязательной.

Для этого необходимо действовать одновременно по двум направлениям:

— 1. Повысить, начиная с 2014 г., размер обязательного страхового платежа в накопительную часть — с нынешних 6% от заработной платы до 8, 10, возможно, даже 12% для наиболее молодых категорий работников. При этом должны соответственно снижаться обязательные отчисления на обеспечение страховой части будущих пенсий. Это должно обеспечить за счет обязательного накопительного элемента тем, кто будет выходить на пенсию начиная с 2022 г., не менее 10–15% будущей пенсии, а для последующих возрастных когорт уже к 2030–2035 гг. — 30–40%.

— 2. Дополнительным источником повышения пенсии за счет собственных накоплений может стать дальнейшее развитие программы добровольного софинансирования будущей пенсии. Необходимо уже в ближайшие два-три года существенно поднять объемы государственного софинансирования: с нынешних 12 тыс. руб. до 40–50 тыс. руб. в год. Наряду со взносом работодателя это поможет сформировать сумму, достаточную для увеличения средней трудовой пенсии не на 2 тыс. руб., как это вытекает из нынешних правил, а на 10–15 тыс. руб. в месяц (практически вторая пенсия).

Оба приведенных выше предложения возлагают на федеральный бюджет дополнительные расходы (компенсация постоянно растущей части страховых платежей в пенсионную систему, идущую на накопительные счета, а также увеличение объемов государственного софинансирования добровольных дополнительных пенсионных программ). Этот

период продлится до 2030–2035 гг., когда у основной части граждан, находящихся на пенсии, выплаты будут формироваться преимущественно за счет обязательных и добровольных пенсионных накоплений. Для поддержки устойчивости федерального бюджета могут быть, во-первых, использованы средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) и, во-вторых, средства, вырученные от массовой приватизации государственного имущества и пакетов акций, принадлежащих государству.

Предлагаемый подход к использованию ФНБ включает следующие пункты: 1) принятие решения об использовании средств ФНБ исключительно на поддержку пенсионной системы; 2) направление инвестиционного дохода от размещения средств ФНБ на дополнительное финансирование выплат в сфере пенсионного обеспечения.

Должен быть предпринят целый ряд мер, касающихся негосударственных пенсионных фондов (НПФ), в целях создания для частных вкладчиков максимально привлекательных условий работы с подобными фондами, повышения надежности их деятельности. К числу таких условий относятся:

- освобождение пенсионных взносов работодателей в НПФ от обязательного пенсионного страхового платежа;

- освобождение пенсионных взносов граждан в НПФ от подоходного налога;

- освобождение пенсионных выплат из НПФ от налога на доходы физических лиц;

- унификация налогообложения НПФ и других субъектов негосударственного пенсионного обеспечения;

- ужесточение требований к деятельности НПФ и работающих с ними частных управляющих компаний, в том числе по уровню достаточности собственного капитала и стандартам операционной деятельности;

- в целях защиты прав граждан, инвестирующих свои средства через НПФ, требуется принять специальный закон «О компенсациях гражданам на рынке ценных бумаг», который бы сделал возможным создание страховых фондов (например, через механизмы саморегулирования) профессиональных участников финансового рынка. При этом должна быть предусмотрена обязательность членства в саморегулируемых организациях для компаний, работающих со средствами населения. Кроме того, актуальным является более жесткое регулирование рекламы розничных финансовых услуг и порядка их предложения.

В условиях, когда страховые принципы пенсионной системы все еще не получили полноценного развития, для обеспечения минимально приемлемых стандартов жизни людей пенсионного возраста могут использоваться и нестандартные подходы.

К их числу относится, например, поощрение со стороны государства (в виде налоговых льгот) внутрисемейных межпоколенческих пенсионных схем, когда вступившие в сферу занятости молодые члены семьи откладывают на специальные индивидуальные накопительные счета часть

своих доходов в пользу будущей пенсии собственных родителей. В данной схеме есть много плюсов — и не только чисто финансового характера.

Во-первых, у родителей усиливается стимул заниматься воспитанием детей в рамках общечеловеческой морали, построенной на уважении к старшим. Во-вторых, у них появится прямой смысл вкладывать деньги в образование и здравоохранение детей, фактически создавая тем самым базу для их успешного трудоустройства и получения ими высоких доходов, часть из которых вернется старшему поколению в виде упомянутой внутрисемейной пенсии.

3

Старение населения создает и достаточно серьезные вызовы политической системе. В составе электората становится все больше пожилых людей. В частности, в России сейчас насчитывается около 110 млн. избирателей¹⁵, из которых примерно 21% — это люди пенсионного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше)¹⁶. Причем реально влияние мнения пожилых людей во время выборов намного выше, чем упомянутые 21%, так как эта категория наиболее активна с точки зрения явки на избирательные участки.

И дело здесь даже не в чисто количественной активности, а в политических предпочтениях пожилого населения. Если говорить о России, то среди этих людей наиболее распространены симпатии к партиям, которые либо стоят на национал-консервативных позициях (КПРФ, ЛДПР), либо олицетворяют власть («Единая Россия»). Кроме этого, надо иметь в виду, что контролируемые государством федеральные телеканалы (прежде всего «Первый», «Россия», НТВ) по-прежнему являются основным источником информации для пожилого населения.

Эти обстоятельства серьезно затрудняют формирование широкой общественной коалиции за реформы. Для того чтобы адекватно ответить на этот вызов, политическому классу потребуется пересмотреть многие очевидные вещи.

Например, необходимо более активно привлекать пожилых людей в качестве не только избирателей, но и депутатов всех уровней законодательной власти. Участие представителей этого слоя в дискуссиях с людьми, придерживающимися других взглядов, в подготовке законодательных инициатив позволит донести до пенсионеров аргументы в пользу реформ, выработать адекватные механизмы социальных компенсаций и гарантий для них.

Крайне важно инициировать компьютерную грамотность пожилых людей — обеспечивать их дешевыми компьютерами, обучать работе с ними, предоставлять на льготных условиях доступ в Интернет. В результате у них появится возможность получать адекватную, а не препарированную информацию о ситуации в стране, принимать участие в сетевых дискуссиях, форумах, обращаться в удобной форме с запросами в органы государственной власти.

Но самое главное — выработка и реализация политики по улучшению ситуации в пенсионной сфере, здравоохранении и социальном обслуживании, что позволит не только словом, но и делом убедить пожилых людей поддержать столь необходимую России модернизацию.

Примечания

¹ www.gks.ru/free_doc/2010/dem-sit-09.doc.

² Ibid.

³ Рассчитано по: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3a.xls.

⁴ Так, в 2009 г. превышение смертности над рождаемостью в России составило 179,8 тыс. чел., а в 2010 г. — 142,1 тыс. (www.gks.ru/free_doc/2010/dem-sit-09.doc).

⁵ В данном случае у России имеется весьма негативная специфика. В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 68,67 года. Это больше, чем в 1994 г. — 63,85 года, но все еще меньше, чем в 1986–1987 гг. — 70,13 года и даже в 1961–1962 гг. — 68,75 года (www.gks.ru/doc_2010/demo.pdf).

⁶ Статья 3 Всеобщей декларации прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (www.prawa.narod.ru/deklar.htm).

⁷ www.lenta.ru/economy/2000/07/06/japan/

⁸ www.ria.ru/spravka/20100425/227286221.html

⁹ www.minzdravsoc.ru/pensions/razvitie/121

¹⁰ www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/insurance/6

¹¹ Ibid.

¹² www.gks.ru/free_doc/2010/dem-sit-09.doc

¹³ Подробно о программе модернизации России см.: Институт современного развития. «Обретение будущего. Стратегия 2012» (www.insor-russia.ru/files/Finding_of_the_Future%20FULL_.pdf).

¹⁴ www.gazeta.ru/finacial/2010/10/15/3428907.shtml

¹⁵ www.gazeta.ru/news/lenta/2009/04/09/n_1350428.shtml

¹⁶ www.gks.ru/bgd/regl/b10_111/Main.htm

Научное издание

**ЯПОНИЯ:
экономика и общество
в океане проблем**

Редактор *М.А. Унке*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано к печати 23.11.11
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,2. Уч.-изд. л. 14,8
Тираж 500 экз. Изд. № 8490. Зак. №

Издательская фирма
«Восточная литература»
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21. www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6